

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА.

Мое путешествіе изъ Красноярска въ Москву, въ Перервинскій монастырь,

съ 11 числа Іюня по 26-е число Іюля 1870 года, въ теченіе 45-ти дней *).

I. Предисловіе.

Имѣя всегда слабое здравіе, я въ прошедшемъ 1869 году, 4-го Іюня, имѣлъ почти внезапное тяжкое пораженіе: послѣ неоднократной рвоты желчію, у меня сдѣлалось такое головокруженіе, что ожидалъ кончины житія моего. Господь спасъ меня, возвратилъ мнѣ жизнь и здравіе, но на половину. Ученый врачъ Леонидъ Николаевичъ Бартневъ не могъ возвратити мнѣ полное здравіе.

Съ того времени я уже и не поправился. Въ головѣ шумъ и пустота, близъ обморога; ноги отяжелѣли, меня всего тянуло книзу: я не могъ отстоять и раннюю литургію (часъ), не присаживаясь. Последній разъ я служилъ въ кафедральномъ соборѣ въ Воздвиженіе Креста Господня. Затѣмъ я уже только ходилъ къ своей равней домовоѣ литургіи. Достигши праздниковъ Рождества Христова и Крещенія и не находя въ себѣ силъ служить, я рѣшился просить Святѣйшій Синодъ объ увольненіи меня отъ епархіальнаго управленія.

Я написалъ три прошенія: 1, въ Св. Синодъ, чрезъ митрополита С.-Петербургскаго Исидора, о увольненіи отъ должности; 2, къ митрополиту Московскому Иннокентію, о помѣщеніи меня въ одномъ изъ Московскихъ монастырей; 3, къ оберъ-прокурору Свода графу Дмитрію Андреевичу Толстому о дарованіи мнѣ пенсіи и проговоровъ до Москвы по милости Синода, сколько признается приличнымъ.

---

*) Эти записки любезно сообщены въ „Русскій Архивъ“ Михаиломъ Николаевичемъ Галкинымъ-Враскимъ, получившимъ ихъ въ свое распоряженіе отъ самаго епископа Никодима. Магистръ Московской Духовной Академіи Никодимъ (род. 5 Сент. 1802 г. † 11 Іюня 1874) былъ первымъ епископомъ Енисейскимъ (съ мѣстопробываніемъ въ Красноярскъ) по отдаленіи того края отъ Томской епархіи. Передъ тѣмъ овъ служилъ инвиріемъ въ Казани, а до того ректорствовалъ послѣдовательно въ нѣсколькихъ семинаріяхъ. П. Б.

Прошенія сіи я отослалъ на почту 5-го Января сего 1870 года. (Въ 1862 году въ этотъ день я прїѣхалъ въ Красноярскъ на службу въ Енисейской епархіи).

30 Марта я получилъ телеграмму отъ митрополита Московскаго изъ Петербурга, коею меня спрашиваетъ: «который изъ двухъ монастырей я избираю себѣ для покоя: Перервинскій или Серпуховской». Я отвѣчалъ: «Перервинскій».

23 Мая я получилъ указъ изъ Св. Синода (22 Апрѣля 1870 г. № 754), коимъ мнѣ объявлено: а) что я уволенъ отъ управления епархіею по разстроенному здоровью высочайшею властію Императора, по представленію Св. Синода 6-го числа Апрѣля; б), что мнѣ дозволяется помѣститься въ одномъ изъ монастырей Московской епархіи по соглашенію съ митрополитомъ Московскимъ. О пенсіи же и о прогонахъ не упомянуто ни словомъ. Обстоятельство сіе дало мнѣ грусть: я получилъ жалованье за весь Апрѣль, а указъ 23 Мая, когда я уже почти все издержалъ; между тѣмъ а), надобно возиратить перебранное за Апрѣль, б) жить чѣмъ знаешь и гдѣ хочешь, кромѣ Красноярскаго архіерейскаго дома.

Но обстоятельство сіе мною было предусмтрѣно, и я по нему размышлялъ: «Мила мнѣ родина моя; я желалъ бы улетѣть къ ней на крыльяхъ, хотя знаю, что я тамъ всѣмъ чужой; а здѣсь, въ Красноярскѣ, я сближенъ со многими, и нигдѣ лучше меня не знаютъ какъ здѣсь. Полетѣлъ бы, но нѣтъ денегъ на проѣздъ; а здоровье мое разстроилось такъ, что я сомнѣваюсь, могу ли вынести тяжкій четырехтысячный путь. Посему, на случай, я положилъ: построю себѣ домъ на архіерейской землѣ въ Красноярскѣ, въ уголѣ, и буду здѣсь жить потихоньку съ благословенія мѣстнаго преосвященнаго». Въ сихъ мысляхъ я и началъ строить себѣ домъ, и къ 23 Мая онъ уже выведенъ былъ выше оконъ. Къ Августу онъ былъ бы готовъ.

Когда я это твердилъ тому и другому, я замѣчалъ на лицахъ слушателей недоумѣнія, сомнѣнія, грусть. Я сталъ самъ проговаривать: не ѣхать ли въ Москву? Первый, отецъ кафедральный протоіерей, лучший мой собесѣдникъ, совѣтникъ и другъ (онъ же и отецъ мой духовный) сквозь слезы сказалъ мнѣ: «Желали бы мы васъ видѣть около себя навсегда; но мы жалѣемъ васъ; нельзя не быть вамъ скорби. Каковъ бы ни былъ вашъ преемникъ, ему нельзя выдержать всегдашняго мира съ вами. Найдутся обстоятельства и люди, которые возмутятъ покой вашъ. Намъ жаль васъ. Поѣзжайте въ Россію, успокойте себя и насъ избавьте отъ подозрѣній и злорѣчій недобрыхъ, которые не преминули бы возмутить покой нашъ, владычній и вашъ».

Такия и подобныя рѣчи, слышанныя мною и отъ другихъ, рѣшили меня собраться и ѣхать немедленно въ Россію.

Я попросилъ въ попечительство заимообразно тысячу рублей. Мнѣ ее дали. Потомъ сами отцы, не зная изъ какихъ суммъ, поднесли мнѣ пятьсотъ рублей. Еще Петръ Матвѣичъ Куртуковъ прислалъ мнѣ сто рублей. Я успокоился и нашелъ полную возможность ѣхать въ Москву.

Какъ бы въ залогъ или свидѣтельство моего довѣрія и уваженія къ духовнику Красноярска, я оставилъ тамъ: а) всю мою библіотеку, б) лучшее платье и вещи.

Послѣ того я сталъ быстро собираться въ путь. 7-го числа Іюня, въ Воскресеніе Всѣхъ Святыхъ, я въ послѣдній разъ отслужилъ въ кафедральномъ соборѣ. 11 числа, въ Четвергъ, въ половину дня, я выѣхалъ изъ Красноярска, проплакавъ сладко-горько въ домовой архіерейской церкви, благодаря за милости ко мнѣ здѣсь Божіи, прося пощады за погрѣшности и ошибки и испрашивая благословенія въ путь далекій.

II. Путь до Ачинска.

О. кафедральный протоіерей Василій Дм. Касьяновъ попросилъ дозволенія проводить меня до Ачинска. Онъ ѣхалъ въ особой повозкѣ. Въ селѣ Арейскомъ меня встрѣтили и со мною простились ключарь-священникъ Алексѣй Конст. Угрюмовъ и о. Григорій Климовскій, Покровской церкви, оба члены консисторіи.

Мы ночевали въ деревнѣ *Ибротъ*, у старушки разумной и небѣдной (отѣхали четыре станціи).

Еще раза два мы ночевали у сей же старушки.

12 число Іюня, *Пятница*. Деревенская жизнь, особенно здѣсь, грязна и безпокойна. Здѣсь скотина бродитъ по селенію, приставаая гдѣ сама захочетъ; запертая собака визжитъ раздражительно (я боюсь собакъ, ихъ запираютъ ради меня), корова реветъ подъ окномъ, и тутъ же гурьба мужиковъ, сидя на завалинѣ, ведутъ праздыя рѣчи, громкимъ говоромъ. Можно ли покойно спать?

Еще: въ Сибири собственнo двора нѣтъ; на дворахъ постройка разбросана по площади двора безъ порядка, и всѣ прозрачны: негдѣ укрыться для нужды, вездѣ васъ видно. И это для меня всегда было испытаніемъ. Однако, проѣхавъ верстъ 70 и послѣ тревогъ прошедшаго дня, я уснулъ и спалъ глубоко. Добрая, богобоязненная старушка утѣшила своею добродѣтелію и хорошею ухою. Мы встали въ 5 часовъ. Гремить громъ. Поѣхали.

На стациі *Козульна* вѣжливый писарь - старикъ, утѣшилъ меня своею уважительностію, которая, конечно, есть свидѣтель его богобоязненности. Вторая стациія село *Кемчугъ*. Такъ зовется рѣка, обтекающая сіе село и хребетъ горъ, верстъ на 150, сопровождающихъ правый берегъ рѣки *Чулымъ*, которая въ этомъ мѣстѣ отъ тракта налѣво верстахъ въ 60-ти. Рѣка предъ селомъ, мы къ ней спускались съ горы на версту, высокой и крутой. Направо, и налѣво, и впереди красивые виды віоющейся рѣки Кемчуга, горныхъ откосовъ, легкой изволоки, на которую намъ придется подниматься, и сплошной тайги сосенъ, липственницъ и отчасти кустарныхъ деревъ.

Рѣка Кемчугъ съ Москву-рѣку. Село на той сторонѣ, на ровномъ мѣстѣ. Мы остановились у священника Ильи Тыжикова. Чай и пирогъ, который есть и блюдо: откройте верхушку, подъ нею найдете и уху, и жаркое изъ отличной сейчасъ пойманной рыбы.

Священникъ Илья пренабожный до возбужденія: онъ даже померкъ было въ разсудкѣ отъ напряженной набожности. Слава Богу, прошло. Онъ ходилъ пѣшій, кажется, въ Иркутскъ (1000 верстъ) на богомолье и возвратился просвѣтлѣвши разумомъ. Онъ среднихъ лѣтъ. Бываютъ дѣти, во гаснутъ: видно есть что либо венормальное въ немъ или въ женѣ его, или въ обоихъ. О, Боже мой! Въ супружествѣ надобно помнить исторію Товія. (Умерла жена о. Иліи, молодая женщина; мнѣ написалъ о. протоіерей 11 Января 1871 года).

Третья стациія, село *Черная рѣчка*. Здѣсь церковь каменная, во имя Архистратига Михаила. Построена въ честь Михаила Михайловича Сперанскаго, управлявшаго Сибирью при Александрѣ I-мъ. (Есть и еще церкви на память его и въ честь ему). Церковь мрачная, угрюмая, почти безъ оконъ. Свѣтъ сверху. Иконостасъ бѣдѣйшій.

Остановились у священника *Сакердона*: совершенный типъ чистаго Сибиряка. У него обѣдъ. Человѣкъ неученый, но разумный, дальновидный и съ характеромъ. Съ нимъ въ 1862 году мы плавали въ Туруханскъ. (Онъ вѣсколько лѣтъ былъ въ урочищѣ Дудникъ, ниже Туруханска ста четыре верстъ, приходскимъ священникомъ). Дѣти у него хорошія, но каждый почти изъ нихъ наложилъ ему крестъ: дочь дѣвица почему-то не пожелала быть въ супружествѣ и отцвѣтаеть дѣвою, не желая однакоже идти въ монастырь. Сынъ, на коего была вся его надежда, послѣдній оставный, былъ женатъ; я посвятилъ его во діакона. Отецъ готовилъ ему свое мѣсто, и что же? Поживъ года два въ супружествѣ, сынъ овдовѣлъ! Препона быть священникомъ, а отцу отчаяніе и слезы. У него было еще два сына, и оба умерли въ молодости. Первый сынъ умеръ, кажется, въ Томскѣ, въ семиваріи, до меня; послѣдній умеръ въ Красноярскѣ, уже назначенный въ се-

минарію изъ здѣшняго училища. И когда же? Во время нашего плаванія въ Туруханскъ. О. Сакердонъ узналъ о семь въ Енисейскѣ по возвратѣ нашемъ изъ Туруханска. Жаль было и мнѣ видѣть его въ такой скорби.

Четвертая станція, село *Тарутино*; длинное село, заселенное ссыльными по проекту генераль-губернатора, лѣтъ за 40 предъ симъ. Тутъ церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, которую выстроили при мнѣ, и я ее освятилъ. Подъѣзжаемъ къ церкви, народу много, стоять кучами. Я вышелъ. Благословилъ. Поговорилъ. Меня просить священникъ къ себѣ въ домъ; я съ досадою отвергъ, пошелъ къ повозкѣ, сѣлъ; меня подвезли къ дому священника. Я раздосадовалъ болѣе, велѣлъ везти на станцію. Я полагаю, что станція далеко, на прежнемъ мѣстѣ, а она тутъ и есть. Я сошелъ. Хотѣлъ обождать здѣсь пока запрягутъ лошадей; станція набита людьми внизу, а на верхъ узкая лѣстница, мнѣ не влѣзть бы.

Тутъ я увидѣлъ промахъ и свою строптивость. Чтобъ скрыть это, я пошелъ въ церковь, приложился къ престолу; посмотрѣлъ ризницу, которая была разложена; припомнилъ часы освященія храма и вышелъ нѣсколько успокоившись.

Въ это время успѣли запрячь лошадей, и я поѣхалъ далѣе взволнованный, однакоже и вида, что я самъ виновникъ всего конфуза, и затѣмъ глубоко оскорбилъ священника и спутниковъ: двухъ протоіереевъ, Красноярскаго и Ачинскаго.

Была гроза; тяжкіе удары грома и ливень, какіе здѣсь рѣдки. Когда небо очистилось, я захотѣлъ встать. Остановили лошадей. Я слѣзъ. Прошелся. Нарналъ цвѣточковъ. До города Ачинска оставалось верстъ 12. Мы ѣхали въ двухъ повозкахъ: я впередъ, а за мною о. протоіерей. Садясь въ повозку, я, по предложенію о. протоіерея (онъ пересѣлъ ко мнѣ), велѣлъ его повозкѣ ѣхать впередъ, чтобъ предупредить въ Ачинскѣ о. протоіерея, Александра Срѣтенскаго.

Такія распоряженія я дѣлалъ стоя на приножкѣ и не сѣвши въ повозку. Мой ямщикъ держалъ лошадей, стоя на землѣ у головъ ихъ, а другой повозки ямщикъ сидѣлъ уже на козлахъ и тронулъ лошадей, чтобъ ѣхать впередъ. Тронулись и наши лошади. Ямщикъ держитъ, чтобъ остановить и сѣсть на козлы, не сдержалъ, лошади помчали, разъярились, бросились съ азартомъ, ямщикъ упалъ, за нимъ и я.

Я упалъ на лѣвый бокъ, ударившись головою и лѣвымъ плечомъ, на землю. Минуть десять я лежалъ безъ чувствъ. Потомъ сознание возвратилось, но я не смѣю пошевелить ни однимъ членомъ тѣла. Началъ тихонько перечитывать молитвы: «Иже на всякое время»... «Отче нашъ»... «Богородице-Дѣво радуйся»... твердилъ «Господи помилуй!»

Въ эти минуты я думалъ, что я разбился смертельно и что настала послѣдній часъ моей жизни.

Мой келейникъ Федоръ кружился около меня и рыдалъ, приговаривая какія-то рѣчи, прощаясь со мною. Подбѣжалъ о. протоіерей, который соскочилъ съ повозки и тоже упалъ и ушибся (ве очень больно). Кричитъ: «Живъ ли, владыко?» Я простовалъ тихонько: «Живъ!»— «Что вы ушибли? Нѣтъ ли перелома костей и еще чего опаснаго?»— Я отвѣчалъ: «Нѣтъ». — Меня приподняли. Лошади уброшены. Ихъ подвели. Меня посадили.

Мы пріѣхали въ Ачинскъ къ о. протоіерею. Я тотчасъ послалъ за лѣкарями. Пришли двое (сколько есть). Я просилъ освидѣтельствовать меня. Раздѣлся до нага. Осмотрѣли, ощупали, не нашли ничего опаснаго. Предлагали что-то успокоительное. Я согласился для ихъ утѣшенія, но не принялъ, довольствуясь милосердіемъ Божиимъ за свое спасеніе и воспѣвая Его милость ко мнѣ.

Было 4 часа дня, когда мы пріѣхали въ Ачинскъ. Я могъ бы вѣхать далѣе (даже и долженъ бы былъ, потому что супруга протоіерея Александра, Анна Дмитриевна, завтра являющаяся), но за болѣзнію и страшнымъ приключеніемъ со мною остановился ночевать.

Бскорѣ по пріѣздѣ моемъ нашла туча, былъ строгій громъ и пролилъ обильный дождь; протоіерей Александръ, повидимому сердечно, со слезами на глазахъ, мнѣ сказалъ: «Ради посѣщенія вашего преосвященства Господь послалъ городу нашему благодать дождя и грома; доселѣ у насъ была страшная засуха. Это первый дождь». О. Александръ далъ ужинъ богатый и Шампанское. Я дозволилъ себѣ лишнюю рюмку и расходился негодованіями на преосвященнаго Аѳанасія (уже покойнаго), бывшаго здѣсь епископомъ, а потомъ въ Казани, гдѣ я служилъ при немъ викаріемъ.

Молча и съ грустію слушали мои жалобы и осужденія отцы, даже и потому, что сами считаютъ его примѣрнымъ архипастыремъ, далеко взвышаютъ надо мною и имъ облагодѣтельствованы. Я это понималъ, но едва сдержался отъ дальнѣйшаго, бывъ глубоко оскорбленъ униженіями и презрѣніемъ отъ покойнаго Аѳанасія въ Казани. Да не вмѣнять ему сего Господь! Но я не думаю клеветать на него. Я точно испытывалъ оскорбленія, которыя не всякій перенесъ бы безъ огрѣженія, даже и потому, что онѣ несправедливы.

III. Отъ Ачинска до Томска.

13 Іюня, Суббота.

Ночь провелъ я порядочно. Поутру, проснувшись, слышу вой и стонъ; я подумалъ: «это собаки воютъ, предваряя мою кончину». Всталъ, подошелъ къ окну. Слышу звонъ къ утрени (можетъ быть,

и собаки выли же). Всталъ тихо. Вечера я ушибъ: а) голову, съ лѣвой стороны поднялся бугоръ и ссадина; б) лѣвое плечо, тоже ссадина и спящая полоса; в) правую ногу у муслыжки, ссадина и багровая полоса. Я потерялъ мѣста сіи деревяннымъ масломъ изъ лампы и предался волѣ Божіей. Меня спасла отъ смерти моя камизавка, дурная, изношенная, но густо-теплая. Я упалъ головою на землю, имѣя на себѣ эту камизавку; она-то и умалила жестокость удара головы о землю.

Такъ я простился съ Евпсейскою епархіею. Я принялъ сіе со смиреніемъ, почитая, что сіе есть вразумленіе мнѣ и какъ бы отпущеніе за мое вчерашнее пренебреженіе и безчестіе отъ меня священнику села Тарутина. Вразумленіе, но и пощада, ибо долготерпѣливъ и милостивъ есть Господь. Гордость моя посрамлена и сломлена, я опозоренъ, но мнѣ оставлена моя жизнь.

Священникъ этотъ, изъ дьячковъ, былъ послѣдній посвященный мною. Еще въ прошедшемъ году онъ успивался просить себѣ священство. Тогда я отказалъ ему, наипаче потому, что это было въ Юлѣ или Августѣ, когда я послѣ тяжелой болѣзни служить не могъ. Да и самъ онъ мнѣ казался нестоящимъ. Но за него сталъ ходатайствовать братъ жены его, Василій Ивановичъ Вавиловъ, служащій въ Казенной Палатѣ и усердно покровительствующій духовенству, по надѣлу землю причтовъ. (Вавиловъ самъ изъ духовныхъ, семинаристъ Тобольскій). Послѣ неоднократныхъ настояваній я согласился утѣшить этимъ Вавилова *), въ самомъ дѣлѣ много сдѣлавшаго духовенству добра. Я посвятилъ во священника этого дьячка, кажется, выѣшнюю весною. Его-то я обезчестилъ, не захавъ къ нему. Между тѣмъ, по распоряженію Вавилова, крестьяне меня встрѣтили у церкви торжественно. Но меня привело это еще въ болѣшую досаду, потому что я видѣлъ, что все это есть комедія, вынужденная, лицемѣріе.

Между тѣмъ, я въ тотъ день уже имѣлъ два обѣда и двѣ закуски; это была бы третья, а въ Ачинскъ я пріѣхалъ бы на четвертую.

Но паче всего мнѣ тяжелымъ казалось ласкать и величать священника лицемѣрно, безъ убѣжденій и какъ бы по заказу, наипаче котораго я почти презираю. Вотъ моя исповѣдь, меня вразумилъ Господь. Слава милосердію Божію!

Меня оба отцы протоіерея, о. Александръ Ачинскій, хозяинъ дома и города, и о. Василій, кафедральный, захотѣли проводить еще на станицю, до станицы Бѣлозерской, гдѣ церковь и гдѣ предѣлъ Евпсейской губерніи и епархіи.

*) Вавиловъ умеръ 12 Декабря 1870 года отъ тифозной горячки. Я извѣщенъ 11 Января 1871 года.

Городъ Ачинскъ стоитъ надъ рѣкою *Чулымъ*, на правомъ берегу его, высокою, гористую. Насъ перевезли чрезъ рѣку на самолеть и скоро и покойно. Рѣка быстра, красивая, нѣтъ болотъ, нѣтъ поростовъ. Вода течетъ какъ на блюдѣ, хрустально-свѣтлая. Таковы въ Сибири всѣ рѣки: текутъ быстро и чисты. На мой глазъ, примѣрно, рѣка Чулымъ имѣетъ здѣсь 100 сажень ширины.

Мы поѣхали низменною долиною, которую огibaетъ Чулымъ; направо и налево видишь большія (съ версту) и малыя озерца, въ родѣ заливовъ отъ Чулыма, однако они самостоятельны и съ рѣкою не имѣютъ сообщенія.

1. Приѣхали въ станицу *Бюльюрскую*. (Это Сибирскіе земскіе казаки, полукрестьяне и полувоенные, обрабатываютъ землю и на сроки, по очереди, служатъ въ Сибири же, въ своихъ городахъ; они имѣютъ много привилегій передъ крестьянами и обижаютъ ихъ, какъ беззащитныхъ). Здѣсь граница Енисейской губерніи. Здѣсь простился я съ отцами-протоіереями. Здѣсь же я сдѣлалъ горькій упрекъ (о чемъ жалѣю даже и потому, что это было на улицѣ, при собраніи казаковъ) священнику нетрезвому и погрѣшающему въ повѣнчаніи жителей, безъ осторожностей, безъ справокъ.

Ѣдемъ. У насъ въ виду, въ верстѣ отъ насъ налево, на берегу Чулыма (мы поѣдемъ около него верстѣ 70), деревня «Зерцало» (странное имя). Это уже Томской губерніи. Здѣсь спасался блаженный Давидъ (скончавшійся и погребенный въ женскомъ Енисейскомъ монастырѣ въ 1843 году). Осталась здѣсь его келія, накрытая глухимъ сараемъ. Это ровъ или канава въ три аршина глубины и аршина полтора ширины. Съ праваго бока изъ кирпичей полупечь. Все это обтянуто сверху плетнемъ, обсыпано землею, накрыто тесомъ.

О семъ Давидѣ есть печатное сказаніе. Мы съ о. протоіереемъ Василіемъ въ Красноярскѣ собрали еще нѣчто въ дополненіе и сбирались напечатать вновь, но пока еще не исполнили.

Сей Давидъ безъ сомнѣнія есть мужъ богоугодный, ибо прорицалъ будущее и чудодѣйствовалъ. И нынѣ продолжаютъ надъ могилою его явленія чудодѣйствующаго милосердія Божія. Въ Енисейскѣ его весьма почитаютъ.

Приѣхали въ село, 2. *Красная рѣчка* (въ соотвѣтствіи *Черной рѣчки*, Енисейской губерніи). Церковь каменная. Село огромное. Было бы очень красиво, ибо есть богатые дома; но оно сплющено такъ, что едва могутъ развѣхаться двѣ телѣги въ улицѣ. (Думаю отъ Поляковъ и по подражанію Европѣ).

До сихъ поръ я ѣхалъ съ двумя: келейникъ Федоръ и какой-то бродящій Николай Шейкинъ, лекарскій ученпкъ, весьма не дуракъ,

лѣтъ за 40. Бредеть въ Москву. Я предложилъ ему ѣхать со мною, мнѣ послужить, взамиѣвъ чего я привезу его въ Москву даромъ. Этотъ-то Николѣй, еще вчера пьяный, а въ Бѣлоярскѣ еще пьянѣе, здѣсь же напился такъ, что не можетъ и влѣзть на повозку. Стыдъ и срамъ. И можно опасаться не свалился бы подъ колесо. Вынужденъ былъ оставить его здѣсь, возвратилъ ему его документы и далъ три рубля.

Я поѣхалъ на волю Божию, съ однимъ келейникомъ, почти юношею (21 года).

3. Приѣхали въ село *Боготолъ*, огромное и торговое село. Есть двухъэтажные дома. Хорошая каменная церковь. Улицы тоже стѣснены (менѣе 5 саж.) и портятъ красу села. Были у меня священникъ и діаконъ, люди степенные, рѣчи разумныя, осторожныя, обращеніе уважительное.

Противъ Боготола, на той сторонѣ рѣки Чулыма, винокуренный казенный заводъ (нынѣ, кажется, упраздненный). Здѣсь-то блаженный Давида страдалъ отъ тирана и безбожнаго начальника. Онъ обливалъ Давида холодною водою, поставивъ его на кровль, зимою, въ 40-градусные морозы, не за вину какую-нибудь, а только за то, что онъ богобоязненный человекъ. Тиранъ, ругаясь надъ старцемъ, приговаривалъ: «посмотримъ на его святость, согрѣеть ли она его». Этому тирану послѣдовала кара отъ Бога: у него перевернулась голова лицомъ назадъ.

Дорога по Енисейской губерніи отличная, не уступающая Русскому шоссе; въ Томской губерніи, хотя подражаютъ Енисейской, но дорога далеко хуже и небрежива. Мы впрочемъ ѣхали больше боками. Насыпь, сдѣланная на полотчѣ дороги, изъ битаго камня, такъ груба и небрежна, что предпочитаютъ ее бросить и ѣздить просто по землѣ. Зачѣмъ же мучать крестьянъ насыпью дороги?

Въ Енисейской губерніи исправляютъ дорогу крестьяне по своимъ участкамъ, гурьбою; здѣсь работа одиночная. Мнѣ сказали будто это отъ того, что крестьянинъ, давшій рубль, увольняется отъ этой работы; работаютъ же немогущіе дать рубля. Починка дороги оттого выходитъ пестрая, штучная, кусками.

4. *Больше - Козульское*. Село же. Церковь деревянная, Сибирскихъ чертежей, безъ фундамента, на столбахъ.

На станціи юродивый-полоумный Кпрядъ, почти нѣмой. Лѣтъ 50 (сказали) ходитъ въ рубахѣ и босой зиму и лѣто. Онъ встрѣтилъ меня быстрыми поклонами. (Понимаетъ же, что я служитель Божій).

Напился здѣсь Сибирскаго квасу; такого нѣтъ въ Россіи, густъ, слѣдовательно есть полуцица, полу-блюдо, мягокъ, сладокъ, утоляетъ жажду и совершенно здоровъ.

5. Село *Итатъ* проѣхали молча (ничего не записано).

6. Село *Тижинъ*, большое, при рѣкѣ. Здѣсь ночуемъ, на *дворянской квартирѣ*. Въ Сибири, по крайней мѣрѣ Восточной, въ каждомъ селеніи есть домъ, назначенный отъ общества квартирою для чиновниковъ, властей, вообще на всякую общественную потребу. Домъ обыкновенно хорошій имѣетъ чистую, пріятную горницу, иногда даже великолѣпную. Здѣсь всегда можно остановиться проѣзжающему привилегированнаго класса. Кротость и добродушіе обыкновенно украшаютъ хозяевъ дома (по крайней мѣрѣ я вездѣ это видѣлъ и нигдѣ ни разу огорченъ не былъ).

Здѣсь мнѣ подали хорошую уху. Я радъ, потому что весь день пробавлялся кое-чѣмъ своимъ, сухимъ.

Приходилъ ко мнѣ священникъ, молодой, ученый, степенный. Поговорили. Онъ доволенъ положеніемъ своимъ.

Я почувствовалъ сильно, въ первую же ночь, недостатокъ другаго сопутника. Изъ повозки нельзя было выносить все (много, до 14 пуд.); а тамъ оставить небезопасно, по крайней мѣрѣ робко. Я послалъ Федора въ повозку, а самъ ночевалъ одинъ.

Въ Сибири, по крайней мѣрѣ Восточной, по крайней мѣрѣ для меня, на почъ ставятъ сторожей у повозки, и они честно бдятъ подлѣ нихъ; это весьма успокоиваетъ.

Обыкновенно я благодарю рублемъ. Весьма благодарны. Церковь здѣсь деревянная, во имя св. Николая, новая, своеобразная, а не Сибирскихъ печатныхъ чертежей, просторная, свѣтлая, красивая, обшита тесомъ и покрашена; кровля желѣзная, покрашена зеленою краскою.

(Это уже Западная Сибирь. Здѣсь смѣлые отрицаютъ тиранію незваныхъ чертежниковъ церквей, миниатюрныхъ, неудобныхъ, темныхъ, насмѣшливыхъ, ребяческія шалости. Такими чертежами снабдили Восточную и Западную Сибирь изъ канцеляріи министра Киселева, лѣтъ за 20 предъ спмъ).

14 Июня. Воскресеніе. Пророка Елисея.

Просыпаясь, пою (мысленно) Московскимъ широкимъ напѣвомъ: «*Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя*».

Вѣтрено и свѣжо. Поѣхали. 1. *Суслово*—деревня.

2. Городъ *Маріинскъ*. Передъ нимъ рѣка *Кія*. Перевозъ на хорошемъ ладейномъ поромѣ, по канату. Остановился въ гостиницѣ. Идетъ обѣдня. Мнѣ дали уху изъ карасей и еще что-то, я сытъ.

Былъ вѣжливый помощникъ городничаго, молодой, пріятный наружности, скромный въ разговорахъ, въ парадѣ.

лъ литургія пришелъ священникъ Симеонъ. (Изъ Ишима, Тобольскій, но корень изъ Рязани), діаконь и два причетника.

Здѣсь я написалъ и отослалъ на почту два письма: а) въ Красноярскъ о. протоіерею, б) въ Чебаки—Захарію Михайловичу Цибульскому.

Съ чиновникомъ велъ рѣчи о жителяхъ города; наполненъ городъ Евреями, Субботниками, Молоканами. Русскіе подавлены имп. Вся торговля у тѣхъ. Меня даже стращали, что станціи надвѣ здѣсь путь небезопасевъ. Бываютъ грабежи и убійства. (Меня однакоже сохранилъ Господь).

Городъ красивый, хорошо обстроенъ. Улица продольная, сажень 100 шириною, есть и площадь. Храмъ Божій каменный, хорошій. Есть кладбищенская церковь. Съ одной (восточной) стороны городъ украшаетъ рѣка Кія (саж. 80) съ высокими чистыми берегами, а съ другою подходит полуболотистая тундра. Ее объѣзжаютъ, и тракть наложенъ по краю ея (что дѣлаетъ на 5 версть лишняго).

Иногда мы *молча кричимъ* (cum tacet, clamant). Смиранный архіерей, въ простомъ мовашескомъ одѣяннїи, ѣдетъ по городу. Казалось бы, что за бѣда? Нѣтъ: Еврей, Субботникъ, Молоканъ, взглянетъ свирѣпо, вызываетъ на драку, насучаетъ кулаки, вытягивается, становится въ положеніе готовящагося на схватку, шапку нарочно ставитъ на бекрень: явное нападеніе діавола! Я имъ не сдѣлалъ никакого злїя ниже мыслю. *Тяжескъ есть намъ и къ видѣнію*, говорится въ Премудрости.

Есть какая-то склонность въ правительствѣ осыпать привиллегіями такого рода неблагодарныхъ, вредныхъ обществу и ненавистниковъ Русскихъ. *Кійждо да блюдетъ, како назидаетъ... оны искуситъ.*

Маріинскъ есть складочное мѣсто для золотыхъ промысловъ, находящихся отсюда на Югъ, въ Алтаѣ, недалеко отсюда. Наши Чебаки здѣсь запасаются.

3. *Подземничная* станція, кажется, деревня. Для меня она примѣчательна тѣмъ, что около нея я встрѣтилъ протоіерея Василія Дмитріевича Касьяна, 3 Января 1862 года, ѣхавшаго встрѣчать меня. То было ночью.

На половинѣ этой станціи огромная деревня, дикой постройки, (безобразна и громадна) на болотахъ, рѣкахъ, мостахъ. Я думалъ, что тутъ раскольники; напрасно: православные. Рѣка и деревня Антибесъ, странное, вѣроятно Остяцкое слово.

4. Село *Бирикульское*. Тутъ на станціи вступилъ со мной въ разговоръ Еврей изъ Маріинска, ѣдущій въ Томскъ (съ семействомъ) посѣтить больного брата. Очень живой и расторопный, даже кажется образованный. Осуждалъ безразсудство Субботниковъ (Русскихъ му-

жиковъ), которые хотять быть Еврейскаго закона, не зная ази въ этомъ законѣ, ни языка его. Намекаль ва излишество свисхожденіа Русскаго правительства къ видимому сумасбродству, кажется досадуя, что эти безумцы безчестять разумное Еврейское богопочтеніе. Я подтакивалъ, почитая излишнимъ распространяться въ разсужденіяхъ о дѣлѣ, не касающемся меня въ это время. Прежарко. Ёдемъ обычно лѣсами, которые, къ утѣшенію моему, не столь обезображены злыми-губительными палами, какъ въ Енисейской губерніи; во въ воздухѣ сухая сѣрнаго запаха мгла. Страшная засуха, все увяло, понивло, оставилось въ ростѣ.

5. Село *Почитанское*. Насъ встрѣтила партія арестантовъ; ихъ везуть на тройкахъ и парахъ быстро, по шести человекъ на повозкѣ и седьмой—вооруженный солдатъ. Женщины ѣдутъ особо, семейные съ дѣтьми особо, тяжкіе преступники, подъ проволоочною сѣткою, особо; багажъ ихъ везуть особо. Лица блѣдныя, видно душевное страданіе; но есть и весельчаки.

Встрѣтила насъ Цыганка, дѣвица, совершенныхъ лѣтъ, весьма пріятной наружности, правильно и разумно говорящая по-русски, цѣломудренная, восторженная; просить на бѣдность. Я ей далъ рубль и платокъ. Однако она сказала ложно, будто у нея нѣтъ ни отца, ни матери и будто она скитается по чужимъ шатрамъ. Черезъ полверсты меня встрѣтила мать ея.

Что́ этотъ родъ, это племя? Дѣвушка просить, умоляетъ отчаянно, съ конвульсіями, просить прикрыть ея наготу, дать ей на хлѣбъ. Она не лжетъ: ей точно нечѣмъ одѣться, ибо она не умѣетъ шить, да и матеріала для сего она не могла пріобрѣсти; бродить по свѣту съ родителями, которые не имѣютъ ни пяди земли, ни ремесла, ни скотоводства. Ей точно нечего ѣсть, потому что ничего не сѣяла, ни жала, не молотила. Одна милостыня есть средство ея питанія и согрѣванія.

Въ другой разъ, тутъ же, одна пожилая Цыганка начала меня величать и *пророчествовать* мнѣ всякаго добра. Я ее остановилъ и сказалъ: «Я священникъ. Меня такими баснями не обольстишь; будущее въ десницѣ Божіей. Ты не лги на Бога. Придумай честные способы для пропитанія». Задумалась на минуту Цыганка; потомъ, какъ бы проснувшись и устыдясь уступки, опять заговорила пророчества обо мнѣ, впрочемъ трогательныя: «Ты, мой батюшка, много въ жизни потерпѣлъ, но и все перенесъ и получилъ отъ Бога награду. Будешь и еще терпѣть; но все это кончптся большимъ счастіемъ тебѣ, и многіе тебя похвалятъ!»

Еще въ одномъ мѣстѣ, на станціи, Цыганки, угадавъ какъ-то, что я щедръ, обступили мою повозку и начали причитати мнѣ похвалы и

пророчествовать мнѣ всякаго благополучія, заваячивая сіи похвалы прошевіемъ милостыни. Въ это время я былъ на станціи и пилъ чай. Слышу, Цыганки начали стонать жалобно. Я взглянулъ въ окно и увидѣлъ ямщика, стегающаго кнутомъ этихъ женщинъ (хотя съ разборомъ и осторожностію, больше для испуга). Я тотчасъ сказалъ строго смотрителю: «Прикажите ямщику прекратить истязаніе Цыганокъ. Онѣ пришли просить милостыни у меня. Ямщикъ, стегая ихъ, стегаетъ и меня». Смотритель постучалъ въ окно ямщику, махая прекратить битье кнутомъ Цыганокъ, и самъ устыдился. Онѣ думалъ этимъ мнѣ услужить!

Бѣдныя Цыганки, терпя удары, выгибались, чтобъ легче быть ударъ, приговаривая только: «За что ты мени бьешь кнутомъ, Ты не бей меня кнутомъ». Я не могъ не поплакать. Мы ихъ встрѣчали отсель до Томска и за Томскомъ встрѣчали же.

Въ селѣ Почитаевскомъ мы ночевали. Приходилъ ко мнѣ здѣшній священникъ Симеонъ, молодой, изъ ученыхъ, вѣжливый и степенный. Его братъ, вѣжется священникъ, женатъ на внукѣ о. Фотія, іеромонаха-базначая Красноярскаго архіерейскаго дома.

15 Юня Понедѣльникъ. Пророка Амоса, Іоны митроп.

Спалъ тихо. Видѣлъ какой-то сонъ, названный въ запискѣ *при мѣчательнымъ*, но онъ не записанъ*), и я теперь его не помню.

Ѣдемъ. Бѣдственная дорога. Сужена, раскосы сдѣлавы крутые, насыпь крупная, неровная. Почти нельзя ѣхать, выбираютъ стороною; но бѣда переѣзжать чрезъ высокій валъ дороги и канаву, а неизбежно, чтобъ со стороны попасть на мостъ и опять съ дороги съѣхать на ногу. Ясно, что земскіе чины, начиная съ исправника, безъ надзора и отвѣтственности, самовластные цари; а они изъ Польши (большею частію) и мѣняются непрестанно. Жалкая Сибирь!

Опять встрѣтили партію арестантовъ. Въ ней мужъ Маріи, нашей стряпки, скончавшейся въ Ачинскѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ, я ему далъ рубль. Свирѣпый и глупый погубилъ жену свою. Честная и разумная женщина, изъ дворянъ. Она пришла свободно за мужемъ-преступникомъ.

1 станція *Кольонская*. Не записано о ней ничего, и я ничего не помню.

2. Село *Ишимское*. Огромное, до 200 домовъ. Хорошая рѣка. Каменная церковь.

*) Записанъ. Вотъ онъ: Папу Римскаго осудили, низвели съ папства, дали ему малое епископское мѣсто и подвергли епитиміи на шесть лѣтъ.

У воровъ села Цыгане. Умоляютъ дать милослыню, причитаютъ, величаютъ, общають счастье. Живые, острые, пылающіе глаза, обтянутое желтоватое лицо (и все тѣло), талія стройная; тощее, жилистое, прозрачное тѣло; повиманіе быстрое, тонкое, цѣломудріе огражденное, обдуманное, безспорное. Такъ я изобразилъ ихъ, смотря на нихъ и входя съ ними въ разговоръ.

Здѣсь-то отгнали Цыганъ отъ моей повозки плетью.

Рѣка *Яя*, перевозъ; другая *Китайшъ*, мостъ. Рѣки прозрачныя, бѣгутъ по камешкамъ; весною весьма поднимаются (будто до 7 саж.).

Здѣсь почтенный священникъ Василій видѣлся со мною. Ему подѣ 40 лѣтъ. Сказалъ: «пишутъ въ газетахъ, что митрополитъ Московскій Иннокентій 22 Мая отправится въ Кіевъ на богомоліе». (Но кажется, это несправедливо).

3. Деревня *Туринтаево*, ничего не записано.

4. Село *Халдѣево*. Деревянная своеобразная церковь. Възливый и уважительный смотритель. Просилъ дозволенія вступить въ бракъ съ невѣстою, которой недостаетъ полгода до совершеннолѣтія. Я сказалъ, что объ этомъ надобно просить своего архіерея. Увы! Три мѣсяца, какъ подали прошеніе: нѣтъ отвѣта. Кажется, я просилъ Томскихъ отцовъ.

Проѣхали двѣ горы, огромныя, особенно страшень спускъ. Тормозимъ. Спустились благополучно. Такихъ горъ нѣтъ въ Россіи.

5. Село *Семилужное*. Въ ямѣ, между горами. Церковь каменная на горѣ. Читится образъ Святителя Николая и выносятся крестнымъ ходженіемъ въ Томскъ (29 верстъ), равно и возвращается такимъ же образомъ. Преосвященный Аѳанасій, бывший Томскій (сконч. 1868 г. въ Казани) хаживалъ въ этомъ крестномъ ходженіи изъ Томска. Удивительная ревность! Еще удивительнѣе крѣпость телѣсная! Онъ это дѣлалъ, отслуживши литургію въ Томскѣ и прямо изъ церкви сюда. Приходили уже въ 8 часовъ вечера.

Я захотѣлъ быть въ этой церкви. Подѣхали прямо къ ней. Я послалъ попросить священника. Сказали: «нѣтъ дома, уѣхалъ съ требой» (кажется, нѣтъ; онъ нездоровъ нетрезвостію). Я вошелъ въ церковь, взялъ священническія одежды, облачился и пропѣлъ съ Ѳедоромъ молебень Святителю Николаю (жаль, не было подлинной прославляемой иконы Св. Николая; она въ Томскѣ). Это послѣдняя станція къ Томску—29 верстъ. Она извѣстна грабежами и разбоемъ: небезопасно ѣхать вочью, нападаютъ даже на обозы.

Самъ Томскъ питаетъ внутри себя этотъ сбродъ всевозможныхъ бродягъ и злодѣевъ, какъ сказываютъ. Во всей Сибири Томскъ считается самымъ слабымъ и потачливымъ для сего бездѣльнаго класса

людей. Они-то партіями и выходятъ на большую дорогу на грабежъ. Имъ помогаютъ Татары (и въ Казани первые разбойники), какъ бы нарочно поселенные на полустанціи этого опаснаго переѣзда. Способствуетъ и мѣстность. Хотя трактъ идетъ по открытому возвышенному мѣсту, направо и налево, въ самомъ близкомъ разстояніи, страшныя пропасти, овраги и откосы, сбѣгающіе къ рѣкѣ Томи, которая полукругомъ огибаетъ Томскъ и окрестность. Овраги сіи покрыты густымъ лѣсомъ, больше кустарнымъ.

Мы пріѣхали благополучно въ Томскъ, въ 11 часу вечера. Въ монастырѣ Св. Алексія, гдѣ и архіерейскій домъ, растворены ворота; насъ ждуть (дали телеграмму изъ Ачинска) и встрѣтили.

IV. Городъ Томскъ.

О. архимандритъ Викторъ, настоятель монастыря, и іеромонахъ Лазарь, экономя архіерейскаго дома, окружили меня своими ласками, услугою. Преосвященнаго Платона нѣтъ. Онъ путешествуетъ по епархіи. Мнѣ отвели весь домъ его. Дали хорошій ужинъ, и я уснулъ сладко.

16-е число. Вторникъ. Св. Тихона Амафунтскаго.

Спалъ покойно, проснулся въ 7-мъ часу. Просыпаясь твержу: *человѣкъ яко трава, дніе ея яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ!* Сія слова и другія этого же псалма пою во снѣ уже по двѣ ночи.

Лице мое страшно красно, даже опухло, подтеки подъ глазами. Я ѣду незакрываясь: нахожу сіе пріятнымъ и нужнымъ, потому что въ закрытой повозкѣ надлежало бы лежать (много клади), а сидѣть нельзя.

Былъ у литургіи въ домовоіи церкви. Служилъ іеромонахъ, старикъ сгорбленный, младевически - тонкоголосый, живой, прозрачный, легкій (изъ крестьянъ).

Былъ о. кафедральный протоіерей съ просфоркою. Разказалъ: «Въ Калугѣ, въ Вознесеніе, семинаристъ - причетникъ ударилъ кулакомъ преосвященнаго Григорія, стоявшаго на амвонѣ, въ литургіи, предъ малымъ выходомъ. Митра покатила съ головы преосвященнаго, и самъ онъ упалъ». Такихъ злодѣевъ не было между нашими до сихъ поръ. Намъ ихъ дарятъ похитившіе изъ рукъ духовной власти духовное просвѣщеніе. Примѣчательно еще: этого семинариста - злодѣя судъ оправдалъ, нашедши его помѣшавшимся въ рассудкѣ. И это образцы новѣйшаго образованія!

Поѣхалъ по городу. Былъ: 1. Въ *кафедральномъ соборѣ*. Храмъ раздѣленъ стѣною вдоль на двѣ половины; направо Введевіе во храмъ

Пресвятая Богородицы, наѣво Благовѣщеніе. Въ первомъ я служилъ дважды: а) въ новый годъ 1862 года, съ преосвященнымъ Порфиріемъ, проѣзжая изъ Казани въ Красноярскъ; б) 5 Декабря 1866 года, при погребеніи преосвященнаго Виталія. Я пріѣзжалъ для сего изъ Красноярска (съ о. каѳедральнымъ протоіереемъ Василіемъ).

Соборъ хорошій, но имѣетъ видъ приходской церкви. Храмъ Благовѣщенія исправляютъ.

Соборъ стоитъ на маленькой и косою полуплощади. Около него ограда; на Западъ, совсѣмъ нѣтъ ея, на Югъ и Сѣверъ съ сажень отъ стѣны храма; на Востокъ поларшива и менѣе, не пройти и ребенку. Вотъ Сибирь! Вотъ образчикъ своеволия и продерзостей Сибирской команды! Такъ и въ Енисейской губерніи, сжаты, сплюснуты, обезображены пустыми постройками храмы Божіи.

2. Въ *Иннокентіевой общинѣ*. Женская обитель, кажется, еще не утвержденная именемъ монастыря. Построена купцомъ Яковомъ Ивановичемъ (Петровъ-Родионовъ), мѣсто отличное, за городомъ, на высшемъ мѣстѣ, большое мѣсто монастырю, еще большее для сада и огорода въ смежности. Монастырь уже обнесетъ каменною оградю. Хорошій двухъ-этажный корпусъ для сестеръ; два отдѣльныхъ храма. Я былъ въ лѣтнемъ, Св. Иннокентія. Мнѣ отпѣли здѣсь панихиду по преосвященномъ Порфиріи, который здѣсь погребенъ (подъ алтаремъ, справа, въ хоршемъ склепѣ). Храмъ изящный, архитектура смѣлая, легкая: свѣтло какъ въ раю.

Зашелъ къ игуменіи Евпраксіи. Старушка, купеческая вдова. У нея, при ея келіяхъ, домовая церковь, тоже изящнаго вкуса (длинюсъ: это хотя бы въ Москвѣ). У игуменіи чай и закуска. Тутъ храмооудатель и супруга его. Собрано уже десятка два сестеръ, умѣютъ пѣть. Чистота и опрятность въ церкви, въ келіяхъ, повсюду примѣрныя. Заводятся изящныя рукодѣлья.

3. Къ храмооудателю Якову Ивановичу: огромный, необыкновенно тучный мужчина, хотя простого происхожденія (кажется изъ крестьянъ), но человекъ мыслящій, разумный, даже либеральный въ наилучшемъ смыслѣ. Супруга его Марья Ивановна, тоже тучная, но сердца нѣжнѣйшаго, суцая женщина, доброта, благожеланіе, добродѣтель дышутъ въ рѣчахъ, во взорѣ, въ движеніяхъ ея, блаженная душа! Ей я приписываю и значущую часть добродѣтелей ея супруга. Могуцествомъ своей прекрасной души она заставила его полюбить добродѣтель и благочестіе, даже быть подвижникомъ ихъ. (Яковъ Ивановичъ сперва, говорятъ, былъ довольно воленъ, въ дурномъ Европейскомъ духѣ).

Да украшаетъ Господь житіе ихъ! Да благословитъ домъ ихъ и все, что ихъ и окрестъ ихъ! Они меня полюбили идеально, ни за что, по единой настроенности любить служителей духовныхъ.

Здѣсь была хорошая, отличная закуска.

Вечеромъ былъ у о. архимандрита Виктора. Овъ изъ Россіи, послужить въ Сибири давно. Вседушевно-религіозный человѣкъ, самыхъ непорочныхъ мыслей, не знающій, не испытавшій, не понимающій коловратностей и суетъ міра сего. Много было рѣчей, и всѣ умныя, честныя, достойныя. Насъ было трое, третій отецъ Лазарь. Вечеръ мягкій, прошлись и по монастырю.

Получилъ изъ Красноярска отъ отца-протоіерея телеграмму съ благожеланіями. Тамъ все хорошо, и я отвѣчалъ.

17-е число Іюля. Среда. Святыхъ Самуила, Савела.

Вставши осмотрѣлъ мѣста ушибевныя (12 числа) на правой ногѣ, черно-багровая полоса, на лѣвой—менѣе багровая-красвая. Шляпка на головѣ проходить. Въ плечѣ не чувствую боли. Воздохъ немного колетъ подъ ребрами. Меня спасла теплая густая камилавка, бывшая на головѣ моей: еслибъ я упалъ голою головою, или подъ тонкимъ покровомъ, вѣроятно я убится бы до смерти. (Въ Москвѣ я перешилъ ее и положилъ на нее новую крепку. Сберегу ее до смерти. Равно п ряску, въ которой я тогда былъ, упавши. Ее я носилъ четыре года и въ вей ходилъ обычно въ домовую церковь слушать службы).

Былъ у литургіи въ монастырской церкви Казанскія Богоматери. Служба протяженная, съ прибавленіями: послѣ часовъ акаѳистъ страстямъ Господнимъ (соч., кажется, Иннокевтія Борисова) со всѣмъ послѣдовавіемъ. Литургія.

Потомъ я попросилъ отпѣть литію надъ могилою преосвященнаго Виталія, въ этой церкви за правымъ клиросомъ погребеннаго, а отсюда за церковію, надъ могилою блаженнаго Федора Кузьмича, тоже отпѣли литію.

Могила съ монументомъ, ограждена на Сѣверо-востокъ отъ алтаря, близъ построекъ.

Былъ у меня о. ректоръ Семинаріи архимандритъ Мовсей съ четырьмя учащими и съ учениками Енисейской епархіи. Учениковъ я благословилъ, пожелалъ имъ добраго окончанія ученія, съ ректоромъ же я учащими завелъ рѣчь о новомъ образованіи и крѣпко въ похвалилъ тѣ стороны его, которыя мнѣ казались достойными порицанія, и пуще всего, отторженіе надзора за ученіемъ отъ духовной власти, и еще увичтоженіе духовнаго сословія въ дѣлахъ духовныхъ.

Тутъ былъ Шавровъ, инспекторъ и профессоръ, дурной души и правилъ; овъ можетъ повредить мнѣ, передавъ мои рѣчи (съ украшеніями) въ Петербургъ.

Съ о. архимандритомъ Викторомъ мы ѣздили къ новому собору, недостроенному и обрушившемуся и брошенному. Его начали строить золотопромышленники въ 1843 году (въ тоже время начали строить такой же соборъ, тоже золотопромышленники, въ Красноярскѣ; и здѣсь соборъ обрушился же, разобрать и снова построить Сидоромъ Григорьевичемъ Щеголевымъ). Въ 1856 года онъ обрушился и оттолкъ доселѣ стоитъ, непокрытый, незащищенный отъ дождей, свѣговъ и вѣтровъ. Строила комиссія, изъ всѣхъ начальниковъ города. Преосвященный между ими былъ, по свойственному намъ смиренію, послѣдній. Безпечность, своеволие и грабежъ, украшали сей комитетъ.

Вечеромъ былъ на чаѣ у о. Лазаря, іеромонаха, эконома архіерейскаго дома. Былъ священникъ и благочинный, овдовѣлъ, человекъ разумный и энергичный, достоинъ своего мѣста.

Тутъ былъ и о. архимандритъ. Разговоры шли живо, хотя впрочемъ мірскіе и полуученые.

Входитъ къ намъ юродивая, Домна Карповна, извѣстная всему городу. Сперва она заговорила рѣчи непонятныя; между ними я отдѣлалъ только рѣчь: «не теряйте записокъ!» Это она мнѣ много разъ твердитъ и даже пишетъ въ письмахъ. Нужное слово! Отъ потери одной записки я едва не потерялъ всю службу (въ 50-хъ годахъ).

Потомъ она произнесла чисто и ясно два вопроса: 1. «Можно ли грѣшнику, состоящему подъ епитимією, причащаться? 2. Можно ли причащаться черезъ мѣсяцъ?» Вопросы сіи я отношу къ себѣ: они суть и поученіе мнѣ, какъ понимаетъ моя совѣсть. (12 Сентября 1870 года, въ Перервинскомъ монастырѣ).

Она при томъ подарила мнѣ пучекъ зеленого лука. А поутру, она же подарила мнѣ женскій черной матеріи теплый чепчикъ, довольно поношенный.

Домна Карповна Малороссіянка, женщина повидному образованная, ссыльная, юродствуетъ уже болѣе десяти лѣтъ. Она не имѣетъ собственно одежды, а вся обложена доскутьями и кусками матерій, бумаги, рогожъ, мѣшковъ, веревокъ, мочалъ.

Да дастъ ей Господь терпѣніе и мужество проходить избранный ею скорбный путь!

Она не живетъ въ домѣ, а на улицѣ, и большею частію въ папертяхъ церковныхъ. Такъ и зимою!

Отходя отъ насъ въ переднюю, она запѣла мужественнымъ и вѣжнымъ женскимъ голосомъ: «Достойно есть яко воистинну блажити Тя Богородицу».... и ушла.

Здѣшній преосвященный Платонъ, Москвитянинъ родомъ, по фамиліи Троепольскій. Онъ былъ ректоромъ С.-Петербургской семинаріи.

Здѣсь ему семинаристы подарили трость камышевую (безъ колѣна). съ огромнымъ набалдашникомъ, серебро-позлащеннымъ, украшеннымъ камнями. А здѣсь граждане подарили ему тоже трость, изъ разныхъ яшмъ. Обѣ эти трости такъ высоки и толсты, что могутъ назваться чудовищными, и потому употреблять ихъ, кажется, нельзя. Однако это служить знаменіемъ уваженія къ преосвященному, которое надобно заслужить, а исторгнуть нельзя.

Подъ благовиднымъ предлогомъ обозрѣнія епархіи онъ уѣхалъ въ Алтайскія горы къ минеральнымъ водамъ у Барнаула лѣчиться.

Преосвященный Платонъ похваляется въ Томскѣ за искренность, ревность, безпристрастіе въ управленіи. Предшественники его уронили честь архіерейскую, особенно послѣдній, Алексѣй, опрометчивый, дерзкій, своенравный.

18-е число Юня. Четвергъ. Св. Леонтія, Ипатія, Θεодула. Боголюбскія Божіей Матери.

Сегодня я предполагалъ выѣхать въ мой путь, но разстройство живота сдѣлалось опаснымъ и лишило возможности предпринять путь, по крайней мѣрѣ угрожало стыдомъ. Я остался; къ тому показался дождь, что здѣсь рѣдкость. Написалъ благодарственное письмо преосвященному Платону за пребываніе въ его домѣ. Былъ у литургіи.

Прочиталъ секретный указъ изъ Св. Синода преосвященному Порфирію (здѣшнему) отъ Февраля 1862 года, по дѣлу семинаріи Томской.

Преосвященный Порфирій, замѣтивъ, что въ отчетахъ о семинарскихъ суммахъ не упоминается а., о церковныхъ доходахъ (при семинаріи есть церковь), б., о суммѣ, собираемой съ своекоштныхъ семинаристовъ за содержаніе ихъ въ семинаріи, потребовалъ отчета и самыхъ суммъ по обѣимъ статьямъ. Это было среди Страстной недѣли. Предложеніе требовало представить то и другое на слѣдующій день (въ Великій Пятокъ или Субботу). Правленіе семинаріи, кромѣ прочаго, и по самой краткости времени, не могло выполнить приказанія. Началось дѣло. Ректоръ семинаріи (Веніаминъ) и инспекторъ (Владимиръ) въ это время уже были назначены: первый въ епископа-викарія въ Иркутскѣ, второй инспекторомъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Преосвященный ихъ обоихъ задержалъ, нарядилъ комиссію изъ Томскихъ священниковъ, даже пригласилъ полицейскаго чиновника въ качествѣ свидѣтеля при произведеніи слѣдствія; вмѣстѣ съ симъ, приостановивъ у обоихъ отцовъ ихъ жалованіе, назначилъ двѣ трети къ вычету въ пополненіе могущихъ открыться недочетовъ. Кромѣ сего оставилъ и самый ихъ выѣздъ изъ Томска по назначенію. Межъ

тѣмъ ректоръ и инспекторъ сами отъ себя послали прошеніе объ этомъ же въ Правленіе Казавской Духовной Академіи, которое, разсмотрѣвъ дѣло, составило опредѣленіе въ пользу просителей и представило оберъ-прокурору Синода. Синодъ, разсмотрѣвъ все это, нашелъ ректора и инспектора правыми и обиженными, а преосвященнаго завосчивымъ, оскорбителемъ и несправедливымъ.

Указъ изложилъ дѣло ясно, точно, подробно и наложилъ опредѣленіе степенно, правдиво, извлеки обвиненіе изъ сущности и обстоятельствъ дѣла. Выстъ съ этимъ дѣломъ посылались въ Синодъ и другія частныя жалобы и злостные доносы на преосвященнаго Порфирія. Синодъ назначилъ ревизію надъ дѣйствіями самого преосвященнаго. Ревизоромъ назначевъ Иркутскій преосвященный Пареній, предъ тѣмъ бывший Томскимъ, оскорбленный преосвященнымъ Порфиріемъ, яко преемникомъ своимъ, который измѣнилъ и отмѣнилъ его въ некоторые порядки и, можетъ быть, касавшіяся чести и рациональности его управленія.

Ревизія произведена. Синодъ, вслѣдъ за симъ, преосвященнаго Порфирія уволилъ отъ управленія епархіею.

Преосвященный Порфирій имѣлъ небольшую слабость невоздержанія, которое при такихъ обстоятельствахъ увеличилось. Онъ скончался отъ удара, полученнаго въ гостинной преемника его преосвященнаго Виталія, при которомъ дерзкій секретарь консисторіи, рѣчью *на ты*, поразилъ преосвященнаго Порфирія.

Его похоронили въ Томскѣ, во храмъ Инокентіевой общины, который онъ освятилъ къ zaloженію. Здѣсь его чтутъ. Онъ положенъ подъ алтаремъ на правой сторонѣ.

Прибавлю свое. Въ 1854 г. въ Февралѣ, когда я былъ уже назначевъ въ епископа, директоръ Духовно Учебнаго Управленія, Александръ Ивановичъ Карасевскій, хорошо знавшій меня съ 1838 года, спросилъ меня: «Кого бы вы желали на мѣсто ваше ректоромъ въ Ярославскую семинарію?» Я сперва сказалъ: не знаю, потому что служилъ далеко отъ центровъ управленія. Потомъ попросилъ времени подумать. Пріѣхавши домой, я спросилъ моего товарища по чредѣ, архимандрита Платова Ойвейскаго, тогда бывшаго ректоромъ Владимирской семинаріи (вынѣ архіепископъ Костромской): «Кого бы рекомендовать?» Платовъ преубѣдительно сталъ просить меня, чтобъ я рекомендовалъ о. Порфирія, тогда бывшаго ректоромъ Тобольской семинаріи. Такъ я и сдѣлалъ, и о. Порфирій изъ Тобольска переведенъ въ Ярославль на мое мѣсто.

Съ этого случая я положилъ себѣ за строгое правило рекомендовать кому либо другаго только того, кого я самъ достаточно знаю.

Преосвященный Порфирій изъ Ярославля скоро взять въ Москву викаріемъ къ великому Филарету (не знаю по какому поводу), но и скоро удалевъ былъ отъ него: Филаретъ началъ имъ тяготиться.

По моему мнѣнію и согласно опредѣленію Свода, преосвященный Порфирій совершенно виноватъ въ дѣлѣ семинаріи. Ревность о казнѣ дурно прикрывала его ненависть къ начальству семинаріи и личную месть. Церковные доходы могутъ и не входить въ отчетъ семинаріи, который дается лишь по капиталу, полученному отъ казны по формальному расписанію. Во всякомъ случаѣ не надлежало спѣшить суровыми и грозными мѣрами ареста и слѣдствія, не объяснившись о дѣлѣ съ начальствомъ семинаріи словесно. Преосвященный Порфирій задержалъ на цѣлый годъ два лица, назначенныя высшимъ начальствомъ на другія высокія мѣста; это есть превышеніе власти въ высшемъ размѣрѣ.

Я былъ въ Томскѣ, проѣзжая на службу въ Красноярскъ, 30 и 31 Декабря 1861 года и 1 Января 1862 года (почти чрезъ годъ по событіи и лишь за мѣсяць до полученія о семъ указа изъ Свода), и имѣлъ широкій диспутъ съ преосвященнымъ по сему дѣлу. Хотя исторію его передавалъ мнѣ самъ преосвященный, слѣдовательно съ украшеніемъ ея въ свою пользу, но я былъ совершенно противъ него и за семинарію, выговаривая ясно: «Тутъ месть, а не ревность. Дѣло не стоило такого шума. Казна не страдаетъ. Вы не уполномочены предрѣшать дѣло своимъ мнѣніемъ. Вы не имѣли права задерживать лица, назначенныя высшимъ начальствомъ къ другимъ должностямъ. Достаточно было, если вы, въ самомъ дѣлѣ, находите или предполагаете безпорядокъ, довести о немъ Св. Своду».

Сегодня опять была у меня Домна Карповна. Принесла: а) баночку кутяи (бѣлая сладкая каша съ изюмомъ), б) просфору, в) побольше 20 копѣекъ мѣдныхъ денегъ разныхъ чекановъ, г) пучокъ зеленого лука, общая мнѣ *царство небесное*, среди непонятныхъ рѣчей.

Тутъ мнѣ напоминаетъ смерть, покаяніе. Вразумляйся!

Въ 5 часовъ вечера, съ о. Лазаремъ, я ѣздилъ въ домъ купца Семена Теофановича Хромова, у коего на дворѣ, въ особомъ домикѣ, прожилъ послѣдніе годы блаженный старецъ Феодоръ Козмичъ, скончавшійся въ глубокой старости 20 Января 1864 года. Домикъ съ небольшими сѣнями, одна горница съ тремя небольшими окнами на дворъ и въ садъ, печь съ лежанкою. Иконописные образа, лубочныя картины Св. Георгія Побѣдоносца (безъ коня), Николай Чудотворецъ съ мечомъ и храмомъ (Можайскій), два изображенія Аѳонскія Божія Матери.

Сего блаженнаго Феодора, сужденнаго (кажется, въ Перми) за бродяжество и наказаннаго плетью, сослали въ Сибирь на поселеніе

лѣтъ за 40 передъ слѣмъ и болѣе. Ему назначена Томская губернія для водворенія. Сперва онъ жилъ въ Бѣлоярской станицѣ, Енисейской губерніи, на берегу рѣки Чулыма, въ 12 верстахъ отъ Ачинска. (Тамъ доселѣ остается его келія у благочестиваго казака. Я въ ней былъ. Родъ острога. Окна аршина три выше пола, маленькія, полусвѣтъ, печь съ лежанкою). Здѣсь есть его образъ, Итальянской живописи, и какой-то таинственный вензель, въ которомъ прежде всего видна буква А.

Удивительно: есть мнѣніе, якобы этотъ Ѳедоръ Козмичъ никто иной, а императоръ Александръ Павловичъ, сокрывшійся подъ именемъ бродяги изъ политическихъ и религіозныхъ цѣлей. Лѣта и время подходятъ *).

Ѳедоръ Козмичъ говорилъ рѣдко, въ тактъ, какъ бы считая слова свои или маршируя. Рѣчи простыя, во отборныя, чаще загадочныя. Онъ однако болѣе молчалъ, говорилъ въ нуждѣ и весьма мало.

Онъ ходилъ въ простой бѣлой крестьянской рубахѣ и вижномъ платьѣ, лѣтомъ босой и безъ шапки. Велъ жизнь сокровенную, подвижническую. Просившимъ его наставленій либо отказывалъ, либо давалъ очень краткія, простыя, а чаще загадочныя. Въ самомъ началѣ политическихъ рѣчей прекращалъ разговоръ и какъ бы вспыхивалъ. Барабавъ и военная музыка приводили его въ оживленіе, сколько онъ ни старался это скрыть.

Ѳедоръ Козмичъ современенъ старцу Давіилу, скончавшемуся и погребенному въ женскомъ Енисейскомъ монастырѣ. Они и жили почти въ смежности одинъ съ другимъ: деревня Зерцало, въ коей подвизался блаженный Давіиль, была въ верстѣ или двухъ отъ Бѣлоярской станицы, хотя состоитъ въ Томской губерніи, а Бѣлоярская въ Енисейской.

Ѳедоръ Козмичъ искалъ сблизиться съ Давіиломъ, во сей послѣдній уклонялся и, кажется, не сходствовалъ съ нимъ въ понятіяхъ и правилахъ. У Ѳедора Козмича проглядывало Западъ-католичество; Давіиль былъ чистѣйшій православный.

Хромовъ года за два предъ симъ нарочно ѣздилъ въ Петербургъ, имѣя желаніе испросить дозволеніе представиться Императору и объяснить мнѣніе о семъ Ѳедорѣ Козмичѣ. Былъ и въ дворцѣ, близъ ка-

---

*) Только у насъ въ Россіи, благодаря долгому господству исторіографическаго нечестія, могло возникнуть такое загробное самозванство. Къ сожалѣнію, его поддерживалъ покойный Н. К. Швальдеръ и только потому, что однажды, когда онъ былъ въ горячечномъ бреду, Томскій старецъ явился передъ нимъ, яко бы въ очію; а М. И. Семеновскій въ „Русской Старинѣ“, всячески распространялъ эту басню, съ намеками о томъ, будто Александръ Павловичъ ушелъ въ Сибирь вѣнчаться въ томъ, что не далъ Россіи конституціи! П. Б.

бинета Государя, но не былъ допущенъ, потому что не хотѣлъ передать сихъ важныхъ рѣчей никому кромѣ Государя (чего требовали окружавшіе Государя).

Федоръ Козмичъ, какъ сказано выше, погребенъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

Вечеромъ, въ 11-мъ часу, когда я уже лежалъ въ постели, вторглась ко мнѣ Домна Карповна (ея не пустили), несла мнѣ рѣдкую: сумноль горечи, какую мнѣ доводится встрѣтить въ жизни (я подумалъ).

19 число Іюля. Пятница. Ап. Іуды. Паисія Великаго.

Разстройство живота.

Я грустенъ. Но уже надобно было вѣхать. Примѣтно начинаютъ тяготиться.

Мнѣ пожелалъ сопутствовать до Казани и до Москвы іеродіаконъ Іустинъ, изъ Пензенскихъ, какъ-то сюда зашедшій. Ему меньше 30 лѣтъ. Предался нетрезвости. Имъ начали тяготиться и угрожать высылкою въ Пензу.

Я позвалъ его къ себѣ. Предложилъ довести его даромъ до Москвы, если онъ согласится прислуживать мнѣ въ дорогѣ. Онъ согласился, и я радъ, прося его не предаваться своей слабости въ пути.

Погода разгулялась. Послѣ вчерашняго обильнаго дожда свѣжо и благоухаетъ, но въ воздухѣ сухая-мгла-изгарь. (Она будетъ меня преслѣдовать почти до Москвы).

Городъ Томскъ едва-ли не лучшій всѣхъ въ Сибири (кромѣ Екатеринбургъ), съ двадцатью тысячами жителей, расположенъ на высокомъ берегу (правомъ) величественной рѣки *Томи*, вытекающей изъ Алтайскихъ горъ (верстъ до 500 отсюда). Рѣка сажень 100, свѣтлая, несется быстро, берега чистые.

Рѣка Томъ впадаетъ въ Обь. Изъ Томска заведено пароходство до Тюмени, черезъ рѣки Томъ, Обь, Иртышъ, Тоболъ и Туравъ. Сямъ на 1500 верстъ облегчается сухопутное движеніе.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА *).

V. Отъ Томска до Омска.

Я выѣхалъ изъ Томска пополудни. День хорошій. Меня провожали архимандритъ Викторъ и о. Лазарь. Перевозъ чрезъ рѣку хорошій. Для меня была приготовлена особая ладія, украшенная флагами и съ подлюжиною гребцовъ въ красныхъ рубахахъ; но я нашелъ излишнимъ для себя это великолѣпіе и не зналъ отъ кого оно: потому я сталъ на паромѣ, гдѣ моя повозка.

Мы лишь переплыли рѣку, подѣхалъ ректоръ Семинаріи архимандритъ Мовсей, опоздавшій; махаетъ руками (ибо слышать нельзя), умоляя обождать его; сѣлъ въ изукрашенную ладію, что была приготовлена для меня, быстро переплылъ и палъ мнѣ въ ноги, прощаясь и умоляя меня простить ему нанесенныя имъ мнѣ оскорбленія. Я принялъ мольбу. Человѣкъ, сознавшій свои противъ меня неправды, боится, чтобъ я, пріѣхавши въ Россію, къ центрамъ властей, не сталъ мстить ему. Однакожъ входитъ въ объясненія по сему дѣлу въ этомъ мѣстѣ, среди постороннихъ, мнѣ казалось неприличнымъ. Я только повторялъ: «Прощаю, успокойтесь. Не повторяйте только въ другой разъ допущенной погрѣшности».

Ученики Красноярскаго Духовнаго Училища, за неимѣніемъ Семинаріи въ своей епархіи, переходятъ въ Томскую Семинарію, яко сосѣднюю. Въ одинъ разъ (въ 1866 году) изъ двадцати пяти учениковъ, посланныхъ нами въ Томскую Семинарію, приняли только шесть учениковъ; прочіе 19 должны были возвратиться обратно, на пространства 550 верстъ, безъ денегъ, безъ одежды и обуви, въ суровую осень. Это было безчеловѣчно и безразсудно. Я пожаловался Св. Синоду. Къ счастью Семинарскихъ дѣло все ввалили на архіерея, который лежалъ на одрѣ смертномъ и скончался въ Ноябрь того года. Въ семь-то дѣлъ ректоръ считалъ себя виновнымъ предо мною.

---

*) См. выше, стр. 220.

(Я написалъ ему письмо изъ Перервы, въ Августѣ, которымъ снова успокоивалъ его, вразумляя, чтобы не поддавался внушеніямъ меньшихъ, а держалъ свой умъ и былъ правдивъ въ дѣйствиі).

Мы простились, и я поѣхалъ далѣе. Дорога шла по берегу (лѣвому) Томи, навстрѣчу ей. Мы любовались красивыми высотами праваго берега ея и вообще обширными видами на окрестность и большую рѣку, разстилавшуюся въ виду нашемъ.

1. Станція—деревня *Колтайская* (или Кол...) на холмѣ, Татарская. И станціонный домъ Татарскій. Здѣсь мнѣ оказалъ грубость писарь, сказавъ на мои понужденія подавать лошадей: «Погодите; я спрошу еще хозяина, должно ли записывать вашу подорожную и должно ли давать вамъ почтовыхъ лошадей». Я велѣлъ позвать хозяина. Увидѣвши мою подорожную, онъ сталъ мнѣ кланяться, велѣлъ тотчасъ подавать лошадей и умиленно смотрѣлъ на меня, боясь, не написалъ бы я въ книгу сіе мнѣ оскорбленіе.

2. Станція *Варюхина*,—опять деревня, Русская. Къ стыду Русскихъ можно ставить въ далекомъ предпочтеніи Татарскія селенія предъ Русскими. Улица широкая, чистая, гнусной скотины на улицѣ нѣтъ. Постройка чистая, широкая, величавая. Даже дворы—чистая площадь. Вообще и самъ Татаринъ бнязекъ и видимо подавляетъ собою Русскаго. Не хилое ли и вялое наше Русское племя? Весь свѣтъ презираетъ Русскихъ! Нѣтъ; я думаю, что мы очень уступчивы не отъ слабости, а по убѣжденію, ради добродѣтели, и дозволяемъ властвовать надъ собою изъ смиренія.

Всѣ эти три станціи налѣво видѣлась рѣка Томь. Дорога, сперва грязная, потомъ песчаная, но ѣхали живо.

3. Село *Проскоково*. Здѣсь ночуемъ въ хорошемъ крестьянскомъ домѣ во 2-мъ этажѣ. Хозяйка, набожная старушка, поставила намъ блюдо земляники и молока. Отличный хлѣбъ.

Разстройство живота не утихаетъ. Это мнѣ мученіе и стыдъ... А я едва стою на ногахъ моихъ больныхъ и хилыхъ: эй, до слезъ плачевно было мое положеніе.

Село огромное (по Сибирскомъ обычаю), больше версты. Церковь на противоположномъ концѣ села и съ боку.

20-е число Іюня. Суббота. Св. Меодія Татарскаго.

Ѣдемъ, помолясь Богу, въ 7 часовъ. Сосны и лиственницы скрылись: ихъ нѣтъ. Видимъ березовыя рощицы.

На телеграфномъ столбѣ сидитъ орелъ и не поднялся, когда мы проѣзжали мимо него, не изъ большихъ, желтовато бѣлаго пера.

1. Станція *Болотное*—село. Приходилъ священникъ Ілія Іонычъ Изосимовъ, среднихъ лѣтъ, въ синихъ очкахъ (символь нигилиста, хотя онъ этого, конечно, не знаетъ), разумный, кажется, изъ Русскихъ.

Запищали колеса. Переднее, слабѣетъ втулка. Заднее дурно поставлено.

Священникъ попросилъ дозволенія для меня прозвонить.

2. Станція *Чебулинская*—деревня. Плохая. Напился квасу.

3. Станція *Ояшинское*—село, большое. Каменная церковь. Хорошая рѣка. Два спуска съ тормазомъ, большія горы. Обѣдаемъ (яйца всмятку, молоко).

4. Станція *Ташаринская*—деревня. Дѣвочка 11-ти лѣтъ, Ирина, принесла тарелку земляники, поѣлъ немного, остальное возвратилъ. Вмѣсто 6-ти копѣекъ я ей далъ десять, а когда она сказала: «Отецъ мой въ работникахъ, а мать косить», я ей далъ еще 20 копѣекъ.

Выглянула величественная рѣка *Обь*.

5. *Дубровно*—село. Деревянная маленькая церковь и село небольшое, на правомъ берегу *Оби*.

(Тутъ я видѣлъ мужественнаго крестьянина, но пораженнаго разслабленіемъ, едва передвигаетъ ноги. Простудился).

Насъ переправили черезъ *Обь* на хорошемъ паромѣ (въ двѣ сплоченныя ладіи) въ 20 минутъ. Кормчій безпрестанно давалъ приказанія звонкимъ тенористымъ голосомъ, кажется, изъ щегольства и для выраженія восторга, перевозить архіерея! Причеты матросскіе: «откалывай! отвалывай! разъ! дружно! ударь! хорошо ударь!» Я любовался.

Далъ рубль, чувствительно благодарили.

Ширина *Оби* здѣсь 700 сажень (сказали). Берега не высоки, скатисты. Оба въ лѣсу. Два острова, впереди и назади. Рѣка течетъ тихо. Вода мутная (бѣлесая), я умылся ею и напился на память. Взялъ камешекъ со дна. Переѣздъ 20 минутъ.

Внизъ потекла *Обь* въ густомъ бору и довольно высокихъ берегахъ. Какой угрюмый, сумрачный проспектъ, широкій, молчаливый.

При переѣздѣ черезъ рѣку висѣли тучи и покрапывалъ дождь. Крестились. Здѣсь засуха. Все гибнетъ. Сухая, ѣдкая, синяя мгла. Народъ въ уныніи.

6. Станція *Орской* (не *Обской* ли) *боръ*,—деревня плохая. Ъхали кустарнымъ лѣсомъ. Выглядывала великая *Обь*.

7. Городъ *Колывань*. Здѣсь ночуемъ.

21-е число Іюня. Воскресеніе. Св. Іуліана Тарскаго.

Ночевалъ на станціи. Почетный смотритель, Николай Михайловичъ Свекловъ (да будетъ благословенно имя его), принялъ меня съ

любовію и самымъ глубокимъ и сердечнымъ уваженіемъ. Хотя онъ чело­вѣкъ молодой и, повидимому, совершенно свѣтскій, онъ уступилъ мнѣ свои комнаты, приготовилъ хорошую уху (здѣсь Обь). Я всталъ рано. Написалъ письмо въ Красноярскъ.

Желательно было отстоять литургію въ сей день воскресный, а однако не рѣшился, главное потому, что продолжается крайнее и опа­сное разстройство живота (хотя, повидимому, не извуряетъ здравія). Церковь притомъ въ полуверстѣ (при моихъ хилыхъ ногахъ это великій трудъ), и обѣдня еще не начиналась.

Я поѣхалъ въ 6 часовъ утра.

1. Станція *Тарышкимо*—село. Хорошая деревянная церковь. Благо­говѣсты и звоны къ литургіи. Мы остановились на станціи; она про­тивъ церкви (хорошая площадь) пить чай.

Я думалъ, что литургія уже началась и прошла часть ея; потому, и лишь выжидая почту, я сѣлъ за чай. Межъ тѣмъ, выѣзжая, встрѣченъ былъ священникомъ съ причетникомъ; кажется, они ждали меня въ церковь. Жалѣю.

Священникъ, немного свыше 30 лѣтъ, бравый, свѣжій, растороп­ный, смѣлый, рѣчистый (безъ сомнѣнія изъ ученыхъ), Алексѣй Дани­ловичъ Изволинъ, велъ со мною рѣчи правильно, ясно, съ подобаю­щимъ уваженіемъ. Подошла и жена его, съ двумя или тремя мелкими дѣтьми своими, и благоговѣнно просила себѣ и дѣтямъ благословенія. Счастливое семейство. Разумный мужъ. Цѣломудренная жена. Но меня тутъ же окружили переселенцы, проѣзжающіе изъ Воронежа на Амуръ, съ своимъ житьемъ, съ женами и дѣтьми. Крайне я погрустилъ о нихъ тайно: ѣдутъ на великія страданія и лишенія. Ихъ ограбятъ и притѣснятъ эти скорпіоны, называемые земскими чинами; посадятъ ихъ въ болото, на пески, на скалы, въ овраги, забросятъ въ чащи лѣсовъ, удалятъ отъ рѣки, стѣснятъ, обрѣзавъ кругомъ ихъ лучшую землю, подавятъ поборами и налогами. Защиты нѣтъ! Только терпѣніе и слезы! Это я только и слышалъ, когда достигали до меня вѣсти съ Амура. Это отчасти я видѣлъ и въ Енисейской губерніи.

Они спросили меня: «далеко ли отсюда до Амура?» Я имъ отвѣ­чалъ: «столько же, сколько вы отъѣхали отъ своей родины до этихъ мѣстъ; вы проѣхали половину». Мужички ужаснулись. Я далъ имъ три рубля. Они ѣдутъ на волахъ. Повозокъ 50—70. Обносились, загорѣли; дѣти вялы и унылы.

Тутъ же мы догнали вдову чиновника съ тремя малыми дѣтьми: ѣдетъ на родину въ Одессу! Кажется, мужъ ея служилъ въ Енисей­ской губерніи. Да, лучше ѣхать. Лишь-бы дотянуть до Перми. Тамъ не умретъ съ голода. А въ Сибирѣ женщины-вдовѣ съ дѣтьми, привил-

легированной, бѣда! Безъ смерти смерть! (Иванъ Семеновичъ Савостьяновъ, то ли покойный мужъ ея, то ли родной въ Одессѣ, къ которому она ѣдетъ).

2 станція *Крутые Лога*, село. Службы нѣтъ. Священникъ изъ Воронежскихъ, неученый (родичъ преосвященнаго Паренія и имъ вызванный), какой-то корявый. Есть починка въ церкви.

Вчера видѣли три орла и сегодня уже одного видѣли. Смѣлы: сидятъ и глядятъ на проѣзжающихъ; поднимаются же, когда самимъ вздумается. Очень велики крылья у орловъ. На струну телеграфа садится кукушка и долго перелетаетъ впередъ насъ.

Обѣзжали мы проводящихъ табуны лошадей на какую-то ярмарку: гордые, свирѣпые, будто вызываютъ на брань и драку. Кажется, раскольники.

Собралась туча на небѣ, кануло вѣсколько капель, и только.

3 станція *Овчинниково*. Кажется, деревня. Здѣсь поворотъ налѣво въ Барнаулъ.

Вчера проѣхалъ, въ обратный путь, въ Омскъ, генералъ-губернаторъ Западной Сибири, бывший въ Барнаулѣ съ губернаторомъ Томскимъ. Въ окрестностяхъ Барнаула было возстаніе крестьянъ, которое укротить сочли нужнымъ военною силою: навалены кучи убитыхъ крестьянъ, разграблены и сожжены цѣлыя селенія. Дѣло изъ за надѣла землею.

Крестьяне въ окрестностяхъ Барнаула были приписаны къ казеннымъ плавильнымъ заводамъ, здѣсь находящимся. Они были тоже, что крѣпостные крестьяне въ Россіи у бояръ. Когда, въ 1861 году, освободили боярскихъ крестьянъ, то по примѣру ихъ, черезъ годъ, или два-три, положили освободить и заводскихъ крестьянъ въ Сибири отъ зависимости отъ заводовъ. За тѣмъ и относительно надѣла землею этихъ крестьянъ постановлены правила, сходныя съ боярскими крестьянами. Тутъ-то и вышла смута. Чины, производившіе отмежеваніе земли для заводскихъ крестьянъ, отрѣзали отъ нихъ наибольшую и лучшую часть земли и оставили имъ долю недостаточную для пропитанія и самую дурную часть (такъ жалуются крестьяне). Крестьяне сперва жаловались, умоляли, составляли депутаціи къ начальствамъ, говорили: «оставьте намъ по крайней мѣрѣ тѣ земли, коими мы владѣли, состоя подъ заводомъ». Ихъ изгоняли, грозили, потомъ стали сажать въ тюрьмы, морить, сѣчь розгами. Крестьяне ожесточились. Приялись за дубинки (говорятъ чины). Тогда-то пущена воинская команда, и крестьяне усмирены оружіемъ. Однако нѣкоторымъ изъ нихъ удалось ускользнуть отъ сихъ тирановъ; они дошли до Петербурга; тамъ ихъ жалоба

выслушана. Потребовались дозвавія. И вотъ, вѣроятно, генераль-губернаторъ, исполняя предписаніе высшихъ, ѡзрился на мѣстѣ дѣло.

Похоже было въ Казанской губерніи. Тогда говорили, что побоище крестьянъ было преждевременно, не выслушавши жадобы крестьянъ, и напрасно; потому что крестьяне не думали противиться силой, а хотѣли достаточно удостовѣриться, что новыя распоряженія, обрѣзывающія ихъ поля для бояръ, была точная и прямая воля Государя. Конечно, тоже было и у Барнаульскихъ крестьянъ.

Не говоря ничего другого, я не могу не сказать: стѣсненіе Барнаульскихъ крестьянъ, по моему, есть сущее и напрасное ругательство надъ крестьянами. Почему не отдать имъ ту землю, какою они уже владѣли? Кому она нужна теперь, когда была не нужна тогда? Бояринъ дорожить каждою полоскою земли: она есть его капиталъ. Казна для чего дорожить полосами, ей вовсе не нужными, при томъ въ Сибири, гдѣ милліоны квадратныхъ верстъ земли лежатъ нетронутые, п гдѣ, около Барнаула, гдѣ живутъ около 100,000 заводскихъ крестьянъ, можно безъ сомнѣнія поселить еще полмилліона душъ? По сему въ чинахъ я вижу ругательство надъ крестьянами и преступное притѣсненіе ихъ безъ правъ и безъ пользы для казны.

4 станція *Сектинская*, деревня, у озера. На немъ острова (отселъ начинаются озера). Со мною вела разговоръ женщина смѣлая и разумная, объ озерѣ, о засухѣ. Здѣсь мы опять догнали почту.

Вечеръ. По улицѣ гуляютъ молодые крестьяне обоюго пола, по праздничному одѣтые. Пьяныхъ, кажется, не видалъ.

5 станція *Иткульское* село, деревянная церковь во имя св. Дмитрія Солунскаго. Дьячекъ карло. Село при двухъ озерахъ: налѣво нерстѣ восемь длину и до пяти въ ширину, направо съ версту. Оба озера какъ бы безъ береговъ, вода солоноватая, убавляется и портится, дѣлаясь болѣе и болѣе солоноватою. Теперь водятся только караси, а прежде были и щуки.

Ѣдучи, встрѣтилъ обозъ Вятскихъ крестьянъ, поселившихся было въ Евсейской губерніи, въ окрестности села Аманать (Канскаго округа), но бросившихъ мѣсто, хорошее, обширное, лѣсистое. Можетъ быть, тоска по родинѣ, а вѣроятно и притѣсненія отъ земскихъ чиновъ, которое терпятъ бѣдные Сибиряки и какого здѣсь въ Россіи не испытываютъ. Крестьяне изъ Нолинскаго уѣзда, а тамъ раскольники. Можетъ быть, и поэтому соскучились Вотяки: въ Евсейской губерніи вѣтъ раскола, и его крестьяне ненавидятъ.

Я подозвалъ одного крестьянина, поговорилъ, пожалѣлъ о ихъ глупости (въ Вяткѣ великая тѣснота въ землѣ) и далъ рубль. Крестьянинъ возразилъ: «не грѣшно ли?» и убѣдилъ. (Не знаю, какъ повяты

отвѣтъ сей: а, не *угодно-ли* принять милостыню отъ архіерея, какъ отъ еретика; или, по смиренству, не *угодно-ли* принять милостыню *непрощеную* и пока безъ надобности).

В станицѣ *Каратская Дуброва*. Кажется, деревня. Здѣсь ночуемъ на земской квартирѣ. На почтовой станицѣ ждутъ Томскаго губернатора, возвращающагося отъ проводъ генераль-губернатора своего.

Ѣдемъ по Барабѣ. Ни овражка, ни бугорка, ни ручья, ни рѣчки. Равнина болотистая, солонцоватая. Озера большія и малыя и всѣ солоноватыя; либо вовсе безъ рыбы, либо съ одними карасями. Дорога поправкою только зарыта и испорчена. Страшная толкотня, стараются ѣхать по бокамъ. Удивляюсь небрежности! Даже и начальниковъ своихъ возить по этой безчестной дорогѣ (траты силъ и денегъ большія).

Здѣсь только березы, и то кустарныя или искривленныя троганіемъ (скотиною, людьми) или опаленныя. И здѣсь свирѣпствуетъ пѣла: жгутъ безщадно все, поле, лугъ, болото, кустарникъ, лѣсъ, все чтó видитъ глазъ. За неимѣніемъ краснаго лѣса, всѣ постройки здѣсь изъ березы, даже дома; оттого видъ здѣшнихъ селевій грустный, мизерный, корявый. Хотя мы ѣдемъ болотами, но поелику дождей не было, то шероховатая полукаменная (съ солью) грязь дѣлаетъ дорогу истинною казнію: толчки и толчки.

Здѣсь не лѣса, а куртинки ихъ, виднѣющіяся по бокамъ: это, кажется, дача крестьянина того, другого, третьяго, оставляющаго сіи кустарники на свой обиходъ. Строевого же березоваго лѣса на дорогѣ и вдали я не впадалъ; за нимъ ѣздить далеко.

Въ воздухѣ сухая, синяя, вонючая мгла. Печальный видъ!

NB. Замѣтьте: *Каратская дубрава*. Это отъ *карм*, т. е. пни, излома, уродованія тычинъ обгорѣлыхъ лѣса. По Сибири есть сотни селевій отъ *карм*. Тѣмъ Сибиряки даютъ потомству память о себѣ, что они всю прекраснѣйшую растительность Сибири обратили въ *карм*, во пни и тычины, изуродовавъ ее пѣлами, потѣшнымъ рубленіемъ, зарубками, изломами, обдираніемъ коры и всякимъ дикимъ и безобразнымъ терзаніемъ. Затѣмъ, загадивши и изуродовавъ мѣсто, сами тутъ же селятся на своихъ *кармахъ*.

Мы стали встрѣчать Сибирскую саранчу. Ее зовутъ *кобылка*. Она прыгаетъ, а не летаетъ. Поменьше кузнечика. Она тоже, чтó саранча. Губить посѣвы начисто и съ соломой.

По моему мнѣнію, *кобылка* отъ паловъ, которые дѣлаютъ засуху.

22-е число Юня, Понедѣльникъ. Св. Евсеvя Симова.

Крестьянинъ Андрей, гдѣ мы ночевали, добрый и богобоязненный. Въ этой деревнѣ занимаются разведеніемъ и продажей лошадей. Бѣд-

ный имѣеть десять, а богатые 50 лошадей п болѣе. Въ послѣдніе годы падежъ разорилъ, по крайней мѣрѣ сдѣлалъ бѣднымп п тощими почти всѣхъ.

Хотя я не вставалъ во всю ночь (что очень рѣдко), во спалъ тревожно. Боялся и предчувствовалъ ударъ. Почти всю ночь терзательно выла собака подъ самымъ окномъ. И въ отдаленіи тоже выли собаки. Это еще болѣе меня смущало.

Всталъ, помолился, прочиталъ 6 главъ Новаго Завѣта п каеизаму (симъ я старался въ дорогѣ пополнять пустоту празднаго времени). Чувствую, приближается, какъ туча, *оньтмнѣ*. Я вышелъ на дворъ, чтобъ освѣжиться, затрясся, лѣвая сторона нѣмѣеть, нога не движется, п рука костѣнѣеть. Я закричалъ Ѳедору. Онъ довелъ меня до комнаты. Пришелъ, посидѣлъ, проплакалъ. Стало проходить и прошло овѣмѣвнѣ. Я перекрестился, грустно сѣлъ на повозку, и поѣхали. Предаюсъ во-лѣ Божіей, а ѣхать должно. Но, слава Богу, до плаванія моего на пароходѣ, въ Іюль, подобнаго со мной не случилось. Ёдучи видимъ журавлей, прогуливающихся по полямъ и у соленыхъ болотъ, куликовъ, кукушекъ, ястребовъ.

(Меня все это занимаетъ, какъ ребенка, потому что въ Красно-ярскѣ ничего этого нѣтъ).

Вчера вечеромъ, въ Воскресеніе, я видѣлъ на улицѣ крестьянъ гуляющихъ и гурьбами и порознь, и кучамп стоящихъ, п сидящихъ около хорошаго дома. Крестьяне въ бѣлыхъ рубахахъ (слѣдовательно сѣютъ ленъ, чего нѣтъ въ Енисейской губерніи), женщины въ ситцахъ яркихъ цвѣтовъ. Пѣсни здѣсь (во всей Сибири) почти не поютъ п, кажется, ве звають пхъ. Мнѣ пріятно было видѣть покррой женскихъ платьевъ п всего ихъ одѣвннѣ. Напрасно предаются обнаженіямъ и нецѣломудреннымъ одѣвннѣмъ женщины привилегированныхъ классовъ! У крестьянъ одѣвннѣ красиво, соотвѣтственно корпусу женскому, но совершенно цѣломудренно: стыдъ стражемъ всего ихъ одѣвннѣ.

Ёдемъ груствыми обожжевными полями, кустарниками и рошица-ми березовыми: визмевныя, суковатыя, хилыя и рѣдкія. Мѣстность ровная, болотистая, солонцоватая; по причинѣ засухи, земля жествая и сухая. Въ воздухѣ синій сухой дымъ-изгарь: жарко. Встрѣтпли озеро *Канкуль* (Татарское названіе) 8 версть длины, 5 ширпы, съ плоскими берегамп, солонцеватое; есть карасп.

1 станція *Каратскій Форъ* (по-нѣмецкп) или *Фаръ* (по-голландски) *постъ*. Село. Опять *карта* (смот. выше). Форъ или Фаръ-посты суть памятники: а) первовачальнаго заселенія Русскихъ; б) мѣсто границы и предѣлъ владѣвннѣ Спѣврью во времена Петра или за 100 лѣтъ.

Нынѣ границы Русскаго владѣнія на этой мѣстности на тысячу верстъ южнѣе.

Ждутъ возвратнаго проѣзда губернатора. Пьемъ чай. Дѣвица Тальма, Киргизскаго рода, подошла ко мнѣ съ просьбою. Мѣсяца два предъ симъ, она подала прошеніе въ Консисторію Томскую, изъявляя желаніе принять христіанство (она магометанка), но отвѣта не получила. Слѣдовательно, меня она желала имѣть ходатаемъ по ея дѣлу, даже рѣшителемъ (ей растолковали, что я архіерей). Я далъ ей слово, что буду за нее ходатайствовать у Томскаго преосвященнаго. (Я это исполнилъ, либо изъ Омска, либо изъ Тобольска).

Тутъ религія смѣшивается съ земными видами. Тальма эта похищена Киргизомъ, конечно, и съ ея согласія. У нея есть уже дочь. Но родители ея угрожаютъ ей судомъ или силою исторгнуть ее отъ похитившаго. Опасаясь сего, Тальма рѣшилась быть христіанкою, къ тому склонила и мужа, съ тѣмъ, чтобы по крещеніи сочетаться христіанскимъ бракомъ, о которомъ Киргизы знаютъ, что онъ *нерасторжимъ*. Тальма лѣтъ 20-ти, правильное женское лицо, смѣлая женщина, цвѣтущая здравіемъ.

Ѣдемъ. Видимъ камыши (и безъ воды), смородину (въ Сибири смородина вездѣ. Ее надобно кажется звать *самородина*, т. е. ягода, рождающаяся *сама*, безъ ухода человѣка).

2 станція *Каргинская*. Кажется деревня (опять *карга*).

На проѣздъ этой станціи встрѣтился губернаторъ Томскій, возвращающійся отъ проводовъ своего генераль-губернатора. За нимъ мчится исправникъ. Ѣзда по обычаю Сибири *отчаянно* быстрая. Тѣмъ здѣсь отличаются власти отъ простыхъ проѣзжающихъ, и чѣмъ выше власть, тѣмъ ѣзда быстрѣе.

Здѣсь я далъ право получить мое золотое перо, забытое на станціи, гдѣ я ночевалъ, здѣшнему смотрителю.

3 станція *Убинское*. Село. Церковь изъ березы, маленькая. Священникъ здѣсь молодой — овдовѣлъ. Просилъ у преосвященнаго жениться въ другой разъ и быть у преосвященнаго иподіакономъ. Преосвященный отказалъ. Священникъ предался пьянству, не служитъ. Подалъ прошеніе о сложеніи съ себя сана. (Такъ мнѣ рассказалъ смотритель станціи). Сколько тутъ вины въ священникѣ и въ порядкахъ благочинія церковнаго, разсудитъ Богъ. Хотя впрочемъ священникъ ничѣмъ себя не обезвинитъ. *Богъ бо нсть искуситель злымъ, не искушаетъ же Той никого же.*

Пораньше сего села, на правой (сѣверной) сторонѣ, началось огромное озеро *Убинское*, имѣющее въ длину до 60 верстъ и до 30 въ ширину. Его здѣсь называютъ моремъ. Жаль, я чуть его видѣлъ

(заслоняется кустарникомъ). Отъ села Убинскаго озеро уже удалено на 12 верстъ. Въ семь, по преимуществу, озеръ ловятъ карасей; ихъ сушатъ или вялятъ, потомъ нанизываютъ на палочки (очень искусно и красиво (по сотнямъ) и продаютъ. На Камъ или Волгъ я видѣлъ цѣлую баржу, нагруженную семи столбиками карасей, въ родъ скирда; и по Сибири, тамъ и здѣсь, видимъ же въ продажѣ и въ ѣдѣ этихъ карасей, однакоже очень грязно и грубо приготовленныхъ. Мнѣ сказывали, что тутъ есть караси до 10 фунтовъ (обыкновенно же въ 5—6 вершковъ длиною эти караси)

Село Убинское имѣетъ свое небольшое озеро въ три версты, подъ своими гумнами.

Чадь-изгарь синяя въ воздухѣ, скрывается окрестность. Несносный жаръ. Засуха. Пауты (по-русски—слѣпни, однако другого вида, ярко-желтые, рубчиками, голова зеленая) начали беспокоить. Беремъ вѣтку дерева, отмахиваемся. Особенно страшно нападаютъ на лошадей, съ 9 часовъ утра до 5, 6, 7-ми вечера.

Смотритель вѣжливый, разговорчивый, уважительный.

4 ставція *Комлаково*—село (почти Комлево, моя родина). Здѣсь мнѣ рассказали о возстаніи заводскихъ крестьянъ около Барнаула нѣсколько иначе. Ихъ увлекъ и обманулъ писарь. Они не стали платить подати (которой они не платили, бывши подъ крѣпостію заводовъ), несправедливо полагая, что имъ дана льгота и въ этомъ. Мировой судья, по обычаю Русскихъ властей, не потрудясь спокойно разувѣрить ихъ, хотѣлъ ихъ наказывать. Крестьяне самого его хотѣли посадить въ анбаръ. Судья ускользнулъ (ему, конечно, это дозволили крестьяне), пріѣхалъ въ Томскъ, донесъ губернатору о упорствѣ и возстаніи крестьянъ, а сей послалъ отрядъ войновъ, который произвелъ надъ безоружными великое побоище: стрѣляли безъ разбора въ стариковъ и молодыхъ, въ мужской полъ и женскій, даже въ дѣтей; жгли и грабили дома и селенія. Затѣмъ болѣе 200 человекъ посадили въ острогъ. Три крестьянина ускользнули однакоже отъ побоища, достигли Петербурга, пожаловались Государю. Началось изслѣдованіе. За этимъ и ѣздилъ генераль-губернаторъ. Остается на совѣсти тѣхъ, кто мнѣ это рассказалъ: такъ ли это дѣло было и таково ли значеніе его. Скажу однако свои мысли.

Первое. Въ Сибири, такъ называемая *власть*, сверху и до низу, отъ губернатора до послѣдняго писаря—суть *цари* (какъ я ихъ называю), т. е. повелѣваютъ, и все предъ ними преклоняется. Бѣдный крестьянинъ есть въ ихъ понятіяхъ животное, его не удостоиваютъ и имени человѣка. Ему нѣтъ защиты въ Сибири; его рѣчей, жалобъ не

примуть, либо ему же обратятъ въ кару. (Бываютъ явленія правосудія и защиты, но онѣ слишкомъ рѣдки и едва слышимы).

Второе. Подати или налоги нынѣ такъ приумножены, что, слагая ихъ вмѣстѣ, крестьянинъ платитъ въ годъ за одну душу болѣе 30 рублей; а если у него въ домѣ три, четыре, пять душъ и притомъ нерабочихъ (старикъ-отецъ, малолѣтнія дѣти), то ему надобно внести 100 рублей и болѣе. Гдѣ ихъ возьметъ крестьянъ въ Сибири? А и ему самому чѣмъ же жить? Изъ сего можно понять, что неплатежъ столь высокихъ податей есть не упорство, а сущая невозможность. Стоило бы о семъ поразмыслить высокимъ властямъ.

5 станція *Осиновые Колки*—село. Здѣсь ночуемъ. По рекомендаціи ямщика я хотѣлъ было остановиться переночевать у купца. Остановились противъ дома его (большой, новый, красивый). Я послалъ Ѳедора попроситься. Подъ окнами на улицѣ сидитъ почти старикъ, съ свирѣпымъ видомъ. На просьбу Ѳедора отвѣтилъ: «Нѣтъ дома хозяина». Межъ тѣмъ онъ самъ и есть хозяинъ. Ямщикъ пригрустилъ, видя меня обезчещеннымъ. «Извините, владыка, сказалъ онъ. Это самъ хозяинъ. У него точно обыкновенно ночуютъ бояре. Онъ васъ не принялъ видно потому, что онъ раскольникъ». Такъ врагъ Божій омрачаетъ совѣсть отпадшихъ отъ церкви. Духовный человекъ напоминаетъ ему его безуміе и молча. Мы поѣхали на станцію. Тутъ ночевали покойно. Ночеваль еще офицеръ съ женою, тоже проѣзжающій.

23 число Юня. Вторникъ. Св. Агриппины. Владимирскія Божія Матери.

Меня преслѣдуетъ разстройство живота. Безпокойство и стыдъ.

Во снѣ: 1) Я покусился снять драгоценный вѣнецъ съ образа (кажется, Спасителя) въ ризницѣ Черниговскаго кафедральнаго собора, готовясь и къ отвѣту за сіе, въ предположеніи оправдать себя (не знаю, чѣмъ). 2) Просыпаясь, пою: «Спаси ны, Утѣшителю Благій, поюція Ти аллилуія».

(И тогда не появлялъ и теперь не понимаю, что́ суть сіи видѣнія; но здѣсь, въ Перервѣ, въ домовую мою церковь назначаютъ образъ *Черниговскія Божія Матери*. 26-го Сентября 1870 года). Буди мнѣ милостивъ, Господи!

На этой станціи я увидѣлъ ласточекъ, которыя подъ кровлями жилищъ вьютъ свои земляныя гнѣзда. Давно невиданное мною зрѣлище.

(Мнѣ дали замѣтить, что съ появленія холеры эти райскія птички сокрылись. И я точно почти не видывалъ ихъ съ того времени, т. е. съ 1830 года).

Ѣдемъ.

1 станція, *городъ Каинскъ*. Купеческій двухъэтажный домъ, съ широкимъ дворомъ. Самъ хозяинъ и управляетъ домомъ.

Ко мнѣ явились гражданскіе чины въ мундирахъ. Обращеніе вѣжливое, искренняя готовность быть чѣмъ можно полезнымъ. Потомъ два священника: служившій сегодня литургію(она лишь отошла) съ просфорою. Оба среднихъ лѣтъ. Почтительные, видъ степенный, на лицахъ покой и довольство. Слава Богу! Протоіерея (третья духовная особа) нѣтъ въ городѣ: въ объѣздѣ по благочинію.

Мнѣ, по моему желанію, отыскали сироту, дочь священника Евгенія Иконникова, скончавшагося въ Туруханскѣ (съ годъ предъ симъ). Скоро она пришла ко мнѣ съ своею родственницею, женщиною свѣтскою, степенною и разумною. Отроковица 16 лѣтъ. Пріятной наружности. Одѣта весьма прилично. Здравіе и довольство на лицѣ ея. Я объяснилъ ей, при всѣхъ, тутъ бывшихъ, что ея предположили въ Енисейской Консистеріи перечислить въ эту Томскую епархію, гдѣ она и пребываетъ и имѣетъ родство, и что о семь уже идетъ переписка съ Томскою Консистеріею.

Отецъ ея, Евгевій, ученый, изъ Русскихъ. Я нашелъ его уже вдовымъ. Онъ былъ при второй церкви на золотыхъ пріискахъ. По закрытіи этой церкви я предложилъ ему мѣсто въ Туруханскѣ. Онъ согласился, но пожилъ года два и скончался, сокративъ жизнь свою, кромѣ климата, невоздержаніемъ, которое однакоже привилось къ нему послѣ тяжкихъ потерь, сперва жены, а потомъ отца и матери. Такимъ образомъ эта отроковица есть круглая сирота и чужая въ Сибири. Да пошлетъ Господь Ангела Хранителя надъ нею! Я ей далъ 10 рублей. Но послѣ отца ея осталось достояніе, можетъ быть, на 500 рублей. Это ей опора.

Починили оба переднія колеса: размололись втулки (3 рубля).

2 станція. Село *Булатово*. На станціи говорунья жена смотрителя, кажется, изъ Евреекъ. Заговорила меня и принудила выпить чашку чая. Я послалъ къ священнику и просилъ навѣстить меня; мнѣ сказали, уѣхалъ съ церковною надобностію въ приходъ.

Въ 1861 году, проѣзжая изъ Казани въ Красноярскъ, я у этого священника Михаила провелъ день Рождества Христова. Принять имъ честно. Онъ Русскій, цвѣтущихъ лѣтъ, многочадный. Я подумалъ: «не сердится ли онъ на меня, что я не благодарилъ его ничѣмъ, ни даже письмомъ изъ Красноярска». Такъ совѣсть насъ будить!

Я уже отъѣхалъ 1000 верстъ, а на столбѣ увидѣлъ «отъ Москвы 3000 верстъ». Пригрустилъ, потому что здравіе мое хило. Сегодня въ Каинскѣ было замираніе въ правой сторонѣ груди, отъ коего опасаюсь краткой смерти. Однако отдышалъ. Предаюсь волѣ Божіей!.. а двигаться впередъ должно. Поѣхалъ.

3 станція. Село *Антошкино* (крестьянское названіе, отъ Антона, *Антошка*). Здѣсь мнѣ старушка подала хорошаго Сибирскаго квасу, напился съ благодарностію. Въ Сибири особаго рода квась, густой сладимо-вкусный, полупиво. Здоровый, даже сытный.

4 станція. Село *Покровское*. Здѣсь ночуемъ на станціи. Сегодня мы ѣхали между озерами, направо и налево, и около самыхъ береговъ ихъ, и усматривая въ отдаленіи. Самое малое озеро больше версты, а побольше до 8—10 верстъ. Всѣ они безбрежныя, лежатъ въ покатосяхъ. Мѣстность низменная, болотистая, кустарные лѣсочки изъ кривыхъ березъ. Озера солнцеватыя и годъ отъ года упадаютъ, сокращаются, высыхаютъ. Не во всѣхъ есть рыба: соленая вода душитъ ее. А гдѣ есть, то только караси. И самая соленость водъ, говорятъ, увеличивается съ года на годъ. Я все это приписываю сожиганіямъ въ Сибири лѣсовъ, полей, луговъ, вообще всей мѣстности. Мы ѣдемъ въ удивительной ѣдкой, синеи, сухой мглѣ. Дождей здѣсь не было. Природа унылая.

Въ Каинскѣ мнѣ дали хорошій обѣдъ: пироги, уха, жаркое, п все изъ карасей.

Въ Каинскѣ же мы переѣхали чрезъ рѣку *Омь*. Она недалеко отсюда получаетъ начало и пойдетъ съ нами 500 верстъ, до города *Омска*, гдѣ и впадаетъ въ Иртышъ. Чрезъ Омь становится возможнымъ изъ Иртыша приплавлять строевой лѣсъ, и мы опять видимъ хорошія постройки изъ сосноваго лѣса.

Городъ Каинскъ маленькій, съ одной церковію, каменною, хорошею. Кажется, три улицы продольныя (а двѣ, вѣрно; знаю своимъ глазомъ) и нѣсколько поперечныхъ. Обстроены деревянными (есть и каменныя) постройками, отличающимися отъ сельскихъ веселѣе, роскошнѣе, иногда богаче.

Влѣво отъ Каинска (ѣдучи изъ Сибири), на Югъ отъ него, на пространствѣ 200 верстъ и болѣе, лежатъ огромныя озера *Чаны*; ихъ съ десятокъ. Главное болѣе 60-ти верстъ въ діаметръ, круглое, другое продолговатое, длиннѣе его, но не очень широко. И тамъ караси и караси. Озеръ сихъ невидно ни изъ Каинска, ни съ дороги (они верстъ 20 южнѣе). Вся окрестность довольствуется этими карасями и даже имѣетъ промыселъ на нихъ и отъ нихъ.

Вечеромъ долго сидѣли у меня священникъ этого села Павелъ Аванасьевичъ Львовъ, Тамбовскій, товарищъ преосвященнаго Веніамина Амурскаго-Благовѣщенскаго. Хвалилъ и ублажалъ преосвященнаго Θεофила, бывшаго Тамбовскаго (нынѣ на покоѣ). Одобрять собранія духовенства для обмѣна мыслей, но и оплакиваетъ разногласія.

Нынѣшнія нововведенія по духовенству ему повидному нравятся. Человѣкъ житейскій.

24 число Юня. Серeda. Рождество Св. Иоанна Предтечи и Крестителя.

Я слышалъ благовѣсть къ утрени, но полѣнился встать и быть въ церкви. Спалъ тихо. Разстройства живота не было.

Во снѣ: «Наполеонъ дружески предлагаетъ нашему Императору возвратить полную свободу Донскимъ казакамъ, ссылаясь на общаніе, данное якобы первыми царями Русскими, не считать Донцовъ подданными царю наравнѣ съ Россіянами. При чемъ выписываются и слова договора. И слова повидному говорятъ объ автономіи Донцовъ».

Странное сновидѣніе! Я вовсе не думалъ ни о Наполеонѣ, ни о Донцахъ, ни о полтикахъ.

Ѣдемъ.

1 станція. Село *Туруново*. 8-й часъ. Благовѣстятъ къ обѣдн. Большое село. Два озера. Рѣчка почти высыхаетъ. Я зашелъ въ церковь. Есть довольно народу. Священникъ, уже подъ старость, кажется ученый. Здѣсь 20 лѣтъ. Служитъ безъ діакона. Пріятно-рѣчистый. Церковь деревянная, ветхая, непросторная. Есть иконы въ ризахъ. Я стоялъ въ алтарѣ, отъ малаго выхода, до конца сугубой эктениі. Даль въ церковь рубль и вышелъ (ждутъ лошади).

Постройка изъ сосноваго лѣса (см. выше). Крыша особаго устройства: на рѣшетникъ настлана береста, а на нее насыпана земля, покрытая дерномъ. Крыша держится хорошо и обрастаетъ зеленью. Такъ кроютъ по всей Барабѣ, по крайней мѣрѣ сотъ на семь верстъ.

Улица широкая, довольно чистая. Ходятъ одни свиньи съ поросятами и стаи собакъ. (Другого скота по крайней мѣрѣ нѣтъ, коровъ, телятъ, овецъ, лошадей).

2 станція. Село *Спасское - Голуново* (не *Глуново* ли?). Церковь деревянная, обшита тесомъ, покрашена бѣлою краскою. Опять озёра. Въ одномъ была рыба, но отъ моченія конопля въ немъ рыба издохла и перевелась. (Такъ сказалъ ямщикъ; но я думаю, подошла соленость, и рыба пропала. Озеро версты четыре. Такого нельзя испортить моченіемъ конопля у края его). Есть днища озеръ, уже совсѣмъ высохшихъ. Ѣдемъ около камыша, за которымъ озеро. Сюда при насъ вбѣжалъ волкъ. (Ямщикъ съ Ѳедоромъ и іеродіакономъ побѣжали искать его—ве нашли). Тутъ же есть курганы, они тянулись версты двѣ. Село красивое и веселое.

3 станція. Село *Вознесенское*. Старинная деревянная церковь. При рѣкѣ, кажется, торговое. На станціи вѣдѣли телеграфнаго офицера. Я вошелъ было съ нимъ въ ученый разговоръ о телеграфѣ, чтобъ пользоваться отъ него. Ошибся. Онъ меньше меня смыслить. Мнѣ

стыдно было за него. Тутъ же я увидѣлъ ископаемыя кости, какъ бревна: одна полтора аршина длины и большіе четверти въ діаметрѣ толщиною. Выставлены для желающихъ купить. Онѣ принадлежатъ священнику, здѣшнему благочинному. Онѣ приходилъ ко мнѣ и съ другимъ священникомъ (ихъ двое здѣсь). Кости сіи священникъ нашелъ въ берегу ихъ рѣки предыдущей станціи *Тартадъ* или *Тартасъ*. (Мы ее переѣзжали на паромѣ).

Въ прошедшемъ (иль за прошедшемъ) году проѣзжалъ Французской посланникъ изъ Китая. Увидѣвъ эти кости, онъ пожелалъ одну, самую большую, приобрести. Спросилъ: «Можно ли купить?» — Можно. — «Чего стоитъ?» — 10 рублей. — «Много. Нельзя ли взять пять рублей?» Смотритель (по довѣренности священника) согласился, и самая большая кость увезена Французомъ. Выслушавши эту исторію, я сказалъ о благочинному. «Напрасно вы повизили такъ цѣну. Назначили бы сто рублей — дали бы. Увидѣвши же, что вы незнакомы съ лакомствомъ Европейскихъ искателей древностей, онъ сталъ торговаться съ вами, опасаясь вамъ дать тотчасъ 10 рублей, чтобъ вы не одумались».

Благочинный, товарищъ нашего Минусинскаго протоіерея Георгія Бенедиктова и, кажется, землякъ. Человѣкъ степенный и разумный.

Село богатое, а поѣсть на станціи нечего. Погрызли кое-чего своего. Писарь иль смотритель мальчишка и, кажется, еще Полякъ.

Начались холмы и возвышенія. Видѣли огромную эндову—дно высохшаго озера круглое, версть 7—10 въ діаметрѣ; растеть трава, покосы. Есть опять курганы рядами, продолговатые. Чуть видно солнце. Сухая мгла заслонила его: тяжело дышать. Однако, за недѣлю предъ симъ, здѣсь, говорятъ, былъ хорошій дождь.

4 станція, село *Камышевское*. Деревянная церковь, большая, новая, своеобразный чертежь. Красивая, обшита и покрашена.

Большое озеро, въ 7 версть, опоясываетъ село. Тутъ мнѣ сказали, что въ окрестностяхъ этого села насчитываютъ до 30 озеръ. Такое озерное здѣсь мѣсто, и Бараба усѣява ими.

По рѣкѣ Тартасъ (см. выше), которая выходитъ съ Сѣвера, плавать въ здѣшнія селенія строевой лѣсъ; постройки здѣшнія оттого благоприличны (на проѣздѣ этой станціи я немного уснулъ; это отмѣчено мною потому, что я почти не сплю ѣдучи).

5 станція село *Ново-Назаровское*. Церковь деревянная, недавняя, почти безъ оконъ (они вверху). Это послѣдняя станція Томской губерніи.

Изтерзаль меня ямщикъ, безпощадно дергая возжами и раздирая удилами ротъ у лошадей, безъ всякой надобности, изъ какого-то звѣрскаго нетерпѣнія и цаходя въ этомъ какое-то наслажденіе. Я упра-

шиваль его не дѣлать сего — не слушаетъ. Сверхъ того, самъ онъ страшно икалъ, посибирски, выдавливая изъ внутри себя какой-то нечеловѣческой звукъ, похожій на ржаніе, срипъ и свистъ вмѣстѣ. Не замолчить ни на мгновеніе, визжигъ, дергаетъ возжами, хлопаетъ или махаетъ кнутомъ и самъ весь въ конвульсіяхъ.

6 станція, село *Еланское*, уже Тобольской губерніи. Здѣсь ночуемъ. Былъ у меня священникъ этого села Федоръ Васильичъ Смирновъ. Кончилъ курсъ въ 1824 году, тогда же опредѣленъ на это мѣсто и съ тѣхъ поръ доселѣ живетъ на этомъ же мѣстѣ. Имѣетъ камлавку. У него 17 человекъ дѣтей! Говорунъ. Но мнѣ пріятно было слушать старину Тобольскую. Митрополитъ Иннокентій слушалъ въ его церкви литургію и былъ въ его домѣ. Священникъ поручилъ мнѣ кланяться митрополиту.

Меня мучитъ разстройство живота. Выйти для нужды сущее наказаніе: негдѣ укрыться, либо оттуда, либо отсюда видно: люди, окно, дверь, щель, разобрано, а къ тому стаи собакъ. И на улицѣ собаки бродятъ стадами, дерутся, мирятся, сватаются, визжать и воютъ отъ голода. И тутъ же лошади, коровы, свиньи, тоже съ своими забавами и привычками; подъ самыми окнами выполняютъ свои нужды: пострадность, вопъ и терзаніе! Жалѣю, что Сибиряки въ этомъ отношеніи не озабочены чистоплотностію, опрятствомъ, чувствомъ приличія и благородства; смѣшивать себя съ животными, имѣть предъ собою весь обиходъ ихъ препровожденія жизни, грязно, даже нещѣломудренно.

25-ое число Юня, Четвергъ. Св. Февроніи.

Всталъ въ 6-мъ часу. Сивая мгла. Солнца вѣтъ, мутное коричневое небо. Спаль непокойно, терзали уличныя собаки и ревъ скота. Разстройство живота.

Ѣдемъ.

1 станція, *Хомутиницкая*-деревня, при озерѣ, которое зарастаетъ. При рѣкѣ Оми. Берега ея обваливаются. Мягкая земля безъ камней. Здѣсь пьемъ чай. Мгла ужасаетъ, подавляетъ, наводитъ тоску. Говорятъ: «горятъ Бурманскіе лѣса» (симъ именемъ въ Тобольской губерніи зовутъ всѣ сѣверные лѣса). Но я думаю, не издыхаетъ ли земля изъ подъ себя, отъ внутреннихъ огней, свой дымъ, чадъ, изгарь, сквозь незамѣтныя щели земли. Около Тобольска я видѣлъ страшные палы, окружившіе пол-окрестность на Сѣверо-западъ, но воздухъ былъ прозрачный и довольно свѣжій).

Рѣка Омь, какъ сонная, течетъ весьма тихо, даже незамѣтно. Мѣстность ровная. Березы куртинами. Трава высокая, крупная, желтая, колючая. Пасется по ней скотъ, не стоя или двигаясь понемногу, а идучи быстрымъ, поспѣшнымъ шагомъ, хватая на лету и какъ бы

спѣша куда-то. Погорѣло все, нечего схватить въ ротъ. Пастухъ едва догоняетъ стадо.

2 станція, *Нижне-Омская*, деревня, тоже на рѣкѣ Оми. 17 верстѣ ямщикъ промчалъ въ часъ, дорога ровная, но ѣхалъ небезобразно и безъ визга, свѣжею, ровною рысью.

Мѣстность жалостная. Курчавыя березки маленькими кучками. Сожжено засухою все: и цосѣвы, и трава, и самыя деревца упали и поблѣднѣли. Удушливая черно-синяя мгла.

Смотрителя нѣтъ. Хозяйки, желавшія чѣмъ либо услужить, поговорить, посмотрѣть на архіерея. Есть и женскія великія, согрѣвающія душу добродѣтели!

3 станція, *Кабьринская* деревня же. Степь еще голѣе. Появляется ковыль-трава. Домъ станціи хорошій. Уснулъ на десять верстѣ.

4 станція, *Юрьевское* село. Переѣздъ 36 верстѣ. Однако мы ѣхали менѣе трехъ часовъ. Дивлюсь сносливости Сибирскихъ лошадей: такой длинный путь, несносный жаръ, страшная засуха, убійственная чугунная мгла въ воздухѣ, а лошади бѣжали скоро толикое пространство. Правда, на этомъ переѣздѣ проходили надъ нами одна за другою три тучи и кауло нѣсколько капель. Воздухъ сталъ свѣжѣе, хотя ниже чугуннаго цвѣта.

На двадцатой верстѣ заселяются Зыряне изъ Усть-Сысольска. Народъ набожный, цѣломудренный, работающій. Мѣсто болотистое (теперь сухое, ни озера, ни рѣчки. Голое безъ кустика мѣсто).

Видѣлъ орла съ дитею, сидятъ на сухой березѣ; дѣтенышъ спидитъ повыше.

5 станція, *Сыромятское* - село, на рѣкѣ Оми, на высокомъ и крутомъ берегу: бѣлая глина. За пять верстѣ до станціи, впереди насъ на небѣ сгустилась черная сѣдая туча; я порадовался, думая, что насъ и природу освѣжитъ влага дождевая. Туча растеть, небо чернѣеть; не облака, а какая-то усатая чугунно-сѣрая. шуба одѣваетъ небо до земли, идетъ на насъ и закрыла насъ; сухая съ тончайшею пылью мгла безъ вѣтра. Она закрыла мѣстность и на двадцать сажень едва можно различить предметы. Не видывалъ и такихъ явленій.

Къ ужасу отъ тучи присоединилась досада и мученіе на ямщика (кажется, отставной, либо въ отпуску, солдатъ, брѣтется): рвалъ удилами лошадей нещадно, ревѣлъ и визжалъ, вертѣлся и махалъ кнутомъ (въ Сибири зовутъ *бичъ*). 28½ верстѣ ѣхали 1¾ часа. Ызда не очень быстрая; но ямщикъ, терзая напрасно лошадей, дергая вожжами п въ тоже время притягивая ихъ къ себѣ, не давалъ свободы бѣжать лошадямъ, которыя безъ того промчали бы еще скорѣе. Я сперва мягко уговаривалъ его ѣхать ровно, степенно и не терзать лошадей: не

слушалъ. Потомъ возвысиль голосъ и приказываль ѣхать ровпо и не терзать лошадей напрасно. Солдаты разсвирѣпѣль и началъ ревѣть и визжать, дергать и бить лошадей до паступленія. Я вынужденъ былъ молча терпѣть и мучиться. Пріѣхавши на стаяцію, я обошелъ лошадей: у двухъ рты разорваны, течеть кровь; всѣ онѣ въ мыль и трясутся лихорадочно. Солдаты свирѣпою косоною выглядываль на меня изъ подъ лба и, повидимому, готовился выслушать мои упреки и защищаться тою же свирѣпостію. Я сочель благоразуміемъ смолчать, взглянувъ на него сожальтельно. Лошади у этого солдата вѣроятно чужія. Вѣроятно онъ ихъ испортиль. Не знаю, что можно бы придумать къ укрощенію толикихъ свирѣпостей, которыя притомъ такъ мучать сѣдоковъ.

Исторія: «Ямщикъ, возвращаясь пустой изъ Омска, умеръ въ повозкѣ, не доѣхавъ версты до этого села. Это было 17 числа Іюня. Его до сихъ поръ не хоронять: «нужно-де судебно-медицинское изслѣдованіе». Пусть бы такъ; но судей нѣтъ вотъ уже восемь дней, тѣло гнѣеть. Лютый жаръ и засуха. Жена покойнаго, Лукерья, умоляла меня исходатайствовать погребеніе покойнаго».

Вотъ образчикъ Сибирскихъ управленій. Здѣсь гноять умершія тѣла по мѣсяцу, по два, даже до полугода въ ожиданіи судей и слѣдствія. И судей не вины много: неизмѣримыя пространства, а ихъ немного. Почему бы не уважить свидѣтельство: а, крестьянъ всего села; оно подано; б, свидѣтельство священника; оно не замедлило бы, если бы пожелали имѣть его. Я думаю: требовать судебного изслѣдованія тѣла умершаго 1) когда того ищутъ родные, 2) когда требуетъ сего окружающее сосѣдство умершаго.

Ямщикъ, который такъ истерзаль меня, кажется, нарочно выразилъ свою тираннію надъ лошадьми, чтобъ мнѣ навести досаду и доказать, что онъ есть власть, а не я, проѣзжающій. Такой потѣхи надъ сѣдокомъ онъ не дозволиль бы себѣ, если бы то былъ какой-нибудь полу-офицеръ.

На станціи Сыропятской я вздумаль было ночевать для того, чтобъ въ Омскѣ не тревожить протоіерея, человѣка мірскаго и мнѣ лично неизвѣстнаго, въ глухую ночь. (Я у него предположилъ остановиться въ Омскѣ и о томъ писалъ ему изъ Красноярска). Но мы пріѣхали на эту станцію въ 6½ часовъ вечера. Скучно бы было три и четыре часа ждать ночи. Я рѣшился ѣхать, хотя до Омска 34 версты. Поѣхали.

Въ самомъ селѣ спускъ на рѣку Омь и перевозъ. Спускъ крутой и опасный. Берега Оми обрывисты, обвалъ земли вертикальный (какъ у моря). Зрѣлище на Омь ужасаетъ. Малые ручьи отъ великихъ дождей, при мягкости береговъ, раскалываютъ ихъ и образуютъ зіяющія

щели и отвѣсныя пропасти. Слава Богу, мы спустились къ рѣкѣ, переплыли ее и поднялись наверхъ благополучно. Затѣмъ до самаго Омска равнина. Ямщикъ, столь же ярый, помчалъ насъ нещадно. Я молчалъ. Мѣстность голая, у самаго города, версты на двѣ, истерзаный (скогиною) курчавый мелкій кустарникъ. Земля лежитъ даромъ: запашки я почти не видалъ. Сухой колючій бурьянъ, или ничего, голая земля.

Мы приѣхали въ Омскъ въ 9 часовъ вечера, слѣдовательно ночью; я ничего не видалъ еще и потому, что черная мгла-пзгарь покрывала землю.

VI. Городъ Омскъ.

Я остановился у законоучителя въ здѣшнемъ Кадетскомъ корпусѣ, о. протоіерея Александра Ивановича Сулоцкаго (изъ села Сулость, около Ростова, что на берегу озера въ виду города и монастырей Бѣлогостицкаго, Петровскаго и Аврааміева). Человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, благословенъ отъ Бога много и благочадіемъ. (Одна дочь уже замужемъ за кѣмъ-то въ Омскѣ свѣтскимъ).

Александръ Ивановичъ, магистръ Духовной Академіи (кажется, Московской), былъ профессоромъ Семинаріи въ Тобольскѣ, затѣмъ поступилъ сюда. Онъ литераторъ и охотникъ отыскивать Сибирскія древности. Ему и г. Абрамову (уже покойнику, тоже изъ нашихъ), Сибирь одолжена многими любопытными и назидательными сказаніями.

Послѣ многихъ разнородныхъ рѣчей, меня угостили хорошимъ городскимъ ужиномъ (я не имѣлъ его отъ Томска, почти на тысячу верстъ). Мнѣ дана хорошая комната, кабинетъ хозяина. Уснулъ сладко.

26-е число Іюня, Пятница. Тихвинскія Божія Матери.

Утромъ написалъ два письма: 1, въ Красноярскъ о. протоіерею каедральному Василю, 2, въ Кострому къ преосвященному Платону.

Въ обѣдъ получилъ телеграмму изъ Красноярска отъ о. протоіерея, пущенную отъ сего дня въ 8 часовъ утра. Разстояніе около 1500 верстъ, и всего пять часовъ шла телеграмма. И я отвѣтилъ телеграммою же (поручилъ о. Александру).

Отдалъ поправить карманные часы; поправили въ три часа. Отдалъ поправить переднія колеса; поправили.

Затѣмъ мы поѣхали съ о. протоіереемъ путешествовать по городу. Намъ данъ зкипажъ, карета, какою-то старушкою, купчихою или боярынею.

Были: 1, въ церкви Св. Николая. Казацкая. Прехорошая и немалая церковь, свѣтлая, пковостась степенный, большой. Нпжній рядъ

иконъ въ богатыхъ золоченыхъ ризахъ. Сбѣжался народъ къ благословенію. Въ церкви младенецъ умершій для отпѣтія. 2. Въ соборѣ Воскресенія Христова. Служить протоіерей города Стефанъ Яковлевичъ Знаменскій. Мы вошли; онъ читаетъ за лѣвымъ клиросомъ, у пылающихъ свѣчъ и кутій, имена покойниковъ рѣчисто, воагласно, не торопясь. Это заамвонное поминовеніе произнесено при насъ; не одно сто имянъ! Затѣмъ кончена литургія. Въ церкви есть народъ. Опять умершій младенецъ. Храмъ круглый, огромный шириною, но не высокій. Екатерининскій иконостасъ низкій, затѣйливый, далеко бѣднѣе Никольскаго.

Соборъ стоитъ въ крѣпости, довольно похожей на Петербургскую, даже и положеніемъ у рѣки Оми. Построено много корпусовъ, конечно, военнаго значенія. О достоинствѣ крѣпости я не могу судить, но кажется она недовольно заботливо содержится.

Протоіерей о. Стефанъ охотникъ до протяженной службы и громко извѣстень въ городѣ (можетъ быть, и далѣе) строгостію, даже аскетизмомъ житія своего. Онъ за 6 лѣтъ вдовый. Былъ у меня, въ домѣ у о. Сулоцкаго. Съ орденомъ.

3. У генераль-губернатора Западной Сибири. Александръ Петровичъ Хрущевъ. Сперва мнѣ было отказали, сказавъ: «завимается генераль дѣлами, нельзя доложить». Я было собрался выходить; прибѣжалъ офицеръ, просить, растворяетъ двери. Входимъ въ дѣловую залу. Насъ встрѣтилъ Александръ Петровичъ, почти старичекъ, небольшого роста. Посадилъ насъ (съ протоіереемъ) у стола. Спросилъ: кто я, что я и куда и зачѣмъ ѣду. Я объяснилъ. Рѣчи мягкія, вѣжливыя, хотя впрочемъ общія и не близкія. Черезъ четверть часа я всталъ, откланялся, вышелъ.

Г. Хрущевъ лѣтъ подъ 60, холостой. Ежели онъ живетъ въ плотской чистотѣ и цѣломудріи, то онъ блаженный человекъ. Однакоже вручить великое управленіе полъ-Сибирью свѣтскому, холостому небезопасно.

Послѣ того мы съ о. протоіереемъ объѣхали лучшія части города.

Омскъ стоитъ на рѣкѣ Оми, по обѣимъ сторонамъ ея. Крѣпость на лѣвомъ берегу. Домъ генераль-губернатора, всѣ лучшія зданія на правомъ берегу. Здѣсь Омъ впадаетъ въ Иртышъ, такъ что городъ стоитъ и на Иртышѣ, но я не былъ на этомъ мѣстѣ. Большой городъ, до 20,000 жителей. Главныя и лучшія постройки казенныя. Домъ генераль-губернатора походить на дворецъ, стоитъ самъ по себѣ среди площади, имѣетъ садъ и окруженъ оградой и стѣною. Средина его возвышена еще на этажъ (кажется, домъ трехъ-этажный).

Кромѣ военныхъ, дѣйствительно служащихъ, городъ заселенъ военными же, вышедшими изъ службы. Военное и центральное граж-

давское управленіе привлекаетъ сюда образованіе, гражданственность, богатство.

Омскъ есть Сибирская и единственная крѣпость. Она поставлена на прежней границѣ Сибири къ Югу. Нынѣ Россія выдвинулась въ этомъ мѣстѣ далеко на Югъ (до тысячи верстъ). Крѣпость упраздняютъ, либо уже упразднили.

Окрестность города унылая: равнина и степь безлѣсная.

И удаленіе города отъ Россіи, и безлюдность степи навѣваютъ тоже уныніе при всемъ блескѣ военныхъ мундировъ.

Въ это время, когда я здѣсь былъ, была удушливая сѣдая мгла и жаръ. Солнца не видно, хотя небо безъ облаговъ. Тяжелое уныніе!

VI. Отъ Омска до Тобольска.

Послѣ хорошаго обѣда, добродушнаго усердія и благожеланій, я отправился въ дальнѣйшій путь.

Александръ Ивановичъ провожалъ меня всѣмъ городомъ и за городъ.

Я имѣлъ неосторожность сѣсть на его линейку (чтобъ лучше видѣть городъ). Впереди ѣхала наша повозка. Ямщики, особенно Сибирскіе, имѣютъ какое-то дикое наслажденіе ѣхать въ селеніяхъ отчаяннымъ азартомъ. И нашъ ямщикъ бросился опрометью. Наша лошадь должна была нагонять; мнѣ держаться не за что, упереться не во что, боюсь быть вышибеннымъ. Это лишило меня удовольствія полюбоваться городомъ: ежеминутно опасаясь бѣды, читалъ молитвы

Мы ѣхали городомъ по крайней мѣрѣ четыре версты, потому что огибали рѣку Омь, по этой и по той сторонѣ для того, чтобъ переѣхать ее по мосту.

За городомъ я простился съ о. Александромъ, сѣлъ въ свою повозку при страшной мглѣ, похожей на осенніе сумерки. Ни города, ни окрестности не видно и на версту. Поѣхали. Мѣстность ровная, дорога хорошая. Ямщикъ завизжалъ, началъ икать всѣмъ чревомъ своимъ, какъ уязвленный вепрь; мы помчались. 27 верстъ мы ѣхали 1³/₄ часа.

1 станція *Кумачинская*—деревня. Нѣтъ и писаря. Ѣдемъ далѣе.

2 станція *Красноярская*, на берегу великой рѣки *Иртыша*. Селеніе названо такъ, конечно, отъ красныхъ береговъ рѣки. Такъ точно и *Красноярскъ* городъ, откуда я ѣду, названъ отъ блѣдно-красныхъ скалъ песчанаго камня, окружающихъ Красноярскъ.

Яромъ Русскіе называютъ крутизну и наипаче берега.

Женщина принесла въ полоскательной чашкѣ земляники. Я покушалъ половину, остальное отдалъ ей же. Спросилъ: сколько стоитъ? «8 копѣекъ». Я далъ ей 20. Рада и благодаритъ. У нея есть дѣти.

Берега Иртыша въ этомъ мѣстѣ съ обѣихъ сторонъ умѣренные, голые, земляные, т. е. не каменные. Иртышъ гораздо уже Оби, меньше версты. Намъ сказали: «рѣка сильно упала отъ засухъ». Вода мутная, какъ и въ Оби. Перевозъ хорошій, просторный, чистый, благонадежный. Перевозчики ребята бравые и веселые.

Есть островъ влѣво отъ насъ, ближе къ тому берегу.

Иртышъ не имѣетъ камня. Примѣчательно: по крайней мѣрѣ, ни здѣсь, ни въ Тобольскѣ, въ Иртышѣ нѣтъ ни камушка.

Рѣка течетъ тихо. Разливается и выходитъ изъ береговъ весною.

(Нашъ Енисей никогда не выходитъ изъ береговъ, потому что мчится быстро).

3 станція *Сулловская*. Приѣхали въ 9 часовъ. Ночуемъ. Мгла наводитъ уныніе, даже пугаетъ: не задохнуться бы. Страшная засуха. Все погорѣло или остановилось въ ростѣ и развитіи. Жалостное зрѣлище.

Постройки опять пошли березовыя. Видно, Иртышъ течетъ вверхъ по голымъ Киргизскимъ степямъ.

27 Юня Субботи. Полтавская побѣда.

Просыпаясь пою: «Хвалите Его вси ангелы Его, хвалите Его вся силы Его: тебѣ подобаетъ пѣснь Богу!» Перекрестился и возблагодарилъ Бога. Пока запрягаютъ лошадей и укладываются, я, оставаясь празднымъ, обыкновенно читаю Новый Заветъ, Псалтирь. Ту и другую книгу я почти прочиталъ, а Псалтирь, кажется, трижды. Слава Тебѣ, Господи! Симъ я удалялъ скуку, отгонялъ уныніе и наполнялъ душу высокими и святыми чувствами. Миѣ, болѣзненному и грѣшному, сіе нужно, нужно!

Плачетъ дитя у хозяйки. Ѣдемъ!

1 станція *Бекишево*—село, дома березовые. Мгла. Свѣжо. Поддѣваю фуфайку. Гнилая изба, гдѣ станція. Догналъ какой-то проѣзжающій. Ѣдучи видѣлъ на телеграфныхъ столбахъ двухъ орленковъ; глядятъ на насъ, не поднялись.

2 станція *Андронкино*. Опять Ѣдемъ съ проѣзжающимъ. Скучаю. Лишены свободы выйти, остановиться. Пауты тучами садятся на лошадей и насъ беспокоятъ; отмахиваемся вѣничками изъ травы и прутьевъ. У меня дѣлается помраченіе въ глазахъ и круженіе. Зажмурюсь—пройдетъ.

3 станція, городъ заштатный *Тюкаминскъ* (въ народѣ зовутъ *Тюкалѣ*). Станція 26 верстъ. Ямщикъ въ доскутьяхъ, но грубіанъ. По дорогѣ не ѣхалъ, а боками, иногда такъ далеко, что и не видно тракта.

Я ему замѣтилъ это и требовалъ держаться ближе къ дорогѣ: огрызается нахально и обидно. Я замолчалъ. Либо пьяница, либо раскольникъ (подумалъ я).

Есть лѣсокъ: благоухаетъ. Видѣли въ боку озеро. И самъ Тюкалинскъ на берегу хорошаго озера (налѣво отъ Сибири); поперекъ города протекаетъ порядочная рѣчка. Но мы увидѣли пепелище города, а не его самага. Три четверти его, самая середина, самое лучшее и центральное, выгорѣло до тла. Стоять отъ трехъ до пяти двухъ-этажныхъ каменныхъ домовъ, безобразные остовы, и торчатъ трубы на черномъ пепелищѣ.

Хотя заштатный, но былъ порядочный городъ. Двѣ церкви, деревянная и каменная, на разстояніи полуторы версты. Первая сгорѣла, другая осталась, хотя лѣвая линія улицы, на коей съ правой стороны церковь, сгорѣла насквозь и правая выгорѣла же до самой церкви, такъ что церковь, оставшись сама невредимою, одѣлалась щитомъ и того, что осталось за нею.

Городъ сгорѣлъ въ Вознесеніе Господне, 21 Мая, въ 1 часу дня. Причины пожара не знаютъ. Пало подозрѣніе на крестьянина, у котораго зады дома предъ тѣмъ загорались дважды, но были потушены. Повидимому и третій пожаръ, уничтожившій городъ, начался отъ этого же дома. Крестьянина подвергли слѣдствію и судятъ, но послѣдствія неизвѣстны (по крайней мѣрѣ, тѣмъ, съ кѣмъ я говорилъ на станціи). Терпѣливый, подавленный, робкій, Русскій людъ. Не смѣютъ и роптать, жаловаться на свое разореніе: боятся, не пострадать бы и за это. Я, съ моихъ соображеній, не сомнѣваюсь, что Тюкалинскъ сожженъ намѣренно злодѣями, не злодѣями Тюкалинска, а—Россіи.

а) Загорѣлись зады: какому тамъ быть огню? б) лѣтомъ и въ полдень, что тамъ дѣлать съ огнемъ? в) домишко выбранъ утлый, деревянный, съ края города; явно съ расчетомъ сдѣлать его зажигателемъ города; г) зажженъ домишко: аа) въ бурю, бб) по вѣтру, т. е. съ той стороны, откуда шель вѣтеръ на городъ и наперекось, т. е., чтобы не полосу города, а весь его выжечь.

Таковы по моему мнѣнію девять десятыхъ пожаровъ въ Россіи. Злодѣи ея имѣютъ адское злорадство терзать Россію, не смѣя спл помѣриться съ нею въ открытой схваткѣ и завидуя ея благоденствію и славѣ, а также досадуя за помѣхи, которыя ставитъ Россія Европѣ, злодѣямъ челоѣчества, развратителямъ ея. Папа Римскій и его лучший слуга Полякъ: вотъ, по моему мнѣнію, зажигатели селеній и городовъ Россіи.

Не сѣтую на Русскія начальства: скрытаго и полудомашняго врага можно ли услѣдить? Тотъ, кто дѣйствительно зажегъ городъ, можетъ

быть Русскій пьяница и доскутнѣвъ, котораго нанять на это злодѣйское дѣло, можетъ быть, стоитъ одного полштофа водки. Ихъ иногда хватаютъ на мѣстѣ преступленія, судятъ, разстрѣливаютъ; но это ничтожное орудіе, казнь ему, злодѣянію не только не прекращается, но не дѣлаетъ и угрозы злодѣянію. Доскутвиковъ всегда можно найти и купить за гривну. Иногда зажигатели подманываютъ дѣтей лѣтъ семи и мевѣе, даютъ имъ игрушку, да еще зажигательный составъ, который учатъ бросить въ лучшемъ зажигательномъ мѣстѣ. Хватаютъ и дѣтей; во что съ ними дѣлать?

Однако, во всякомъ случаѣ, гдѣ случился опустошительный пожаръ, непременно долженъ быть агентъ Европейскихъ злодѣевъ разумный, образованный. Ему не мѣшаетъ быть и порядочнымъ чиновникомъ въ этомъ мѣстѣ. Вы его узнаете по его усиленнымъ ахавьямъ и воздыханіямъ о несчастіи, иногда и на пожарѣ увидите его самымъ озабоченнымъ. Или же, о Боже! Неужели я столь несмысленъ и золь, что смѣю возносить толикія клеветы на невинныхъ?! Или же, ужели только въ сіи наши времена, съ тридцатыхъ годовъ, мы, Русскіе, годъ отъ года становимся безпечвѣе, безразсуднѣе и глупѣе, что жжемъ и палимъ ваши селенія и города безъ пощадѣнія, усиливая это погубленіе со дня на день?

Бывало, пожаръ большого города—вѣковая рѣдкость; нынѣ пьлаютъ города, даже и столицы, почти каждый мѣсяць. Сколько городовъ выгорѣло до тла въ послѣднія десять лѣтъ? Ужели все неосторожности?

На станціи я похлебаль ухи изъ карасей, поѣлъ своего балыка. Сытъ. Ёдемъ.

4 станція *Колманово*. Жарко. Мгла рѣдѣетъ. Появилась кобылка (Сибирская саравча). На этой станціи я ночеваль въ Декабрѣ 1861 года, въ страшную зимнюю бурю.

5 станція *Крутая*—село. Каменная церковь, огромный куполъ, т. е. вся церковь подъ куполомъ. Видѣли два озера, послѣднее подъ селомъ. Засуха. Кобылка. Пауты. Въ кустахъ муравьи; трава колючая, и подъ вею тоже муравьи. (Нельзя сорвать вѣтки: осыплотъ муравьи).

6 станція *Орлова*. Несносный жаръ. Тучи паутовъ, безпрестанно отмахиваемся. Лошади облѣплены ими и выются тучами надъ ними (надъ лошадьми). Сами лошади стараются бѣжать скорѣе, чтобъ стряхнуть съ себя эту кровопійную гнусь.

Засуха. Все помертвѣло. Въ народѣ уныніе, воздухъ одною свѣжѣетъ, просвѣтляется. Здѣсь ночуемъ.

28-е число Июня. Воскресеніе. Св. Киръ и Иоанна безсребрениковъ. Сергія и Германа Валаамскихъ.

Безпокоили мухи. Убралъ съѣстное, отворилъ окно, уgomонились. Я уснулъ. Во снѣ: «Архіерей, старшій меня, привелъ меня, съ другими, къ какому-то вельможѣ на обѣдъ. Я рекомендую ему: «Епископъ Никодимъ, бывшій Красноярскій, уволенный на покой. Ёду въ Москву, въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей».

Пасмурно. Свѣжо, но сухо. Ёдемъ.

1 станція *Камышенское*—село. Недаромъ названіе: вездѣ камышъ, даже и на сухомъ мѣстѣ. Мы камышами отмахивались и отъ паутовъ, страшно нападающихъ. Даже ѣхалъ мучительно. Какія же муки терпятъ отъ нихъ люди, жители и скотъ? Немногіе лѣсочки березовые выжжены (впрочемъ не въ нынѣшнемъ году). Стоять обгорѣлыя тычинки. Скоро здѣсь совсѣмъ нельзя будетъ жить. Домишки и вся хилая постройка березовая. Мѣстность голая. Жесткій бурьянъ полузасохшій ковыляется.

На дорогѣ вамъ попался табунъ лошадей, прорвавшійся за полевые ворота. Табунъ бѣжитъ намъ по пути, по дорогѣ, обрѣзанной глубокими канавами; дорога узкая (меньше десяти сажень). Надобно обогнать, но это нелегко; мучились верстъ пять и страшно запылены.

Тутъ же мы увидѣли двухъ мужиковъ на дорогѣ, въ лоскутьяхъ. Я слѣзъ. Спрашиваю. Говорятъ: «Мы погорѣли, выгорѣла вся деревня. Загорѣлось *въ задахъ!* Не вѣдомо отчего». Я далъ имъ немного. (Выжидаютъ очерченную мѣстность).

Пріѣхавши уже въ Москву, въ Перерву, я прочиталъ въ газетахъ о истребленіи пожаромъ города Петропавловска почти до тла и еще нѣсколько большихъ ярмарочныхъ селеній. Это все сосѣди Тюкалинску; не ясно ли систематическое злодѣяніе?

2 станція *Абацкое* село. Я думаю: *Абацкое*, отъ Аббатъ. Католическое и церковь, во имя Петра и Павла (папы Римскаго). Большое, торговое. На рѣкѣ *Ишимъ*. Чрезъ рѣку хорошій почти городской мостъ, но есть и паромы. Въ селѣ ярмарка, сосредоточенная наипаче около церквей (ихъ двѣ), но и расходящаяся по улицамъ села и по обоимъ берегамъ рѣки Шима.

Станція близъ церквп. Я здѣсь остановился пообѣдать. Церковь растворена (11 часовъ). Служать, или просто молятся богомольцы. Завтра храмовой праздникъ. Священники у меня не были.

Одна церковь деревянная, ветхая, другая каменная, еще недостроена. Рисунокъ, какъ въ селѣ Крутомъ. Преогромный куполь, равный всему корпусу церквп.

Я посмотрѣлъ на Сибирскую ярмарку. Тутъ Татары главные и богатѣйшіе, смѣлые, тучные, важные, богато одѣтые. Киргизы крѣпкій, оливковаго цвѣта человѣкъ; Русскій, послѣдній, хилый, оборванный, робкій. Здѣсь женщина - полумужикъ, запрягаетъ, распрягаетъ, кладетъ на возъ, складываетъ съ него, стоитъ у товара, продаетъ; взглядъ смѣлый, походка мужественная, одѣта цѣломудренно, на лицѣ смѣлость, но и простота, безъ наглости: сущая, кровная природа, безъ баловства, жеманствъ, лукавыхъ взглядовъ. Желалъ бы, чтобъ такихъ женщинъ посмотрѣли дамы и мадамы городовъ, привилегированныя, избалованныя, фальшивыя, выдохнувшіяся.

Тутъ я видѣлъ цѣлыя возы сушеныхъ карасей, навязанныхъ на тычинку. Я купилъ было съ сотню ихъ (меньше 50 коп.), чтобъ привезть въ Москву—показать; бросилъ въ перекладываньяхъ на пароходъ.

Мужикъ, Иванъ Ѳедоровъ Чигиревъ, изъ сосѣдняго села Челмонова, лѣтъ 45, женился во второй разъ на дѣвицѣ. Она пожила съ нимъ восемь недѣль и бѣжала въ домъ родителей. Прошло три года; она не возвращается, не смотря на его просьбы. Крестьянинъ подалъ о семъ прошеніе преосвященному, отвѣта нѣтъ. Просилъ меня крестьянинъ ходатайствовать за него (я это сдѣлалъ въ письмѣ изъ Тюмени).

Я говорилъ мужику: «Вѣроятно, ты жестоко обходился съ твоею молодою женою». Онъ задумался. Мужики иногда сущіе злодѣи и тираны своихъ женъ, но видно и женщины сильно уязвляютъ мужика. Не всѣ же мужики тираны: есть супружества, достойныя всякаго уваженія.

Село Абацкое есть пунктъ раздѣла тракта на двѣ стороны: а) налѣво, на Западъ, трактъ на Ишимъ, Ялуторовскъ и Тюмень; б) прямо, на Сѣверъ—въ Тобольскъ. Первый, настоящій Сибирскій трактъ; второй, только на Тобольскъ и до Тюмени, дѣлаетъ лишнихъ почти двѣсти верстъ. Я рѣшилъ, однако (еще въ Красноярскѣ) ѣхать на Тобольскъ: а) спѣшить въ Москву мнѣ нѣтъ надобности; б) въ Тобольскѣ я не былъ и тогда, когда ѣхалъ изъ Казани въ Красноярскъ, въ 1861 году въ Декабрѣ; в) Тобольскъ, есть какъ бы столица Сибири, по крайней мѣрѣ такимъ онъ былъ прежде, и архіерейская кафедра, митрополичья и епископская. Довнынъ архіерей здѣшній имѣетъ титулъ «Тобольскій и Сибирскій». Больше ста лѣтъ вся Сибирь имѣла точно одного архіерея въ Тобольскѣ.

3 станція село *Челмоково*. Ёдемъ на Тобольскъ. Дорога уже и хуже. Мостишки крестьянскіе, утлые, безъ надзора. Станція огромная, 32 версты. Везъ грубіяны. Встрѣтили два озера: а) полторы версты, б) пять верстъ. Озера мелкія, наполовину поросшія камышами. Кажется, высыхаютъ. Передъ селомъ рѣка, мостъ.купаются. Вѣтеръ, мгла. Засуха. Хлѣбъ тонкій, рѣдкій, малорослый. Стали попадаться березовыя ро-

щпы. На станціи полъ, крыльце, вымыты такъ чисто, будто новые. (Это для праздника Апостоловъ, который разстилается по всей Сибири; думаю, принесли Поляки).

4 станція *Малахово*, деревня (звучить Польшею). Спускаясь въ полдень съ горы къ рѣкѣ Ишимъ, мы встрѣтили страшную мглу, но въ три часа она разсѣялась, и воздухъ сталъ чистый. Я перекрестился и возблагодарилъ Бога, увидѣвъ чистый свѣтъ Божій. Но засуха и засуха.

5 станція *Голонупово* (я думаю *Голонупово*, слово, которое нынѣ стыдно произнести) село. Церковь деревянная, немудрая. Отличный станціонный домъ, но было только 7 часовъ, почевать рано: поѣхали дальше. Ёхали разрѣженнымъ березовымъ лѣсочкомъ, больше мелкимъ: останки и отпрыски отъ сожженного лѣса. Вдали видѣются рощицы, стоятъ опаленные остовы березъ. Мѣсто низменное, полуболотистое, ровное; на протяженіи этого проѣзда былъ сегодня дождь (Вотъ причина исчезновенія мглы). Стоять на дорогѣ лужицы.

6 станція *Чистяковская*, длинная, 30 верстъ. Пріѣхали въ 10 часовъ вечера. Ночуемъ.

29-е число Іюня. Понедѣльникъ. Апостоловъ Петра и Павла.

Вчера легъ спать безъ ужина. Не было хозяевъ дома. Выпилъ стаканъ воды, разбавивъ бѣлымъ виномъ, съ тѣмъ и уснулъ. Спалъ мирно. Во снѣ: «Мнѣ, съ нѣсколькими другими, поручено принести откуда-то въ церковь святые вещи, торжественно. Мы пошли, взяли вещи, несемъ. Я почти послѣдній и отсталъ. Когда я поравнялся противъ царскихъ дверей, служацій въ это время читалъ поминованіе христіанъ на великомъ выходѣ. Мнѣ пришлось слышать: «Во царствіи Твоемъ»... Проснувшись перекрестился, прося Господа помянуть меня во царствіи Своемъ. Подумалъ: «Это есть предвареніе близкой кончины моей». День ясный. 6 часовъ. Ёдемъ.

1 станціи *Кусярская*—деревня. Переѣздъ 30 верстъ. Ёхали дурно, лѣживо и вяло. Дорога предурная. Дня за три былъ дождь, но уже не воскреситъ погорѣвшихъ посѣвовъ: тощи, низки, рѣдки, или подавлены крупною дикою травою, полу-сухою, колючею. Лѣсу довольно, но весь обожженъ, стоятъ обугленные тычины, немного зеленого.

Видѣли двухъ журавлей, прохаживаются по окраинѣ лѣса, по травѣ. Огромный орелъ сидѣлъ на сухой березѣ.

На станціи вышла ко мнѣ старуха-хозяйка и не кивнула. Тотчасъ сѣла и заговорила о житьѣ-бытьѣ. (Я подумалъ, раскольница). Повелъ и я тихо рѣчь съ нею, не давая ей замѣтить ея спѣси предо мною или глупости. Она сказала, что на нашемъ переѣздѣ, направо

и налѣво, есть до 50 озеръ! Какое озерное мѣсто! Это все еще Бараба, но кончается. Мѣстность готовится къ перемѣнѣ.

2 станція *Балеклейская*—Татарскій аулъ. Начался красный лѣсъ, высокій, густой. Одна сторона выжжена, другая зеленая; я крестился отъ радости. Воздухъ свѣжѣе. Переѣхали двѣ рѣчки, небольшія. Здѣсь пьемъ чай (11 часовъ). Здѣсь отдыхаетъ проѣзжающій изъ Тобольска воинскій начальникъ. Жена его въ мужскомъ одѣяніи. (Видѣлъ Ѳедоръ, а не я. Мнѣ она, конечно, совѣстилась показаться въ этомъ костюмѣ; потому же, вѣроятно, не показался мнѣ и мужъ. Они сидѣли молча въ другой комнатѣ, какъ два таракана въ щели. Такъ-то матушка—совѣсть, ни запьешь, ни зашь; она кричитъ). Здѣсь же мнѣ жаловался Русскій крестьянинъ, Иванъ Ильичъ Сухихъ, житель этого улуса, на Татаръ, которые его избили безчеловѣчно на полосахъ поствѣа. Крестьянинъ точно избить тяжело: пищитъ какъ цыпленокъ. Я сказалъ (на улицѣ) Татарамъ: «За что вы избили Русскаго сосѣда вашего такъ безчеловѣчно?» — «А онъ зачѣмъ поселился между нами? Это наша земля. Пускай бы шелъ къ своимъ Русскимъ». Бѣдный Русскій! Онъ и дома чужой. Хотя и то сказать должно, что неблагоразумно одинъ Русскій поселился между Татарамъ.

И здѣсь Татары бравый народъ; одинъ другого бравѣе. Смѣлый, живой, рьяный и одѣтъ лучше Русскаго. Улусъ строенъ не въ линію, но дома одинъ другого лучше, и улица чиста, какъ гумно, даже и ограда для домашняго обзаведенія.

У женщинъ дурная походка. Безпоясые и мужчины, и женщины.

(Жалобу крестьянина я передалъ въ запискѣ преосвященному Тобольскому пѣз Тюмени).

Дорога хуже и хуже. Мелкіе бѣлоглинистые пески, подъ ними рѣшетникъ, полусогнившій съ промежутками. Прыгаютъ и толкаются колеса: трясеніе несносное, а ѣзда медленная.

Лѣса у Татаръ сохранились лучше. Есть широкія полосы зеленѣющаго, густого, нетронутаго (можетъ быть, никогда) пѣлами лѣса.

А однако впереди насъ вьются клубы бѣлаго дыма: пылаетъ лѣсъ, на треть горизонта. (Пріѣхавши въ Тобольскъ, мы узнали, что это палы еще далѣе Тобольска верстъ сто. Слѣдовательно мы ихъ видѣли почти за двѣсти верстъ).

3 станція *Истянская*, деревня, либо улусъ. Рѣка Вагай (или Вагой). Тутъ по обоимъ берегамъ бѣлый (съ прожелтью) песокъ, чистый, мелкій. Мнѣ понравился, я набралъ его (привезъ сюда въ Перерву, 30 Октября 1870 года). Немного уступаетъ въ бѣлизнѣ, мелкости и чистотѣ Кіевскому (который тоже ведется у меня съ 1841 года).

На рѣкѣ мельница хорошаго Русскаго устройства (въ Сибири—уродливыя, безобразныя, неудобныя и очень маленькія мельницы).

Здѣсь водворился поселенецъ, кажется изъ привилегированнаго сословія, женился и принялся за хозяйство: мельница его, и домъ у него городской.

Спускъ къ рѣкѣ и подъемъ высоки и крутыя. Я шель пѣшій и едва вытянулъ.

Здѣсь я привѣтствовалъ впервые можжевельникъ, котораго нѣтъ въ Сибири. Пошли опять сосны. Увидѣлъ липу (ее нѣтъ въ Сибири). Обоняю Русь и радъ какъ ребенокъ!

4 станція *Дресвянская*—деревня. Переѣздъ 31 верста. Боръ и песокъ и подмости. Измученъ. Ямщикъ Татаринъ, лукавый и лѣнивый. Ѣдемъ утомительно-тихо.

5 станція *Коптилово*, кажется, деревня. Переѣздъ 34 версты. Ѣзда тихая. Дорога предурная, почти безъ падзора. Ѣдемъ лѣсами. Хорошіе, крупныя, смѣсь краснаго съ лиственнымъ. Есть полосы обгорѣлаго лѣса, но цѣлаго лѣсу гораздо болѣе.

Мы ѣдемъ въ виду рѣки Вагоя. Тихая, подъ сѣнію бора. Берега—черноземъ и пески мягкіе. Нѣтъ ни камушка.

Проѣхали село. Видѣли на крыльцѣ церкви духовенство. Подошелъ священникъ Алексѣй Силинъ, четыре года кончившій курсъ, вѣжливый и разумный. Церковь деревянная недавно обшита тесомъ и покрашена, видъ новый. Пріятно видѣть въ молодомъ священникѣ озабоченность. И себѣ онъ строитъ хорошій домъ, а теперь пока живетъ въ дурной избѣ, гнилой. Звалъ къ себѣ на чай. Я отказался за хлостію ногъ и за позднимъ временемъ.

Лиственницы въ лѣсахъ уже нѣтъ, она кончилась еще въ Томской губерніи. Здѣсь ночуемъ.

30 число Іюня. Вторникъ. Дванадцати Апостолъ.

Вчера мнѣ въ ужинъ дали молока съ ягодами и два яйца смяткою. Спалъ тихо.

Просыпаясь, читаю: «Азъ есмь червь, а не человѣкъ». Всталъ, перекрестился, помолился. Чувствую себя порядочно.

На улицѣ свѣжо. Ѣдемъ.

1 станція *Старопогостинская*—деревня. Мѣстность красивая. Огромное (версть 7 въ діаметръ) болото, почти высохшее. Его огибають дугою высокій берегъ и по немъ на большихъ разстояніяхъ до полдюжины деревень. Вдали видѣется зеркало озера. Еще дальше, направо, параллельно, высокій хребетъ: это берегъ величественной рѣки Иртышъ. (Такъ я обычно любовался въ Енисейской губерніи

хребтами горъ, конми означалось ложе Енисея, Чулыма и другихъ большихъ рѣкъ). На этомъ дугообразномъ хребтѣ, въ числѣ первыхъ деревьевъ, и наша станція.

Церкви нѣтъ, и далѣе въ деревняхъ невидно. Вѣроятно, тутъ раскольники. Названіе станціи показываетъ, что тутъ была церковь (*погостъ* есть кладбище, которое въ старину всегда бывало при церкви).

Въ деревнѣ, на пути, въ бору, переправляемся чрезъ рѣку *Ашлыкъ* на паромѣ. Впереди хорошая мельница, а на берегу хорошій двухъэтажный домъ.

Воздухъ чистый и свѣжій. Я чувствую себя въ пріятномъ расположеніи.

Пѣлы есть и здѣсь. Курится боръ, даже самый огонь мы видѣли. Но все же здѣсь горѣлаго лѣсу несравненно меньше, и зеленѣющіе лѣса пріятно утѣшаютъ. Лѣса здѣсь густые, густѣйшіе (въ Сибири рѣдкіе), зелень могучая, а не тощая, дремлющая, хилая, корявая, полусухая, умирающая, колючая (какъ въ Сибири).

Дорога: пески же и гати мучительныя. Мостишки предурные, дѣлаемы мужицки, безъ званія. Въѣзжая на мостишки, непременно получишь страшный толчекъ, равно и съѣзжая ткнешься внизъ. Сибирскіе мосты (особенно Енисейской губерніи) превосходные: неслышно, какъ въѣдешь и съѣдешь съ моста.

2 станція *Бакшеево*—деревня. Здѣсь все, кажется, раскольники. Нѣтъ церквей.

Встрѣтились кедръ, сіп цари деревъ. Сосны передъ нами, какъ цыплята передъ маткою. Густые, многовѣтвистые, темнозеленые. И сукъ, какъ бревно. Я слѣзалъ, чтобъ полюбоваться ими. Земля бѣлая. Хлѣбъ тощій, особенно яровой, никуда не годится, едва выглядываетъ изъ земли и хилый. Здѣсь навозятъ (въ Сибири не знаютъ этого), собираютъ даже соръ съ улицъ.

Болотистая рѣчка въ логовищѣ широкихъ болотъ.

Подъѣзжаемъ къ Иртышу. Деревни по краямъ и берегамъ не большія, но ихъ много: видно довольство (кажется, раскольники).

Въ концѣ этой полустанціи (она раздѣлена на двѣ), мы опять переправлялись чрезъ Иртышъ, на правый его берегъ. Лѣвый берегъ визменный, а правый высокій, обрывистый, но земляной (нѣтъ ни камушка, даже и въ рѣкѣ). Вода въ Иртышѣ мутная глинисто-желтая, впрочемъ мягкая и пріятная на вкусъ.

Тотчасъ, по переѣздѣ рѣки, Абалацкій монастырь. Западъ его смотритъ на Иртышъ. У самой западной стѣны монастыря трактъ, а за нимъ страшная пропасть, отвѣсный берегъ надъ Иртышемъ.

Монастырю грозитъ разрушеніе: берегъ подмывается. Уже и теперь есть провалы, защищаемые широкою работою для возможности держать здѣсь трактъ. Но зрѣлище отъ воротъ монастыря на Иртышъ направо и налѣво, и чрезъ него въ даль, рѣдкое.

Я былъ въ монастырѣ. Хорошій, немалый, хорошо обстроенный, весь каменный, опрятно содержимый. Двѣ особыя церкви: 1) Знаменія Божіей Матери, Абадацкой, огромная, свѣтлая, круглая, два ряда оконъ. Иконостасъ древній, Московскій, въ вѣскольکو рядовъ. Здѣсь я попросилъ эпитрахиль и предъ образомъ Знаменія Божіей Матери (я родился при храмѣ Ея имени) прочиталъ акаѳистъ Божіей Матери (Послѣдованной Псалтири), проплакавъ сладко (со мной былъ лишь послушникъ) 2) церковь теплая, въ трехъ престолахъ: а) Пресвятая Троицы; б) Вознесенія Господня; в) Николая Чудотворца. И эта церковь обширная; она новѣе.

Мы подѣхали къ монастырю и вошли въ него часа въ три. Мертвая тишина. Я послалъ Федора поискать живого человѣка. Иди куда хочешь, келіи расперты, иидѣ спать. Такъ мы, монахи, просты и благонадежны: почитаемъ цѣлый свѣтъ своими братьями.

Къ концу акаѳиста, мною читаннаго, пришли архимандритъ и еще два-три старца. Епитимійный священникъ. Архимандритъ Антовій, уже старецъ, почтеннаго вида.

Я внесъ три рубля на братію и въ церковь.

Былъ страшный вѣтеръ, такъ и рветъ; по площади монастыря безпокойно ходить. Я думаю, это у нихъ всегда. Монастырь на высокомъ берегу, обрывистомъ, надъ огромною рѣкою, совершенно открытый. Въ этомъ монастырѣ читается икона Божіей Матери Знаменія. Ее привезъ изъ Новгорода первый митрополитъ Тобольскій всей Сибири Корнилій. При первомъ завоеваніи Сибири (при царѣ Феодорѣ или Борисѣ) Корнилій Новгородскій пріѣхалъ со своею святынею. Онъ, или другой преосвященный послѣ него, водворилъ сію икону здѣсь въ монастырѣ, не знаю; только монастырь согражденъ для сей иконы. Ее чтитъ вся Сибирь. Ее чтутъ чудотворною. Она совершенное подобіе Новгородской. (Я это знаю). Названа еще эта икона, а съ нею и монастырь *Абадацкимъ*, не знаю почему. Мѣстность открытая и ровная.

Отъ Тобольска счптаютъ 17 верстъ. (Гуть гдѣ-то перемѣна лошадей, полустаяція, называющаяся *Соленая*. Мы перемѣнили лошадей).

За десять верстъ отъ Тобольска мы встрѣтили страшные мнговѣтвистые провалы. Спускъ нашъ ко дну ихъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ на пути нашемъ и великолѣпныхъ. Маленькая рѣчка разрѣзываетъ и разрѣдаетъ эти щели, имѣя вблизи Иртышъ, въ который впадаетъ, раскалывая обрывистый хребетъ его берега, состоящій изъ

мягкой глины. На полуднѣ этого дикаго оврага, на той сторонѣ рѣчки, на косвенной площадкѣ построенъ хорошій женскій монастырь во имя Іоанна Предтечи и называемый *Межигорскій* (по подражанію такому же Кіевскому). Когда мы поравнялись съ симъ монастыремъ, въ немъ благовѣстили (вѣроятно, къ вечернѣ, 5 часовъ). Я опустилъ въ кружку сбора малую серебряную монету (50 коп.).

Подъѣзжаемъ къ городу, видимъ впереди столбъ страшнаго пожара, пожирающаго лѣса за городомъ. Но еще ближе, надъ самымъ повидимому городомъ, вдругъ поднялись клубы чернаго дыма. У меня замерло сердце. Я подумалъ: не столь ли я несчастенъ, что въѣзжаю въ пылающій городъ? Подъѣхавъ ближе, узнали, что это курятся кирпичные сараи.

Въ городъ въѣздъ ровный (кажется съ Сѣверовостока). Улицы прямыя, высланы досками (камня здѣсь нѣтъ). Скоро въѣхали на обширную площадь, на коей красуется соборъ и еще, кажется, двѣ церкви, и архіерейскій домъ.

Приняты дружелюбно. Насъ давно здѣсь ждутъ. (Я писалъ и есть телеграмма изъ Омска). Насъ встрѣтилъ экономя дома, протоіерей Никита Ѳедоровичъ, вдовый (изъ Муромскихъ). Преосвященный слушалъ вечернюю службу. Преосвященный Варлаамъ принялъ меня дружески, обласкалъ, наговорились досыта, поужинали вмѣстѣ. Мнѣ далъ весь верхъ (3-й этажъ) огромнаго архіерейскаго дома. Помолился. Сладко уснулъ.

VIII. Городъ Тобольскъ.

1-е число Іюля. Серeda. Св. Космы и Даміана.

Архіерейскій домъ въ Тобольскѣ лучшее зданіе въ городѣ, на лучшемъ мѣстѣ. Онъ обнесенъ оградой и съ башнями, въ видѣ монастыря. Площадь огромная. Службы каменныя. Домъ въ три этажа; видно всякому, что это не частный домъ. Въ немъ двѣ церкви: во второмъ этажѣ обширная и какъ бы соборная, въ третьемъ—какъ бы келейная (последняя мнѣ лучше понравилась. Живопись Греческая, на золотѣ, разительная. Идея высокая и смѣлая).

Первый выходъ мой къ литургіи. Преосвященный Варлаамъ пришелъ прежде меня. Вхожу: мнѣ подстилаютъ орлецы. Царскія двери растворены. Преосвященный проситъ, чтобъ я съ амвона благословилъ народъ и указываетъ мнѣ пройти въ алтарь чрезъ царскія двери! Я былъ стѣсненъ и ужасался, пошелъ благоразумнѣе покориться, разсуждая, что я, своимъ смпрвѣемъ и уклончивостію, могъ бы обидѣть преосвященнаго и какъ бы обличить его изъ присвоеніи себѣ веподобающаго.

Служба степенная, пѣвіе пѣвчихъ чинное; есть народъ. По окончаніи службы преосвященный вмѣстѣ съ собою опять повелѣ меня съвозъ царскіе врата. Опять потребовалъ, чтобъ я осѣнилъ народъ съ амвона и потомъ просилъ сдѣлать поученіе. Это меня привело въ замѣшательство. Сочель однако приличіе повиноваться и сказалъ нѣсколько словъ (теперь не помню, о чемъ). Затѣмъ, съ благословенія преосвященнаго, я началъ мое путешествіе по Тобольску.

Сперва каедральный соборъ. Хотя онъ стоитъ на хорошей городской площади, но восточная часть его, а именно весь алтарь его входитъ, во дворъ архіерейскій, и ограда архіерейскаго дома примыкаетъ къ нему съ Юга и Сѣвера. Соборъ Софійскій (ясное подражаніе Новгородскому). Недавно обновленъ, въ лучшемъ видѣ: все свѣжо и сіяетъ. Иконостасъ многоярусный, стѣны расписаны.

Теплый соборъ, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, особенный, построенный внутри архіерейскаго двора, близъ холоднаго. Либо вовсе вновь построенъ, либо перестроенъ съ значительнымъ расширеніемъ направо и налѣво, преосвященнымъ Евлампіемъ. (Царство ему небесное! Многострадальный, искушенный). И эта церковь возобновлена въ самомъ удовлетворительномъ видѣ: характеръ чисто - Греческій, ничего новаго.

Изъ собора пошли въ ризницу. Она въ колокольнѣ. Входъ очень неудобный и высоко. Удивила меня ризница. Есть вещи бриллиантовые, какихъ я не видалъ даже въ Москвѣ и лаврахъ, напримѣръ, панagia, вся бриллиантовая, самыхъ крупныхъ зеренъ. Много древнихъ крестовъ, митръ, сосудовъ, облачений, посоховъ. Хранится посохъ, врученный первому святителю Сибирскому Корнилію патріархомъ Флаплетомъ: вещь, однакоже по стоимости въ настоящее время мало-цѣнная.

Хранятся съ десятокъ подлинныхъ древнихъ грамотъ.

Отсюда, по распоряженію преосвященнаго, я поѣхалъ въ Семнарію. Она въ нижнемъ городѣ, среди его, въ хорошемъ Знаменскомъ монастырѣ. Пріѣхалъ. Меня здѣсь уже ждуть, собрались въ парадной залѣ. Я пришелъ. Пропѣли молитву. Тутъ всѣ наставники и часть учениковъ (представительная, кончившіе курсъ).

Было родъ засѣданія. Сидимъ за столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ. Молчатъ, смотрятъ на меня. Ожидаютъ моихъ рѣчей. Я вынужденъ былъ говорить. Старался заводить рѣчи такъ, чтобъ вступить въ разговоръ съ собою по крайней мѣрѣ о ректора и тѣхъ, что близъ меня: отвѣты короткіе. Къ несчастію, о ректорѣ (архимандритъ Дмитрій) петрезвъ. Поговоривши немного, я вышелъ. Пошли въ церковь Знаменія. Она среди монастыря. Хорошая, простая, свѣтлая, стариннаго характера. Поѣхалъ домой.

У преосвященнаго браный обѣдъ: члены Консисторіи и семинарскіе чины. Ректоръ уже довольно нетрезвъ, и видно, что мученикъ своей слабости, жалѣеть и стыдится, какъ красная дѣвица. Члены Консисторіи важные, смѣлые, исполненные опытовъ и знаній. Говорилъ больше преосвященный, но и я вмѣшивался. У преосвященнаго кушанья не пріятны: рыба тяжело солена и имѣеть запахъ, тоже икра и прочія кушанья грубы; не думаю, чтобы любилъ это владыка. Дурная прислуга и экономія помрачаютъ все доброе. При мнѣ экономъ былъ даже тяжело пьявъ, и казначей (завтра придетъ ко мнѣ поутру) до обѣдни, тоже пьяный іеромонахъ. Видно, и у строгихъ архіереевъ безпорядковъ немало.

Отдохнувши, въ 5 часовъ вечера, мы поѣхали вмѣстѣ съ преосвященнымъ:

а, На дачу его, тотчасъ за городомъ (къ Сибири), съ версту отъ города. Немалое мѣсто: роща березовая и лугъ. Небольшой домъ деревянный. Хорошая каменная церковь (ее построилъ преосвященный Владимиръ Алявдинъ и тутъ погребенъ. Искатель, формалистъ, но послѣ сокрушенный и богобоязненный). Здѣсь мы ходили и по рощѣ. Преосвященный указалъ мнѣ дерево, разбитое молніею, кажется, въ нынѣшнемъ году. Ничего въ мѣрѣ даромъ не бываетъ. Преосвященный задумался. И я боюсь, не ему ли это перстъ отъ Бога!

Помолясь въ церкви и погулявши по рощѣ (направо и налево, въ смежности, дачи горожанъ), мы поѣхали на 10-ю версту въ Сибирь обратно, въ женскій Іоанно-Предтечевскій Межигорскій монастырь. Ъхали быстро (ровная дорога). Приѣхали. Насъ ждутъ. Встрѣтили.

Мы пошли сперва въ училище дѣвицъ духовнаго званія. Ихъ побольше двадцати. Начали экзаменъ. Преосвященный предложилъ мнѣ давать вопросы, отвѣчали дѣвицы изрядно по Церковной Исторіи, по Катихизису и по Географіи. Законоучитель священникъ, въ камлавкѣ, среднихъ лѣтъ, степенный и разумный. Игуменья тонкая и наблюдательная. Порядокъ и чистота вездѣ. Она и директриса училища. Дѣвушки веселаго взгляда, слѣдовательно довольны, одѣты прилично. Ихъ кровати, мебель, жилище въ хорошемъ видѣ. Словомъ, училище доброе; побольше бы такихъ!

Съ училищемъ смежно заведеніе бѣлѣнія воска и дѣланія церковныхъ свѣчъ. Симъ дѣломъ занимаются сестры монастыря и молодыя дѣвицы. Свѣчи хороши. Аккуратность и чистота всюду. Дѣло лишь въ началѣ: ожидаются большіе успѣхи, и дай Богъ! Молитва и чистота души трудятся надъ дѣломъ симъ во славу Божию. И здѣсь пріятно было видѣть сестеръ и дѣвицъ, рачительно занятыхъ на указанномъ мѣстѣ, послушныхъ и ревностныхъ. Видно, что онѣ не тяготеютъ за-

нятіемъ симъ, а рады ему. Вотъ что значать благочестіе и добродѣтель! Въ сладость пждиваютъ себя, во славу Божию! (Игуменія изъ Екатеринбургскаго женскаго Ново-Тихвинскаго монастыря, гдѣ дѣланіе свѣчей давнее и укоренилось).

Пошлп въ церковь. Пропѣтъ сестрами стихъ. Преосвященный опять обратился ко мнѣ съ предложеніемъ сказать сестрамъ поученіе. Не готовясь опять къ такому порученію, я произнесъ протяжно: *«Блаженнїи чистїи сердцсмъ, яко тїи Бога узрятъ»*. Преосвященный благодарплъ.

Походили по монастырю, видѣли бѣлѣніе воска, сады, огороды, садикъ отроковицъ училища: весь въ цвѣтахъ (что имъ такъ прилично).

Простились я поѣхали обратно въ Тобольскъ.

2-е число Юля, Четвергъ. Положеніе ризы Богородицы. Ахтырскія Божїя Матери.

Спалъ тихо. Просыпаясь твержу: «Смерти празднуемъ умерщвленіе»... (изъ канона Пасхи). Помолился. Обошелъ комнаты этажа, гдѣ я, и услаждался созерцаніемъ и размышленіемъ въ малой домовой церкви. Какое удобство архіерею спасать свою душу, бесѣдовать молитвенно съ Богомъ, со Ангелами, со Святыми, каяться во грѣхахъ, просить пощады, молиться за паству, за царство, за весь міръ!

Протоіерей Петръ Андрейчъ полюбилъ меня, какъ сына еще въ Красноярскѣ, заочно (у насъ были случаи къ перепискѣ съ нимъ) и мнѣ пророчествовалъ: «Не умру, не увидѣвъ лице ваше». Такъ и случилось. Я желалъ бы утѣшить его вѣнчаніемъ главы его митрою. Преосвященный Варлаамъ говоритъ мнѣ: «Старикъ протоіерей и спитъ и видитъ на головѣ своей митру, твердя: «Не умру, не получивъ митры».

Жалѣю, что преосвященный такого старца и столь достойнаго трактуетъ унизительно, обходится съ нимъ, какъ съ ребенкомъ и подручнымъ. Особенно непрятно: стучить по лбу его рукою довольно чувствительно, лаская. Но это обида! Протоіерей въ камилавкѣ, въ крестахъ, восьмидесятилѣтній, стоитъ предъ архіереемъ, не играя съ нимъ и не для игрушки ему. Такія ласки походятъ на игру кошки съ мышью. Особенно мнѣ жаль было видѣть такое унизительное обращеніе, постороннему: протоіерей стыдился быть подъ пыткой у своего архіерея, особенно при чужомъ.

Мы были на обѣдѣ у протоіерея. Съ нами былъ и вице-губернаторъ Михаилъ Николаичъ Курбановскій (за отсутствіемъ губернатора онъ былъ старшій). Этотъ достойный человекъ сынъ Вятскаго протоіерея, коего важныя судьбы совершались при мнѣ тамо. Михаилъ Николаичъ особенно выразилъ мнѣ свое вниманіе по сему

обстоятельству. Онъ учился въ Казанскомъ университетѣ, и это открыло ему путь къ высокпмъ должностямъ.

О. протоіерей отъ лѣтъ довольно глухъ и слабо видитъ, но вообще тѣлесно бодръ. Онъ забавлялъ насъ, крича во все горло, въ разговорѣ (онъ, конечно, думалъ, что говоритъ умѣренно) и яко старецъ-младенецъ юродствуя въ поступкахъ и движеніяхъ. Онъ вдовъ. Сыновей нѣтъ. Есть дочери, кажется двѣ, обѣ вдовы, одна была за полковникомъ. Онъ живутъ у него. Послѣ обѣда преосвященный и Михаилъ Николаевичъ, съ прочими, проводили меня до Иртыша, до перевоза, и здѣсь мы простились.

О городѣ. Тобольскъ на половину стоитъ на горѣ, и на половину подъ горою. Рѣка Иртышъ въ этомъ мѣстѣ выгибается дугою версты четыре или пять въ діаметрѣ, оставляя низменную и ровную площадь (отчасти болотистую), высокій же хребетъ его такую же дугою выгибается во внутрь мѣстности. Первая половина города и расположена по этому хребту, а вторая по низменности, подъ горою, къ рѣкѣ. Въ первой части: соборъ, архіерейскій домъ, присутственныя мѣста, городской садъ, часть жптельства горожанъ; во-второй, самый городъ, гостивый дворъ, богатые горожане. Тутъ монастырь и много церквей. Сію часть иногда затопляетъ Иртышъ, потому что очень низкое мѣсто. Постройки, наиболѣе каменные, улцы прямыя, спускъ съ верхняго города къ нижнему, великолѣпный, идетъ по дну оврага (конечно, выровненнаго) отлого; направо и налево откосы, горы растутъ постепенно; направо соборъ, архіерейскій домъ, церковь, налево городской садъ. Спускъ тянется съ версту: настилка досками продольно. Тормозили экипажъ.

О преосвященномъ Варлаамѣ. Онъ старше меня. Ему 70 лѣтъ, но бодро держитъ себя, хотя говоритъ уже гугниво (нѣтъ многихъ зубовъ), шагаетъ смѣло и широко, но, кажется, и у него болятъ ноги. Онъ впросѣдъ.

Да продлитъ Господь надъ Россією мплость свою, да сохранится вѣра православная въ ней и церковные порядки въ ней!

Написалъ письмо въ Красноярскъ. (Оно, кажется, затеряно пьянымъ казначеемъ, въ Красноярскѣ не получено).

Былъ у равней (въ 7 часовъ) въ соборѣ, въ лѣвомъ придѣлѣ. Служилъ священникъ, родной братъ игумена Измаила, скончавшагося въ Туруханскомъ монастырѣ и на него очень похожій.

Послѣ литургіи я попросилъ отпѣть краткую литію надъ гробницею святителя Іоанна Максимовича, заѣдомо петлѣнно почивающаго, пѣвца и сказателя на пѣснь: «Богородице Дѣво, радуйся»... Мощи его

съ правой стороны перенесены на лѣвую по нуждѣ, при разборѣ стѣны собора. (Лѣтъ за 40 предъ спмъ).

Сегодня предположенъ браный обѣдъ у кафедральнаго протоіерея, Петра Андрейча Фплицына, старца за 80 лѣтъ, родомъ Москвича, завезеннаго сюда архіепископомъ Антоніемъ Знаменскимъ.

Преосвященный, по возвратѣ моемъ отъ литургіи, зазвалъ меня къ себѣ и далъ два порученія:

Первое. Содѣйствовать въ Москвѣ и Петербургѣ, елко могу, къ награжденію сего кафедральнаго протоіерея митрою, которой онъ, конечно, стоить, послуживши въ священствѣ около шестидесяти лѣтъ и въ томъ числѣ до сорока лѣтъ кафедральнымъ протоіереемъ. Имѣющій два креста бронзовыхъ, за 1812 п за 1854—1856 годы, два золотыхъ наперсныхъ и орденъ Св. Анны 2-й степени.

Второе. Преосвященный составилъ ученую статью, коею занимался много лѣтъ, о исправленіи нашего церковнаго лѣтосчисленія. По мнѣнію п изысканіямъ его якобы выходитъ, что если отъ лѣтъ до Христа отнять 8 лѣтъ, приложенные будто лишь для круглоты цикла, то наше восточное лѣтосчисленіе якобы совпадетъ съ западнымъ. Рукопись сію преосвященный Варлаамъ представилъ въ Синодъ; она ему оттуда возвращена съ криткою, сдѣланною преосвященнымъ Ярославскимъ Ниломъ; преосвященный Варлаамъ на сію критику сдѣлалъ опроверженіе п снова послалъ въ Синодъ, испрашивая разрѣшенія напечатать свой трудъ. Святѣйшій Синодъ отослалъ рукопись п съ приложеніями въ Московскую Духовную Академію, гдѣ она п лежитъ безъ движенія. Преосвященный просилъ меня ходатайствовать о движеніи сего дѣла.

По первому. Я, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, тонко напомнилъ митрополиту Московскому Иннокентію. Я получилъ холодный отказъ со стуженіемъ, какъ дѣло не только невозможное, но и нелѣпое. Однако, въ Сентябрѣ, я о томъ же написалъ Василю Борисовичу Бажанову, духовнику Государеву п члену Святѣйшаго Синода.

По второму. Я тоже писалъ къ ректору Московской Академіи протоіерею Александру Васильевичу Горскому, убѣждая дать разрѣшеніе напечатать статью, увѣряясь, что, если она п можетъ подлежать замѣчаніямъ, то все же не есть ересь опасная, слѣдовательно обнародована быть можетъ, въ утѣшеніе сочинителя, во успокоеніе (ибо онъ доселѣ почтаетъ себя обиженнымъ) п, можетъ быть, для пользы мыслящихъ. Отвѣта не получилъ.

Магистръ 6-го курса Московской Академіи 1828 года. Въ службѣ онъ счастливъ. Около 30 лѣтъ въ архіерейскомъ санѣ. Былъ викаріемъ въ Кіевѣ, въ Пензѣ, въ Архангельскѣ, въ Тобольскѣ. Строгъ, любитель правды, которая пвогда переходитъ въ жесткость.

Слишкомъ близко вникаетъ въ дѣла подчиненныхъ. Это я замѣтилъ и по дѣламъ собора и Консисторіи, п особенно по женскому монастырю. Игуменія у него какъ будто его ключница, а онъ хозяинъ монастыря. Ошибка и тяжкое стѣсненіе подчиненныхъ и случаи къ нанесенію и полученію оскорбленій. Бывши въ Архангельскѣ, онъ сдѣлалъ доносъ на губернатора въ потворствѣ его Англо-Французамъ (въ Крымскую войну). Хотя все возстало на преосвященнаго Варлаама, даже Синодъ (т. е. оберъ-прокуроръ), но губернаторъ не оправдался и, не дождавшись кары, умеръ скоропостижно. Губернаторъ не Русскій. Не хвалю преосвященнаго за то, что проходитъ черезъ царскія двери и неслужа: я этого не видывалъ и не дѣлалъ. Мы святы въ служеніи, а безъ него мы простые богомольцы, какъ и всякій христіанинъ.

Преосвященный Варлаамъ недестно набожный человекъ. Я съ нимъ служилъ немного въ Тулѣ, въ Семинаріи. Онъ былъ ректоръ, я инспекторъ (въ 1833—1834 годахъ). Онъ сынъ протоіерея. Важность, слѣдовательно, ему врожденна, какъ мнѣ, сыну причетника—мизерность.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА *).

ІХ. Отъ Tobольска до Тюмени.

На паромѣ сталъ чиновникъ для проводъ моихъ. Мы заводились съ версту и болѣе вверхъ. На берегу стоитъ фантастическая постройка, приготовленная для встрѣчи Великаго Князя Владимира Александровича, въ прошедшемъ или запрошедшемъ году. Въ этомъ мѣстѣ онъ сошелъ съ парохода. Иртышъ въ этомъ мѣстѣ тоже меньше версты, течетъ трубою, безъ острововъ.

Переплыли благополучно. Ёдемъ. Насъ везетъ Татаринъ хорошо. Долго видимъ Tobольскъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ круглѣе и законченнѣе онъ виденъ: храмы Божіи—главное украшеніе. Архіерейскій домъ, самая середина города. Присутственными мѣстами кончаются хребетъ горы и городъ, налѣво земля бѣлесая, жестокая, толкаетъ. Лѣсокъ кустарный; есть дубы, липы.

1 станція, село *Карчинское*. Деревянная, многоглавая, своеобразная церковь. Рѣка, сказали *Туранъ*; я думаю *Tobоль* (можетъ быть, я не слышалъ).

2 станція, *Кутарбитская*—деревня Татарская. Везъ Татаринъ. Дорога ровная, хотя есть мелкіе овраги. Мосты чуть живы и дурные. Есть лѣсъ, и строевой. По деревнямъ скотина на улицѣ, особенно много овецъ. (Татарское закомство, памятникъ кочевой жизни). Земля тоже глазастая, бѣлесая. Навозятъ. Начали жать. Здѣсь рѣка Tobоль. Ночуемъ.

3 число Іюля. Пятница. Св. Іакинѣа. Анатолія Александрійскаго Филитта митрополита Московскаго. Василія и Константина Ярославскихъ.

Я всталъ, а ребята спятъ. Будить жаль. Помолился. Почиталъ изъ Новаго Завѣта и Псалтири.

1 станція, *Байкаловская*. Домъ станціи, кажется, Татарскій: въ передней стѣнѣ низкія палаты, настилка для спанья.

Надоѣдаютъ ямщики, прося «на водочку, на чаекъ, на калачики». Не денегъ жалѣю, но тягочусь нравственнымъ униженіемъ. Прося по-

---

*) См. выше, стр. 387.

видимому милости, хотять исторгнуть ее. Проѣзжающаго хотять урвать съ собою и ввести въ свой кругъ грязи; заставляютъ мыслить и располагать высокія чувства благотворенія по тому, какъ это имъ кажется приличнымъ и должнымъ. Словомъ, учать, какъ надобно быть щедрымъ и уважительно напоминають намъ чувствіе, нами будто забытое и брошенное, учать быть *нравственнѣе*. И что дать? Пятакъ, плюнуть въ глаза; гривну, сдѣлають гримасу. Двадцать копѣекъ, нелегко: на моемъ пути около 150 станцій. И можно ли всегда имѣть готовый двугривенный? Въ Енисейской губерніи и частію въ Томской, не смѣли у меня просить *на водочку*.

2 станція, *Бачалинская* или *Бачалинская*—село, у рѣки Тоболь (меньше Томи, больше Чудыма). Каменная церковь, новая, хорошая.

Пришелъ на станцію за милостынею слѣпой. Правый глазъ ему проткнутъ грабителями, грабившими скоть, который онъ пасъ, а на лѣвомъ выросло бѣльмо, отъ слезъ по матери, по смерти которой онъ остался круглымъ сиротою. Ему 20 л. Хочетъ подвергнуть себя операціи снятія бѣльма съ лѣваго глаза. Я не совѣтовалъ: опасная операція, и надобно, чтобы операторъ былъ не изъ рядовыхъ. Далъ ему 50 к.

3 станція, *Левлевская*. Закусилъ своего и еще похлебалъ квасу съ огурцомъ и лукомъ. Больше на станціи нѣтъ ничего. Я спросилъ было ихъ пици, сказали: «У насъ скоромная». Такимъ образомъ несоблюденіе постовъ простирается уже и на деревни.

4 станція, *Южаковская*. Жарко. Солнце въ лице (ѣдемъ на Юго-западъ), вѣтеръ слабый и попутный несетъ за нами поднятую пыль.

Начинается черноземъ. Яровой хлѣбъ сгорѣлъ, озимый порядочный. На станціи переправлялись чрезъ рѣку Тоболь. Красно-мутная вода, теченіе тихое. Полей много, даже есть сплошныя (чего нѣтъ въ Сибири).

Сибирскія *поскотины* кончились. Поля подходятъ къ самому селенію. (Въ Сибири окружають селеніе, версты на двѣ и до пяти въ діаметръ, изгородью; здѣсь пасется скотина сама собою. Хозяйственныя работы на землѣ, посѣвы и проч. уже за этою изгородью). Въ Татарскихъ селеніяхъ на улицахъ тучи овецъ (и еще никого), а въ Русскихъ чистая улица. Лѣсъ рѣдѣеть, красный.

5 станція, *Покровское* село. Церковь каменная, большая, новая, двухъэтажная. Обводится пространно хорошею каменною оградю, съ желѣзными рѣшотками. За двѣ версты до села насъ настигла гроза съ крупнымъ дождемъ: были удара два грозные. Мы остановились почевать въ 7½ часовъ (Слѣдующая станція—перевозъ 32 версты; опасались запоздать). Прекраснѣйшая радуга полная, сіяющая, на закатѣ солнца, которое намъ тоже было видно. Домъ крестьянскій, но, посибирски, весьма опрятный. Намъ отдано цѣлое отдѣленіе, половина дома, лучшая. Домъ противъ церкви. Я въ пріятномъ расположеніи духа. Данъ порядочный Сибирскаго вкуса уживъ съ рыбкою. Дѣва зрѣлая, пріятной наружности, живая, пылающая, быстрый

взглядъ, пришла къ намъ и сѣла. Спрашиваю: «Ты хозяйка?» «Нѣтъ, работница». «Ты женщина или дѣвица?» «Дѣвица». Двусмысленное посѣщеніе. Однако, я не смѣю мыслить дурное. Полнота и цвѣтущее здравіе дѣлають ее живою и нѣжною. Лицо ея пріятное, даже очень, но и непорочное. Она еще входила нѣсколько разъ по надобностямъ. (Тутъ сундуки, постеля хозяйская и, можетъ быть, ея), но ни малѣйшаго слова, движенія, даже взгляда скандальнаго. Дитя природы, само собою любующеся и благоухающее нѣжностію души.

4 число Юля, Суббота. Св. Андрея Критскаго. Евфимія Суздальскаго.

Спаль тихо. Грозное сновидѣіе. «Мнѣ говорятъ: пойди ко врачу такому-то; онъ составитъ тебѣ лѣкарство, отъ котораго ты, можетъ быть, выздоровѣешь. Я пошелъ. Пришелъ врачъ написалъ рецептъ и сказалъ: «Лѣкарство стоитъ 14 рублей. Если ты его выпьешь, можетъ быть, выздоровѣешь; а если не выпьешь, умрешь чрезъ 14 дней. У тебя случится разрывъ сердечной вены». Я отсчиталъ 14 рублей. Проснулся. Заснулъ еще; мнѣ говорятъ: «Тебѣ на почтѣ присланы хлѣбъ, вино и елей». Рабъ Твой есмь, Господи Іисусе: буди воля Твоя! (Смотри 18 и 19 Юля въ этой книгѣ. Но и письмо изъ Казани, отъ 20 Сентября, полученное мною здѣсь, въ Перервѣ, 5 Октября, служить къ паблоудевію моему! Благъ есть Господь Богъ нашъ! 8 Октября 1870 г.).

Всталъ въ 5 часовъ. Послѣ толикихъ сновидѣній я захотѣлъ, кромѣ келейной молитвы, помолиться во храмѣ. Послалъ къ священнику, сказали, нездоровъ. А крестьяне, собравшіеся у крыльца, стали горько жаловаться на священника: «пьянствуетъ, не служитъ и въ Воскресеніе и въ великіе праздники, не исполняетъ требъ». Мнѣ однакоже хотѣлось быть во храмѣ. Подросилъ отыскать церковнаго старосту и попросить ключи отъ церкви. Идетъ священникъ, безъ рясы, трясуційся; червота въѣлась въ лице его; едва движется, будто полусовный, среднихъ лѣтъ. Я пошелъ за нимъ. Вошли въ церковь верхнюю. Здѣсь, за правымъ клиросомъ (кажется) колоссальнаго размѣра, въ кивотѣ, образъ Спасителя Нерукотвореннаго, уважаемый во всей окрестности; есть преданіе, что этотъ образъ Ермака Тимоѣенча, завоевателя Сибири. Я помоллся. Потомъ вошелъ въ алтарь, приложился къ престолу, помоллся со слезамъ. Далъ два рубля: одинъ на святость, другой духовенству, прося ихъ молитвъ. Священникъ былъ тронутъ. Надѣлъ эпитрахиль и поручни, благоговѣйно перекрестился, сталъ у престола, раскрылъ Евангеліе и, вынувъ изъ него маленькую красную ленту, подарилъ мнѣ ее. Я принялъ благоговѣйно. (Жаль: кажется, я затерялъ ее дорогою).

При выходѣ изъ церкви подошелъ ко мнѣ другой священникъ, молодой, ученый, изъ Калужскихъ. Я ему сказалъ: «На твоего товарища жалуются крестьяне, что онъ за нетрезвостію мало служитъ и не исполняетъ требъ. Тебѣ бы слѣдовало заступитъ немощнаго и послужить за него». Легкомысленный, говорунъ и занятый собою, засыпалъ меня рѣчами.

Замѣчаніе о 14 дняхъ сна. Вставши рано, не трогая спящихъ ребятъ и помолвившись, я сѣлъ читать Св. Писаніе. Читаю 2-е посла-

ніе къ Коринѣянамъ три главы (какія слѣдуютъ) и въ нихъ читаю: *Прежде лѣтъ четырнадцать!* Я пріостановился, перекрестился. Дивлюсь, хотя не понимаю и не смѣю помыслить ровняться съ великимъ апостоломъ Павломъ.

2-го Іюля, въ день моего выѣзда, назначенъ бранный обѣдъ у о. протоіерея. Домъ его въ нижнемъ городѣ, отъ архіерейскаго дома версты двѣ, а почтовый дворъ еще дальше. Мнѣ уже незачѣмъ было возвращаться въ архіерейскій домъ; протоіерей на пути мнѣ. Потому я еще утромъ послалъ подорожную на станцію и сказалъ, чтобы къ двумъ часамъ лошади были готовы. Получилъ и отвѣтъ, будутъ готовы лошади. Мы съ преосвященнымъ въ 12 часовъ поѣхали на обѣдъ. Въ часъ обѣдъ. Въ два кончился. Спрашиваю о лошадяхъ; сказываютъ: еще нѣтъ ихъ. Предчувствуя затрудненія, я попросилъ о. протоіерея послать нарочнаго на станцію. Ждемъ часъ, лошадей нѣтъ. Мы пообѣдали. Сидѣть даромъ тягостно. Вице-губернаторъ послалъ казака: воротился, сказалъ будутъ готовы лошади. Ждемъ еще часъ. Нѣтъ лошадей. Г. Вице-губернаторъ заскрежеталъ зубами, послалъ другого казака. Въ половинѣ пятаго пріѣхала повозка; ямщикъ одинъ лоскутья вонючія, лошади дрянъ. Г. вице-губернаторъ сказалъ: «Смотритель Полякъ и недавво поступилъ». Конечно ему будетъ вразумленіе. А однако, конечно, зная все это, Полякъ согласился пожертвовать собою, чтобы не упустить случая раздосадовать и опозорить Русскаго архіерея. Такъ я это понимаю. Въ Сибири почти всѣ управленія у Поляковъ. Ихъ навазываютъ этимъ!

1 станція, *Созоновская*—село. Церковь хорошая, кажется, каменная. Есть рѣка большая, но мы не переѣзжали ея. Переѣздъ 32 версты. Закусили, пьемъ чай. Видѣли дорогою два озера. Одно съ версту, а другое большое, версть семь. Вчера на этихъ мѣстахъ былъ обильный дождь (вчерашняя туча). Пыли нѣтъ. Есть лужицы. Воздухъ свѣжій; глотаемъ его съ наслажденіемъ.

2 станція, *Вилижанская*—село. Переправлялись чрезъ рѣку Турѣ. Будетъ 100 сажень. Вода красная, мутная, течетъ тихо. Красный лѣсъ, строевой. Болотисто. Настилки на дорогѣ мучаютъ. Жнутъ хлѣбъ. Старуха накормила клубникою (мелка и незрѣла).

3 станція, *городъ Тюмень*. Не доѣзжая его версть за десять, мы съѣхались съ Сибирскимъ трактомъ, который, для Тобольска, оставили въ селѣ Абацкомъ 28-го Іюня.

Мы сдѣлали лишнѣхъ около 200 версть.

Х. Городъ Тюмень.

Онъ Тобольской губерніи. Городъ большой. Семь церквей и монастырь. Расположенъ по рѣкѣ Турѣ, по обимъ берегамъ. Главное же жителство на правомъ высокомъ берегу.

Поперекъ городъ не широкъ, а въ длину около четырехъ версть. Конецъ его, къ Москвѣ, самый высокій; на вершинѣ его монастырь, отдѣляющійся отъ города глубокимъ оврагомъ.

Сюда недавно переведено главное управленіе ссыльными. Ихъ здѣсь сортируютъ и приурочиваютъ по губерніямъ Сибирскимъ.

Городъ купеческій, богатый, но мужицкій и грязный. Переполненъ свирѣпымъ расколомъ. Монастырь окруженъ одними раскольниками.

Тюмень, и по прежнему, мѣсто остановокъ и перегрузки товаровъ, идущихъ изъ Россіи въ Сибирь и обратно въ Россію изъ Сибири. Но съ недавняго времени, когда заведено пароходное плаваніе отсюда до Томска (чрезъ рѣки Туру, Тоболь, Иртышъ, Обь и Томь), на простр-анствѣ болѣе 1500 верстъ, Тюмень дѣлается важною пристанью.

Я попросилъ дозволенія остановиться въ монастырѣ и ночевать здѣсь ради Воскресенія Христова и памяти преподобнаго Сергія Радонежскаго. Меня приняли вѣжливо. Дали для помѣщенія хорошія комнаты казначея, который на это время перешелъ въ другія келіи.

Быль у всенощнаго. Пѣніе и служба приличныя, степенныя, неспѣшныя. Служилъ однако одинъ іеромонахъ съ діакономъ, оба старцы.

Немного грустно было, что служба была просто воскресная, и святой воспоминался Аѳонасіи Аѳонскій, о преподобномъ же Сергіи не было воспоминаванія. Тутъ однакоже не то, чтобъ было намѣренное неуваженіе, невниманіе, а просто невѣжество: служба преподобному Аѳонасію въ Миней впереди, ее и пропѣли. Такъ монастыри наши переполнены крестьянскимъ невѣжествомъ. Храмъ во имя Пресвятыя Троицы, высокій, обширный, свѣтлый. Иконостасъ многоярусный, тоже большою. Храмъ возобновленъ недавно.

Здѣсь, въ паперти, почитаетъ митрополитъ Тобольскій Филоѳей, а въ схимѣ Феодоръ, современникъ Петра Великаго, бывшій въ Туруханскѣ и потрогавшій мощи блаженнаго Василія Мангазейскаго, за что едва не потонулъ, но раскаялся и ублажилъ святаго.

Есть и другая церковь теплая. Монастырь обстроенъ хорошо, пространный, весь каменный. Ночевалъ покойно, хотя пугали клопами.

5-е число Юля. Воскресеніе. Преподобнаго Аѳонасіа Аѳонскаго и Сергіа Радонежскаго.

Литургію служилъ архимандритъ Владимиръ соборнѣ, съ двумя старцами іеромонахами. Въ церкви было немного людей. Пахнетъ расколомъ. Подходили однако уважительно къ благословенію.

Архимандритъ, вчера и сегодня, заговорилъ меня, и оставался у меня все время, и ужиналъ, и обѣдалъ со мною. Не далъ мнѣ ни съ кѣмъ поговорить еще, ни походить по монастырю, ни посмотреть, ни отдохнуть, ни исправить мопхъ дѣлъ, ни завѣяться перомъ: несносный угодникъ и межъ тѣмъ весьма неискренній. Вотъ сортъ людей наипаче презираемый мною. Онъ Казанскій семинаристъ; былъ учителемъ въ Чебоксарскомъ духовномъ училищѣ, постриженъ въ монахи Филаретомъ Казанскимъ. Просилъ меня исходатайствовать о переводѣ его отсюда въ Казань въ Кизичскій монастырь или въ Москву: «Бѣдный монастырь—нечѣмъ жить». Я пожалѣлъ о суетности его. Видъ его почтенный, онъ повыше меня, весь сѣдой, но еще свѣжій и бодрый. Я еще не исполнилъ порученности его, но думаю исполвить, письменно.

(Исполнилъ. Писаль Казанскому архіепископу и получилъ уже отвѣтъ. 13-го Января 1871 года).

Казначеемъ здѣсь вдовый священникъ, за тридцать лѣтъ. Увылый. Его опредѣлили преосвященный, наипаче съ цѣлю завести рациональное хлѣбопашество на монастырскихъ земляхъ, въ видахъ улучшения состоянія монастыря. Казначей, повидимому, держитъ себя независимо отъ архимандрита, почитая себя особою властію. Вотъ что значить вмѣшательство архіерея въ чужія дѣла. У казначея въ клѣткѣ бьется птичка, цеголь или чижь, недавно посаженная. Я желалъ купить у него ее, чтобъ выпустить,—не согласился.

Въ монастырѣ три церкви: а) Троицкая, холодная, главная; б) апостоловъ Петра и Павла, теплая; в) Св. Димитрія Солунскаго, третья (она запущена и разрушается). Всѣ онѣ строены преосвященнымъ Филоеемъ, и самый монастырь основанъ имъ же.

Вчера приходилъ ко мнѣ изъ города діаконъ, такъ, лишь изъ любопытства. Я поговорилъ съ нимъ: вѣжливый, степенный и неглупый человекъ. Много хорошихъ рѣчей о городѣ, о церквахъ, о духовенствѣ. Оно не бѣдно, потому что, кромѣ раскольниковъ, есть и православные, съ состояніемъ и незабывающіе духовенства.

Здѣсь, близъ города, на рѣкѣ, сгорѣла въ этомъ году баржа, нагруженная дорогимъ товаромъ, шелковыми и шерстяными и бумажными издѣліями, сгорѣла до тла. На ней было товару (можетъ быть, на всю Сибирь) на 600,000 р. Можно весьма подозрѣвать, что баржа сожжена злодѣями намѣренно. а) Баржа, богатѣйшая всѣхъ прочихъ; б) товаръ не столь воспламеняющійся быстро, какъ на примѣръ, порохъ, спиртъ, сало, масло. Ее зажгли, видно, такъ искусно, что нельзя было приступить къ тушенію. Злодѣи, говорятъ, предварительно обводятъ судно (или домъ) воспламеняющимся мгповевно составомъ и потомъ зажигаютъ.

Кто это сдѣлалъ, если не Полякъ, злодѣй наипаче Россія! Произведено слѣдствіе, вазванъ пожаръ: «отъ неосторожности рабочихъ». Бѣдные два купца, чей пароходъ, обязаны выплатить сія 600,000 рублей тому, чей товаръ. (Половину платитъ Григорій Козмичъ Каменскій, Пермскій купецъ, на пароходѣ котораго я поплыву отъ Перми до Нижняго).

Здѣсь я получилъ письмо изъ Красноярска, отъ 20 Іюня, отъ о. каедральнаго протоіерея. Тамъ все благополучно. Мнѣ поклонны, даже изъ Иркутска. Отсюда до Екатеринбурга вольная почта. Я взялъ билетъ на 4 лошади и заплатилъ 36 рублей.

XI. Отъ Тюмени до Екатеринбурга.

1 станція, *Успенское*—село. Преисполнено раскольниками. Село большое, дома богатые, но улицы узки жалостно, не болѣе пяти сажень: вотъ злодѣи другого разряда и тоже Поляки (они вездѣ во всѣхъ канцеляріяхъ и вѣдомствахъ) сплосвули селеніе такъ, что на улицѣ едва могутъ развѣхаться двѣ телѣги. Одна сторона улицы смотритъ въ другую, даже можешь слышать разговоры (если отворено окно).

И весьма неприятно вмѣсто улицы видѣть щель въ селеніи, которое разстилается на версту и болѣе длиною. При томъ страшная грязь въ улицахъ и зловоніе. Вотъ Сибирь! Вотъ Полякъ, правитель ея!

Тутъ на станціи мнѣ рекомендовали купить коверъ. Работаютъ ковры хорошіе. Я купилъ бы, еслибъ ѣхалъ въ Сибирь; ѣду въ Москву.

Ѣдемъ грязью. Болотистый грунтъ. Злая настилка мелкихъ бревешекъ производитъ толкотню премучительную и замедляетъ ѣзду.

2 станція, *Тулымская*—село. Каменная церковъ. Рѣка. На переѣздѣ мы еще проѣхали двѣ рѣки. Здѣсь ночуемъ. Хорошій двухъэтажный домъ. Кажется, раскольники. Многосемейный домъ: ужинали до пяти мужиковъ бравыхъ, и женщинъ мелькало немало. Я, впрочемъ, не оскорбленъ, ниже видомъ.

Видѣли до семи и болѣе столбовъ телеграфа, разбитыхъ молніею. Два разбиты въ щепы, одинъ разсѣченъ поперекъ; струна лежитъ на землѣ и перешибена, но другая держится.

На этомъ же переѣздѣ, въ 7-мъ часу вечера, я ощутилъ, что у меня за правымъ плечомъ жалобно визжитъ какая-то муха. Я остановилъ лошадей. Слѣзъ, снялъ рясу, мухи нѣтъ. Снялъ подрясникъ и между нимъ на рубахѣ Федоръ снялъ большую муху сѣро-пепельнаго цвѣта, можетъ быть осу или шерстня. Она слетѣла и тотчасъ слѣла на цвѣтокъ; впилась въ него такъ крѣпко, что мы не согнали ея съ него. Я надѣлъ этотъ подрясникъ въ монастырѣ, въ 8 часовъ утра, былъ въ немъ у литургіи, обѣдалъ, простился, поѣхалъ, проѣхалъ почти двѣ станціи, и эта муха 11-ть часовъ сидѣла на плечѣ моемъ жива и не ужалила меня: милостивъ мнѣ Господь! И откуда она въ монастырѣ, въ полузакупоренной келіи. (До меня казначей ни разу не открывалъ оконъ: я открылъ впервые).

6-е число *Юля*. *Понедѣльникъ*. *Св. Сисоя*. *Луіаніи княжны*.

Всталъ въ 5 часовъ. Злокачественный потъ. Просыпаясь твержу: *«Да не речеши въ сердца твоема: кто възидетъ на небо.... Близъ ти естъ малога, во устѣхъ твоихъ и въ сердца твоема, сирѣчь малога въры... Римл.*

1 станція, *Марково*—село. Это уже *Пермская губернія*. 28 верстъ ѣхали 4 часа. Грязь. Дорога-гать самая дурная, полусогнившая. Полотно дороги приподнято, насыпано съ валомъ; дорога - гуща грязи. Колеи неровныя, глубокія ямы и непрестанные толчки. Мы забыли на станціи билетъ вашего проѣзда; ямщикъ ворочался верхомъ, отпрягли лошадь (версты на двѣ). Зацѣпили повозкою за столбъ телеграфа (железя выѣхать съ дороги) и повредили зонтикъ повозки. Встрѣтили телеграфиста, ѣдущаго съ аппаратами для починки поврежденныхъ молніею столбовъ. Направо и валѣво сгорѣлъ лѣсъ нывѣшнюю весною, красный, почти строевой. Онъ пропалъ. Былъ густъ и опаленъ сильно,—засохъ. По тротуарамъ дороги появились березы въ два ряда: памятникъ царствованія Александра Павловича; березы, уже настоящее дерево, вѣтвистыя, очень красивыя.

2 станція, *Суятская*—деревня. Станціонный домъ на манеръ этапа. Здѣсь грязь не глубока, дорога засыпана пескомъ, высыхаетъ, колея не глубока. Начинаютъ видѣться налѣво отдаленныя возвышенія земли,—предтечи Урала.

3 станція, *Пылаво*—деревня. (Нѣсколько деревень небольшихъ, на малыхъ разстояніяхъ, у рѣки. Между ними село, хорошая каменная церковь). Страшная толкотня. Ямщикъ ѣдетъ по колеѣ, а она ямами и наталкивается на деревянную настилку, скрытую подъ пескомъ. Тяжко и намъ; но я боялся за повозку, не распаталась бы и не рассыпалась бы совершенно. Стали подниматься выше и выше. Встрѣтили партію поселенцевъ и арестантовъ: ихъ везутъ на тройкахъ, по шести, седьмой солдатъ съ саблею. Есть линейки особаго устройства. Видѣлъ линейку покрытую проволочною сѣткою: это тяжкіе преступники. Есть дѣти малыя. Есть, повидимому, цѣлыя семейства: мужъ, жена и дѣти, даже грудныя. У всѣхъ лица мертвенныя. *Точное свѣдѣніе*. Насъ встрѣтили четырнадцать троекъ, въ нихъ сто четырнадцать арестантовъ и поселенцевъ. Съ Мая по Сентябрь ихъ провозятъ ежедневно. Въ Іюнь провезено 2800 человекъ. Перевозитъ тотъ же содержатель почтъ, по особому условію, отъ Перми до Тюмени (800 верстъ и не больше); все это сказалъ мнѣ умный и обязательный смотритель станціи.

4 станція, *Черемшанская*—большая деревня. Ямщикъ везъ хорошо. Тряска малая. Обогнали огромный обозъ, до 100 возовъ. Къ концу переѣзда настала гроза. Я посадилъ іеродіакона Іустина къ себѣ въ повозку (онъ сидѣлъ на козлахъ). Подѣхали къ станціи, вошли въ нее. Расположились ночевать. Выбрали постель, сѣстное, проч. Гроза усилилась. Одинъ ударъ былъ надъ самою головою; были и еще два великіе удара. Минуть 20 былъ ливень, весьма наводнившій землю.

Станція хорошая. Смотритель и жена его, люди молодые, приняли меня съ глубокимъ уваженіемъ и старались всячески услужить. Они накормили меня чѣмъ-то (кромѣ молока и яицъ). У меня тяжело разстроился животъ.

7-е число Іюля. Вторникъ. Св. Ѳомы Малнина. Евфросины, Евдокии, супруги князя Дмитрія Донскаго.

Всталъ, помолился. Тревожитъ разстройство живота. Послѣ нищихъ, съ коими я подѣлился, подходитъ къ окну Цыганка. Послѣ умоленій о помощи она наговорила мнѣ пророчество (какъ это у нихъ обычно). Я вышелъ къ ней, далъ 30 копѣекъ (она мать дѣтямъ) и сказалъ: «Я архіерей. Твои рѣчи выслушивать мнѣ неприлично. Будущее во власти Божіей. Не совѣтую тебѣ пророчествовать и восхищать славу Божію, не будучи послана на сіе отъ Бога». Цыганка умоляла.

Пасмурно. Виситъ дождь. Чувствую и тяжесть въ животъ. Грущу. Ѣдемъ.

1 станція, *городъ Камышовъ*, при маленькой рѣчкѣ, которая разсѣкаетъ городъ пополамъ. Мѣстность волнистая крупно. Изрядный го-

родъ. Три церкви. Въ воздухѣ паръ отъ дождей. Станціонный домъ на площади противъ красивой часовни, въ память 4 Апрѣля, двухъ-этажный. Пью чай съ чернымъ хлѣбомъ въ видахъ исправленія живота.

Прислуга на станціи вѣжливая, уважительная. Лишь сѣлъ я въ повозку, со мною сдѣлалось дурно: открылась рвота. На меня смотрятъ изумленные, окружившіе повозку (узнали, что я архіерей). Какое разятельное для меня испытаніе! Смотрѣвшіе на меня могли подумать, что я пьяный и отъ пьянства терплю сей срамъ. Сжалось сердце мое. (По всей вѣроятности меня окормилъ вчера услужливый смотритель съ женою. Я ѣлъ насильно, чтобъ ихъ не обидѣть).

2 станція *Паршино*, кажется деревня. Я одѣлся въ лисью рясу: чувствую ознобъ.

3 станція, *Бѣлѣйская*—деревня. Я не выходилъ изъ повозки. Свѣжо. Сѣверный вѣтеръ. И еще нѣсколько деревень на переѣздѣ и село, каменная церковь. Заселеніе густое. Кажется, тутъ раскольники.

Насъ миновала опять партія арестантовъ, на тройкахъ. Далъ рубль. Переѣхали большую рѣку *Пышма* или *Пырма*, по мосту. Вода почти стоячая (можетъ быть, ниже есть мельница). Дорога мягче, ѣдемъ покойнѣе и скорѣе; поднимаемся все выше и выше. Показалась красная глина, полу-дресвяная, полу-каменная (таковъ Уралъ: бѣлый камень съ красно-кирпичнымъ).

Вчерашняя гроза и ливень простерлись и доселѣ.

4 станція, *Бѣлоярское*—село. Каменная церковь. Ъхалъ бѣдственно. Грубый ямщикъ, за мое слово: «Не умѣешь ѣздить», хотѣлъ вступить со мною въ ссору, свирѣпо взглянувъ на меня и, вызывая, нагло вскрикнулъ: «Нѣтъ, я умѣю!» Я замолчалъ. (Онъ неожиданно ударилъ лошадей и завизжалъ; лошади бросились и заметали насъ грязью. комъ грязи ударилъ мнѣ въ глазъ). Затѣмъ ямщикъ поѣхалъ почти шагомъ. 26 верстъ ѣхали три часа. Каменная колея (появился горный камень). На станціи какой-то расчетъ съ ямщиками и пирушка.

5 станція *Косулино*. Приѣхали въ 10 часовъ. Темная ночь. Ночуемъ. Дали, спасибо, уединенную комнату. Сегодня я не ѣлъ весь день отъ Камышилова. На ночь поѣлъ хлѣба съ квасомъ. Опять встрѣчные обозы.

Грязь. Ямщикъ ѣдетъ непременно по колеѣ, хотя она страшно разболтана и имѣетъ каменные ямы. (Усыпаютъ дорогу красною дресвою и камнемъ, которые здѣсь уже въ изобиліи и лежатъ подъ толстымъ пластомъ бурой земли). Весь день моросилъ мелкій дождь. Грязь увеличилась. Повозка сильно нагибается на лѣвую сторону; боюсь разрушенія ея.

8 число *Юля*. *Середа Св. Прокопія и Прокопія. Казанскія Божія Матери.*

Спалъ не худо. Въ три часа ливень и гроза; молнія (я очень боюсь). Ужасное испытаніе! До шести часовъ опять уснулъ. Во снѣ грезы нечистыя и пугающія гибелію и срамомъ. Просыпаясь твержу: «Яко

у Господа милость, и Той избавитъ Израиля отъ всѣхъ беззаконій его.
Проплакалъ, помолился, ободрился. Їдемъ.

1 станція, *городъ Екатеринбургъ*. Переѣздъ 25 верстъ, но мы ѣхали три часа. Было три дождя на этомъ переѣздѣ, и въ Екатеринбургъ выѣхали въ сущій ливень. Страшная грязь. Верстъ за пять передъ городомъ началась насыпь дороги не щебнемъ, а крупными обломками гравита. (Такъ и въ самомъ Екатеринбургѣ, такъ и по всему Уралу). Ужасная, доселѣ неиспытанная мною въ жизни ѣзда. Лучше нельзя ѣхать, какъ шагомъ и безпрестанно толкаясь.

Лишь въѣхали въ городъ, слышимъ благовѣсть и звоны въ церквахъ (къ литургіи). Для меня это было весьма чувствительно. Великій день Казанскія Божіей Матери, подъ кровомъ которой я служилъ въ Казани болѣе семи лѣтъ. Мы ѣхали городомъ болѣе двухъ верстъ.

Преосвященный Вассіанъ Екатеринбургскій (Викарій Пермскій) принялъ меня братолюбно. Мнѣ приготовлена особая комната, отлично убранная и уединенная. Преосвященный поѣхалъ въ пріютъ, куда его пригласили служить молебень: тамъ исправлялась либо годовщина, либо обновленіе.

Здѣсь я встрѣтилъ архимандрита Гавріила, настоятеля Верхотурскаго монастыря. Онъ благочинный на этой сторонѣ Урала: объѣзжаетъ порученные ему монастыри, мнѣ знакомый. (Когда я былъ ректоромъ въ Вяткѣ, о. Гавріиль, тогда Григорій Леонтычъ Любомудровъ, протоіерей, вдовый, былъ профессоромъ церковной исторіи въ Вятской семинаріи). Съ нимъ мы и обѣдали. Говорунъ, постарше меня, но совершенно здравый. Обѣдъ и ужинъ, и сегодня, и завтра, поварскіе, браные, не пышные, но деликатные и весьма довольные.

Преосвященный Вассіанъ весь съдой, хотя совершенно здравый и свѣжій силами. Малороссъ, Полтавскій (съ Сѣверо-запада) говоритъ по малороссійски. Живой и смѣлый, наблюдательный и критическій взглядъ. На службѣ онъ не очень счастливъ. Служилъ въ Волини, въ Петрозаводскѣ, въ Астрахани, въ Черниговѣ (при Филаретѣ), былъ уволенъ и былъ просто настоятелемъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря, отсюда недавно взятъ въ епископа. Складъ ума, тенденціи и возрѣнія Малороссійскіе, не мирные противъ Великороссовъ. Особенно тяжки и рѣзки рѣчи о преосвященномъ Филаретѣ Черниговскомъ. Надо же было, чтобы со столь идиотичнымъ и живымъ Малороссомъ встрѣтился Великорусскій, упорный и надменный (рѣдкость между нами) самообольщенный Филаретъ. Онъ, кажется, и низринулъ преосвященнаго Вассіана изъ учебной службы. По смерти Филарета у него найдено 12,000 рублей. (Немного. Онъ былъ сочинитель. Написалъ много книгъ).

ХІІ. Городъ Екатеринбургъ.

Послѣ обѣда уснулъ. Распорядился починкою повозки (и она здѣсь починена истинно-честно, правильно, разумно. Я доѣхалъ до Перми совершенно покойно, и повозка уцѣлѣла, хотя, какъ увидимъ, этотъ переѣздъ былъ самый ужасный и бѣдственный, по горамъ и спускамъ, по гравитной насыпи и каменистой землѣ).

9 число Юля. Четвергъ. Св. Панкратія.

Ночь спалъ на чистой и мягкой постелѣ, въ совершеной тишинѣ, на свѣжемъ воздухѣ, сущее блаженство! А однако разстройство живота преслѣдуетъ меня. Утромъ написалъ два письма: въ Красноярскъ и Тобольскъ. Последнее нужное (см. 28 Юня и проч.).

Въ 10 часовъ съ преосвященнымъ поѣхали на обзорніе города. Были: а), въ Екатерининскомъ соборѣ, б), въ кафедральномъ соборѣ. Богатые соборы и вновь еще и еще расширяются и украшаются. Кафедральный, кажется, двухэтажный. И стѣны расписаны. Иконостасы новые, подъ золотомъ. Много хрусталей горныхъ и топазовъ. Есть крестъ изъ цѣльнаго желтоватаго топаза. Иконы писаны самою степенною и безъ укоризненной живописью. Въ обоихъ храмахъ стеклось много народа, и благоговѣнно подходили къ благословенію.

Въ городѣ два храма еднотѣрческихъ, и оба стоятъ на лучшихъ мѣстахъ города. *Первый* на площади; имѣетъ на фронтонѣ, надъ западнымъ входомъ, надпись: *Съ нами Богъ, разумѣйте языцы*. Единотѣрцы (я ихъ почитаю раскольниками), конечно, сею надписью хотѣли сказать: Мы-де истинные поклонники Богу. А вы, православные, то же, что язычники. Я бы не дозволилъ имъ сдѣлать такую надпись. *Второй*, — въ виду архіерейскаго дома, впереди его. Оба храма огромные.

Мой келейникъ, Ѳеодоръ, увлеченный послушниками архіерейскаго дома, былъ въ одной изъ этихъ еднотѣрческихъ церквей и сказалъ мнѣ простодушно: «храмъ огромный, великолѣпный, блеститъ золотомъ и серебромъ, но въ немъ такой дурной запахъ, что я не могъ быть долго, будто въ пустынѣ». «Я спросилъ (продолжаетъ Ѳеодоръ) тутошняго сторожа, отчего такой дурной запахъ? Тотъ отвѣчалъ: я не чувствую, а можетъ быть отъ кадила». Нѣтъ, это смрадъ духовный (я думаю), смрадъ хулы на церковь Божию, смрадъ своевольствъ и ослушанія и, можетъ быть, смрадъ нравственный и плотской грязи, въ коей валяются, яко свини, невѣжествушіе старообрядцы.

Отъ соборовъ мы поѣхали въ женскій монастырь. Великолѣпный монастырь имѣетъ до пяти отдѣльныхъ церквей; двѣ изъ нихъ пространныя, свѣтлыя, сущіе соборы. Все обновлено или ново, сіяетъ. Монастырь называется *Ново-Тихвинскій*, 1-го класса. Игуменія разумвая. Сестеръ много. Кругомъ корпусы двухэтажные. Самъ монастырь имѣетъ версту въ квадратъ, и около него сады и огороды, ихъ еще такая же верста чрезъ монастырь. Даже, кажется, въ немъ самомъ зародился родникъ, столь обильный чистою и легкою водою, что составляетъ почти рѣчку, которая, протекая по городу, пересѣкаетъ садъ архіерейскаго дома. Въ монастырѣ семь заводовъ дѣланія восковыхъ церковныхъ свѣчей въ широкомъ размѣрѣ. Въ ризницѣ не одна сотня ризъ, и однихъ богатыхъ и новыхъ ризъ до 30—40. Вообще все чисто, въ порядкѣ, убрано. Лица монахинь кроткія, цѣломудренныя, чистыя, довольныя. Радуется сердце быть въ такой общинѣ.

Городъ Екатеринбургъ богатый и красивый. Есть дома грандіозныя и изящныя: составили бы украшеніе и въ столицѣ. Улицы широкія, есть хорошія площади.

Здѣсь монетная (мѣди) и гранильная фабрики. Управляютъ иностранцы. Ихъ дома и заведенія сущіе дворцы.

Среди города течетъ рѣка *Исеть*, горная съ ребръ Урала, многократно перепруженная. Имѣетъ пруды или озера. Городъ стоитъ на скатѣ къ Востоку. Мостовая изъ кусковъ бѣльсаго гранита, довольно безпokoйная: нельзя ѣхать скоро, толкаетъ.

Видъ города, съ выѣзда въ Россію, весьма красивый: бѣлый, т. е. каменный городъ.

Власть и богатство у иностранцевъ. Русскіе, работники. Немного самостоятельныхъ. Я не покусился быть на монетномъ дворѣ и въ гравильной: опасался презрѣнія; тамъ одни иностранцы.

Есть однако въ городѣ милліонеры и почти всѣ раскольники. Главные богачи золотопромышленники. Объ одномъ изъ нихъ сказали повѣсть. Онъ просилъ у Государя дозволенія вызолотить крышу своего дома (дѣйствительно богатаго, огромнаго, великолѣпнаго, изящнаго на рѣкѣ Исети). Государь ему отвѣчалъ: «дозволю, но прежде позолоти крыши Екатеринбургскихъ церквей». Богатый задумался. Крышь на церквахъ не позолотилъ, а оттого и свои крыши остались не позолочеными. Дѣтская сказка, но она свидѣтельствуетъ о великомъ богатствѣ купца. Кажется, онъ либо раскольникъ, либо единовѣрецъ (что почти тоже). Православные же—работники!

Я былъ въ банѣ у преосвященнаго. Она въ саду у него, у рѣчки (что изъ дѣвicha монастыря) и у пруда. Воды изобиліе. Я былъ весь въ пыли и грязи. Особенно голова. Я ее чесалъ несносно. Завелись насѣкомыя. Омылся и сталъ бодръ, веселъ и покоенъ. (Я не мылся съ Красноярска).

Архіерейскій домъ очень хорошій. Строенъ дворяниномъ. Въ два крупныхъ этажа. Каменный. Есть домовая церковь. Довольная площадь, есть службы. Хорошій садъ, примѣрно 40—30 сажень. Деревья рослыя, благоухающія, лиственные.

Имѣлъ продолжительныя бесѣды съ преосвященнымъ. Онъ мнѣ между прочимъ разсказалъ нѣсколько событій съ самимъ мною и особенно изъ моей Петербургской жизни и службы у оберъ-прокурора Сувода графа Протасова. Удивительно: многое сказано лучше, нежели какъ я понималъ самъ; а еще больше весьма невѣрно.

Преосвященный Вассіанъ смѣлаго ума, широкаго взгляда, склоненъ къ современности, хотя и строго ее цѣнитъ. Его администрація и архіерейская власть въ Екатеринбургѣ и по сю сторону Урала не малая, далеко выше, жизненнѣе и полнѣе моей ничтожной администраціи виварнаго въ Казани и особенно при преосвященномъ Аѳанасіи.

*10 число Юля. Пятница Преподобнаго Антонія Кіевскаго. Коневскія
Божія Матери.*

Просыпаясь, говорю: *дондеже изведеть въ побѣду судъ* (Исаія 53 глава). Душею весель и умиленъ, но наводитъ грусть растройство живота. Преосвященный угощаетъ разнообразными дворянскими кушаніями и изобильно, питье веселящее.

Вчера вечеромъ игуменія (Магдалина) привезла и подарила мнѣ ящикъ бѣлыхъ восковыхъ свѣчей фунтовъ 20 (спасибо ей; тутъ и носочки мнѣ. Я все привезъ въ Перерву, и доселѣ молюсь при ея свѣчахъ. *15 Октября 1870 года*). Она просила меня обѣдать у нея сегодня. Я далъ слово, хотя преосвященному Вассіану повидимому этого не хотѣлось.

Были, обѣдали, игуменія всячески старалась угодить мнѣ и меня ублажала, конечно, какъ гостя. Но преосвященному Вассіану это было неприятно. Онъ началъ бѣдную игуменію оговаривать. Весьма неприятно было это слышать и видѣть.

Обѣдъ дворянскій, чистый, деликатный.

Каедральный протоіерей здѣсь изъ Казанской Духовной Академіи, 1-го курса, человекъ солидный. Другой протоіерей, или ключарь, подарилъ мнѣ книжицу, въ коей подробно описано созданіе, расширеніе и украшеніе каедральнаго собора.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА *).

ХІІІ. Отъ Екатеринбургa до Перми.

Къ четыремъ часамъ по полудни я собрался. Приѣхала игуменія проводить меня. Мы тронулись въ свой путь съ молитвою и благословеніями добрыхъ душъ. День былъ солнечный, но по землѣ разстилась синяя сухая мгла и застѣняла солнце, дѣлая его какимъ-то мутнымъ и усатымъ. Грязь подсыхаетъ. Отъ самаго города мы потянулись на гору. Въѣхали въ сосновый боръ. Дорога — красная глина, усѣянная битымъ гранитомъ и отчасти красною дресвою: несносное толканіе.

1 станція, *Ръшеты*, деревня. Смотритель изъ почталіоновъ, Москвичъ, заговорилъ меня. Величалъ Москву. Старался мнѣ всячески услужить. Спасибо ему.

2 станція, *Талицкая*, на 14-й верстѣ этого переѣзда, на правой сторонѣ отъ дороги (изъ Сибири), поставленъ хорошій мраморный обелискъ сѣдого мрамора, пирамидою, съ квадратнымъ основаніемъ.

На пирамидѣ надписи: а) направо—*Азія*, налево—*Европа*. Воды потекли въ Россію (однако будутъ и въ Сибирь теченія). б, На пьедесталѣ: 1., О посѣщеніи Сибири въ 1837 году тогда наслѣдника престола, а нынѣ императора Александра Николаевича; 2., О проѣздѣ въ 1845 году герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго; 3., въ 1866 году Николая Лейхтенбергскаго.

Дорога несносная, жесткая, глубокія колеи. Верстахъ на пяти, на самой дорогѣ, направо и налево, насыпаны кучи краснаго щебня (для усыпанія имъ дороги), весьма стѣсненъ проѣздъ.

На этой станціи ночуемъ.

11 число Іюля. Суббота. Св. Евфиміи. Св. Ольги Гниязни.

Смотритель станціи за три дня предъ симъ вступилъ въ бракъ. Подошелъ ко мнѣ съ молодою женою и просилъ благословенія. Приняли меня уважительно.

---

*) См. книга I, стр. 595.

Я не ужиналъ. Я однакоже не чувствую себя истощеннымъ.

Иеродиаконъ Іустинъ, мой сопутникъ, въ Екатеринбургѣ дозволилъ себѣ излишество хмѣльнаго. Не въ силахъ поправиться: шатается пьяный. Стыдъ и опасность, не свалился бы съ повозки подъ колесо (онъ сидитъ съ кучеромъ на козлахъ). И какая досада везти пьянаго и видѣть передъ собою, какъ онъ шатается и ныряетъ, видѣть въ этомъ видѣ монаха, архіерею!

Я всталъ въ 5 часовъ. Помолился. Прочиталъ главы изъ Св. Писанія и Псалтири. Иеродиаконъ бродитъ пьяный около повозки, а Федоръ спитъ. Будить жаль. Сижу сложа руки. Въ 7 часовъ ѣдемъ.

1 станція, *Билимбаевскій* заводъ. 16 верстъ ѣхали два часа. Шероховатая каменная дорога. Кучи щебня на дорогѣ. Два спуска съ тормозомъ съ каменныхъ горъ. На этомъ переѣздѣ проѣхали огромный заводъ, его назвали *Васильевскій*. Двѣ каменные церкви. Заводскія зданія тоже каменные и много, кажется, частныхъ каменныхъ домовъ. Огромный прудъ—запрудъ. *Билимбаевскій*, заводъ же. Также каменные зданія заводскія и частныя. Богатая каменная церковь. Небольшая рѣка. Станція каменная же, съ мезониномъ. Я видѣлъ у заводскихъ построекъ горы отсыпей, подобно какъ на золотыхъ приискахъ, черного цвѣта, блестятъ какъ стекло (можетъ быть, это каменный уголь). Оба эти завода желѣзо-чугунно-плавильные.

2 станція, *Грбовская*—село. Хорошая каменная церковь. Рѣчка бѣжитъ налѣво (а не направо, какъ прежде). Дорога злополучная, хуже худшихъ. Версть на пять разсыпаны скопленные кучи обломковъ гравита; дорога сдѣлалась какъ бы желѣзная, усѣянная острыми, клинообразными обломками твердаго камня. Здѣсь переправа черезъ рѣку *Чусовую*, сажень 40, на паромѣ и столько же по мосту. Рѣка течетъ направо. Здѣсь она не быстра. Не здѣсь ли полъ-Урала? Чусовая не дѣлаетъ ли двѣ половины изъ Урала? Стонетъ моя повозка; боюсь, не разсыпалась бы, не доѣхавъ до Перми. За Чусовую двѣ версты вытягивались на гору.

3 станція, *Киртишанская*. Первые восемь верстъ бѣдственная, какъ прежде, потомъ сносная дорога, мягкая и гладкая. Другой уѣздъ, Красноуфимскій, а прежній шелъ Екатеринбургскій. Земскіе чины здѣсь, какъ цари. Въѣзжаешь въ новый уѣздъ, новая дорога, либо уже, либо шире, либо брошена, либо обдѣлана; либо такъ, либо иначе. Хотя земля мягка и стала бѣлеса вмѣсто красной, но опять пошли яры и пропасти: спускаемся и поднимаемся непрестанно. Съ Екатеринбургъ и доселѣ на дорогѣ просачиваются ключики хорошей хру-

стальной воды. Ключики эти дѣлають дорогу влажною, но не слишкомъ грязнать, потому что грунтъ съ пескомъ и древою. На станціи похлебалъ молока съ хлѣбомъ. 5 часовъ вечера.

4 станція, *Березовская*, подставъ—полустанція, 16 верстъ. По причинѣ великихъ горъ, спусковъ и подъемовъ, станція раздѣлена на двѣ части. Здѣсь только и есть домъ станціи. Въ темномъ оврагѣ, кажется, бѣжитъ рѣчка. Лѣсъ лиственный наиболѣе (есть и красный), густой, шелковистый, зелень свѣжая, благоухающая. Такова и трава. Я восхищался: невиданное въ Сибири зрѣлище! Здѣсь были благовременно дожди. Лѣсъ неопаленъ. Станціею управляетъ старикъ честный и богобоязненный. Со мною старался говорить для утѣшенія и назиданія и всячески старался услужить. Да благословить его Господь! Налѣво потянулись разбѣгающимися лучами хребты великолѣпныхъ горъ, покрытые могучею растительностію.

5 станція, *Кленовская*—село. Здѣсь ночуемъ. Налѣво у самаго селенія тянется красивый небольшой хребетъ горы, увѣчаный краснымъ лѣсомъ, а скать его вспаханъ и засѣянъ. Предъ станціею мы догнали крестьянъ, возвращавшихся съ покоса, повозокъ семь, парами и тройками. На телѣгахъ нанизаны мужчины и женщины, все молодья; поють съ восторгомъ и во весь голосъ пѣсни, мчатся отчаянно. Спасибо, нашъ ямщикъ не сталъ переспаривать двухъ повозокъ впереди насъ (съ пятокъ мы обогнали), которые помчались совершенно отчаянно, безпрестанно озираясь на насъ и какъ бы поддразнивая насъ. Я боялся и за себя и еще больше за нихъ: они насѣли на телѣгъ, какъ птички; малый толчекъ могъ сбросить ихъ подъ колеса. (Мнѣ сказали: это *помочь*, собранная изъ охотниковъ, богатымъ крестьяниномъ. Теперь будетъ имъ данъ широкій и жирный ужинъ съ обильною водкою; они къ нему и спѣшатъ съ такимъ восторгомъ, хоть завтра Воскресенье).

12-е число Юля. Воскресеніе. Св. Прокла и Иларія.

Просыпаясь говорю: *Законъ же привиде, да обьтованіе духа примемъ вѣроу.* (Первая часть Римл. 6,20. Вторая въ другомъ мѣстѣ гдѣ-то. Галат. 3,14). Я читаю Св. Писаніе дорогою. Святые глаголы Божіи обносятся и ноцію въ умѣ моемъ. Слава Тебѣ, Господи: я спалъ сладко. Мы проспали до 7 часовъ. Пробѣжала почта. Вбѣжалъ въ комнату почтальонъ и чуть не сшибъ меня съ ногъ. Я-де казенный! Ѵдемъ. Подѣхавши къ церкви (каменная), я сошелъ съ повозки, вошелъ въ церковь: готовятся къ служенію, священника нѣтъ. Церковь во имя Св. Никодая. Помолился, вышелъ. Встрѣчаетъ молодой священникъ. Извиняется. Я успокоилъ. Даль рубль, на святость и братіи, пополамъ.

1 станція, *Бисерская*—село. Деревянная церковь, обшита тесомъ и раскрашена подъ кирпичь. Ъхали четыре часа 24 версты. Удивительныя горы. Мы поднимались какъ на стѣну и спускались также. Тормозили. Это раза три. На такую стѣну подниматься должно съ версту, даже болѣе. Хребты горъ, какъ лучи, раскидываются во всѣ стороны по всѣмъ направлениямъ. Мѣстность одѣтая свѣжимъ лѣсомъ, болѣе липственнымъ и кустарнымъ. Все зеленѣетъ и благоухаетъ. Есть небольшія долины между горъ, ихъ орошаютъ ручьи и рѣчки. Въ одной рѣчкѣ я увидѣлъ двухъ-трехъ крестьянъ, бросающихъ въ воду камни. Я спросилъ, для чего они это дѣлаютъ? Сказали: молодого дикаго утенка, отставшаго отъ гнѣзда, хотять убить. Я послалъ 50 копѣекъ, прося не трогать утенка. И здѣсь, даже по дорогѣ, есть ключики чистой воды. Видѣли запрудъ или озеро. На этой станціи пили чай. Село большое.

2 станція, *Ачитское*—село. Высокая каменная колокольня, маленькая церковь. На этомъ переѣздѣ двѣ рѣки, обѣ немалыя, текутъ тихо. Двѣ крупныя горы съ версту. Спуски съ тормозомъ. Съ 8-й версты пошла довольно ровная дорога. Здѣсь смотритель станціи, старикъ, мнѣ сказалъ: «Преосвященнымъ въ Красноярскъ на ваше мѣсто назначенъ не Павелъ Американскій, а Вассіанъ Екатеринбургскій». Но это несправедливо (23 Октября 1870 г., Перерва).

3 станція, *Быковское*—село. Деревянная церковь. Прямо изъ станціи рѣка, за нею большая, длинная, но отлогая гора. Дорога ровная. Хребты горъ стали отдаляться и видѣлись вдаль. Хлѣба хорошіе, но еще зелены. Начались сплошныя поля (чего въ Сибири нѣтъ). Ровняютъ крестьяне дорогу старымъ самымъ простымъ приборомъ. Проѣхала партія арестантовъ.

4 станція, *Ключевская*—село, каменная церковь, пятиглавая, каменная ограда. Село длится шесть верстъ, обвиваясь вокругъ трехъ рѣчекъ, которыя въ этомъ мѣстѣ сходятся и дѣлаютъ хорошую рѣку. Рѣчки выются по широкому, низменному мѣсту, почти безъ береговъ; но по бокамъ, въ верстѣ и болѣе, съ обѣихъ сторонъ выдвигаются голыя каменныя горы. Въ селеніи мы переѣхали три рѣчки и три моста. Селеніе названо *Ключевскимъ*, вѣроятно, по огромному ключу (сажень семь шириною), выходящему изъ подъ камня. На этомъ ключѣ можно бы поставить мельницу. Вода чистѣйшая, но слегка минеральная. Ее однакоже безъ скорби употребляютъ жители. Но въ виду этого же селенія есть другой ключъ, гораздо болѣе этого, вытекающій изъ подъ огромной каменной горы (сажень сто вышины и болѣе версты въ окружности, на глазомѣр). Этотъ ключъ совершенно минеральный и цѣлебный. Я порывался быть на немъ, но мои хилыя ноги,

позднее время, небезопасный путь по скату каменистой горы, версты три отъ станціи, меня охладили. Здѣсь мы ночуемъ. Хозяева многосемейные, многодѣтныя, добрые люди, но пискъ дѣтей меня ночью тревожилъ. На переѣздѣ этой станціи я вышелъ для нужды, и, при моихъ хилыхъ ногахъ, доползъ до повозки. Какой я жалкій!

13-е число Юля. Понедѣльникъ. Архистратига Гавріила. Стефана Савваита.

Встали въ шесть часовъ. Ёдемъ. Ямщика намъ дали мальчика, мѣше пятадцати лѣтъ. И глупъ, и дерзокъ. Подъ гору погналъ (онъ не умѣлъ сдержать) такъ, что я опасался великой бѣды. Въ другомъ мѣстѣ, лишь спустясь съ горы, на переѣздѣ чрезъ высокій мостъ (очень дурной) въ виду напирющаго на насъ спереди огромнаго обоза, соскочилъ съ повозки, бросилъ возжи и побѣжалъ къ рѣчкѣ напиться. На мою строгую рѣчь огрызается такъ, что готовъ грубіянить. Я замолчалъ.

1 станція, село *Сабанское*. Каменная церковь. Опять надъ горною рѣчкою, сажень десять шириною. Вода чистѣйшая. Село въ одну линію, богатое и мѣстность красивая. На этомъ переѣздѣ мы проѣхали хорошее село *Суксунское*, деревянная церковь. Селеніе при рѣкѣ (кажется, той же, которую мы лишь переѣхали). Можетъ быть, эту рѣку зовутъ тоже *Суксунъ*. Тутъ какіе-то славные заводы (о нихъ я читывалъ), но я ихъ не видалъ и спросить позабылъ. Лишь выѣхали изъ села, надобно подниматься на одну изъ самымъ огромныхъ и велколѣпныхъ горъ всей Сибири, *Суксунскую*. Она каменная, лежитъ, какъ огромный каравай; ее огибаютъ полукружіемъ, поднимаясь постепенно, а однако такъ круто, что можно дрожать за каждый шагъ лошадей: оступятся, ихъ потянетъ назадъ, и нѣтъ спасенія, все раздробится. Гора притомъ голая; направо виднѣется, какъ пропасть, ложе вьющейся рѣки, тоже голое. Тянулись (четыре лошади) мелкимъ шагомъ, а мой оба парня шли пѣшкомъ. На эту-то гору поднявшись, я перекрестился и простился съ Сибирью и Ураломъ.

2 станція, *Бушувская*, деревня. Уже на скатѣ къ Россіи, а однако и тутъ еще встрѣтили большую гору въ спускѣ. Безпокоили обозы, и встрѣчныя, и такіе, которые надобно обгонять.

3 станція, городъ *Кунгуръ*. Мы пріѣхали сюда въ два часа пополудни. Въ почтовой станціи остановились покушать. Городъ немалый, до пяти церквей. Есть женскій монастырь. (Онъ почти въ началѣ города, на вѣзжей улицѣ; съ обѣихъ сторонъ смеженъ съ мірскими домами, каменными, большими). Корпусъ, идущій по улицѣ, имѣетъ окна, какъ въ конюшнѣ, маленькія, полукруглыя. Видно, мало земли

у монастыря. И такъ безжалостны и нахальны мірскіе, обстраиваясь кругомъ монастыря, которому нуженъ покой и отдѣльность. Городъ раздѣляетъ рѣка *Ирень* а другая, *Сылва*, обтекаетъ его. Первой рѣки вода не хороша, второй лучше. Городъ хорошо обстроены. Большой гостинный каменный дворъ, много каменныхъ домовъ.

Быль рыночный день. Площадь и улицы наполнены людьми и возками. Здѣсь я пожелалъ видѣть священника, уже заштатнаго, Стефана Попова. Жаль, его не было въ городѣ. Приходила женщина, хозяйка дома, у которой онъ имѣетъ пребываніе. Я рассказалъ ей, что нужно. Сынъ этого священника, Стефана, Александръ, магистръ Казанской Академіи, былъ смотрителемъ Красноярскаго духовнаго училища. Онъ предался неисправимому пьянству. Приѣзжалъ изъ Томска ревизоръ (іеромонахъ Сергій), нашелъ все управленіе училища въ беспорядкѣ и насчиталъ на смотрителя болѣе тысячи рублей. Его скоро отрѣшили, но суда надъ нимъ не назначили, и его бросили безъ всякихъ способовъ существованія. Я приѣхалъ въ Красноярскъ, когда все это совершилось уже. Я вступилъ въ это дѣло, писалъ въ семинарію, въ Академію, къ оберъ-прокурору Синода, прося дать отрѣшенному смотрителю способы существованія, дать ему судъ, и даже, елико могъ, разбиралъ дѣло и просилъ простить смотрителя по крайней мѣрѣ за растрату денегъ (которую притомъ я счелъ, вмѣсто тысячи, не болѣе сотни). Ходатайства мои были однакоже безуспѣшны: прокуроръ молчалъ и на три мои представленія не отвѣтилъ ни единой. Мы призирали этого бѣднаго Александра, давали по сотнѣ рублей въ годъ. Въ Кунгурѣ я хотѣлъ видѣть отца его, чтобы предложить ему взять сына къ себѣ, чтобъ онъ, на чужой сторонѣ, безъ службы не погибъ отъ голода и холода. Это я и передалъ хозяйкѣ дома, гдѣ живетъ отецъ Стефанъ, для его разсужденія. Ыдемъ далѣе.

4 станція, *Крыласово* село. Каменная церковь. На рѣкѣ *Бабкѣ*. Берегъ бѣлый зернистый камень. Переѣздъ гористый. Три раза тормозили, изъ нихъ однажды въ самомъ городѣ Кунгурѣ.

5 станція, *Янчевское* село. Церковь и мечеть. Здѣсь ночуемъ. Ыхали этотъ переѣздъ бойко, дорога отличная; а однако два раза тормозили, хотя горы стали гораздо меньше и отлоги. Направо видѣлся хребетъ, думаю берегъ рѣки Бабки, которую мы переѣхали у станціи по высокому мосту. Ыхали больше лѣсомъ: пихта, ель, березы и кустарныя растенія. Мгла густѣйшая. Косятъ траву и убираютъ. (Вятскими косулями, и женщины косятъ же). Видѣлъ двухъ юродивыхъ: а, *Григорій*, лѣтъ 60-ти; б, *Василій*, лѣтъ 25. Первый говоритъ, второй только намекаетъ; оба и зимою ходятъ въ рубахѣ, разутые, безъ шапки.

Григорій и спить зимою на снѣгу, даже снимаетъ рубаху. Оба видомъ пдіоты. Не постигаю. Вѣдаетъ Богъ!

14 число Юля. Вторникъ. Апостола Акимъ. Стефана Махрицкаго.

Спаль нехудо, хотя меня преслѣдуетъ постоянно разстройство живота. Во снѣ читаю: «Иже общія сія и согласныя даровавый намъ молитвы»... (Молитва священника въ литургіи предъ малымъ выходомъ). Потомъ, уже вставая, какъ бы слышу, говорятъ: «Къ вамъ изъ Красноярска верховой». Проснувшись ничего этого не вижу. Священникъ этого села молодой, больной, уѣхалъ къ Татарамъ лѣчиться кумысомъ. Лютѣйшая сухая мгла. Ёдемъ.

1 станція, *Кояновская*, Татарская; есть мечеть. Передъ этою станціей крутой, опасный спускъ. У моей повозки оба тормоза испортились; потому я вынужденъ былъ, несмотря на мои больныя ноги, вылѣзти изъ повозки и сойти подъ гору пѣшіи. На станціи вѣжливый и услужливый смотритель. Спасибо ему!

2 станція городъ *Пермь*. 25 верстъ ѣхали четыре часа. Негодный парень, Татаринъ, везъ шагомъ. И страшный грубіявъ: не умѣю понять. Такого не встрѣчалъ доселѣ ни единого. И имъ кончаю мою сухопутную, въ повозкѣ, ѣзду.

XIV. Городъ Пермь.

Мы приѣхали въ Пермь почти въ полдень. Я остановился въ архіерейскомъ домѣ, который стоитъ на противоположномъ концѣ города; слѣдовательно, съ перваго раза я имѣлъ удовольствіе проѣхать чрезъ весь городъ по длинѣ его, и, какъ послѣ стало извѣстно, по лучшей его улицѣ. Пермь хорошій городъ, хоть небольшой. Улицы обставлены каменными домами, иногда сплошь на полверсты, есть дома грандіозныя, и вообще искусство и вкусъ далеко оставляютъ за собою Сибирскіе города. Мостовой нѣтъ, но какъ-то не пыльно. Городъ стоитъ на лѣвомъ берегу Камы, довольно высокою. Рѣка сажень 200, течетъ одною трубою; на лѣвомъ отливѣ бѣрега камушки, на правомъ песокъ.

Архіерейскій домъ стоитъ надъ самою рѣкою. Мѣсто въ длину сажень 100, а въ ширину 50—60. Треть восточной его части: садъ, рослый, благоухающій. Каѳедральный соборъ стоитъ внутри архіерейской земли, почти на серединѣ. Домъ архіерейскій каменный, двухъ-этажный, занимаетъ югозападный уголъ, сливается съ колокольнею, отъ которой крытый ходъ въ соборъ. Въ сѣверовосточной сторонѣ, у сада, надъ самою рѣкою Камою, особый каменный двухъэтажный домъ.

Въ немъ-то меня и помѣстили. Въ немъ комнатъ восемь. Его называютъ лѣтнимъ домомъ, но въ немъ, конечно, можно жить и зимою. Весьма одобряю я мысль имѣть домъ про запасъ. Здѣсь Пермскій архіерей, уволившись по старости и болѣзнямъ отъ службы, съ удобствомъ можетъ оставаться на покоѣ, не тревожа правящаго архіерея и не затрудняясь выборомъ себѣ мѣста въ другихъ епархіяхъ. Преосвященнаго Антонія, владыку епархіи, я не засталъ. Онъ выѣхалъ для обозрѣнія епархіи и самаго труднаго мѣста, а именно Соликамска, Чердыни и проч. Онъ оставилъ мнѣ письмо, въ коемъ обстоятельно объясняетъ причины своего отъѣзда, а именно: прежде нежели онъ получилъ мое письмо, коимъ я просилъ дозволить остановиться въ его домѣ, онъ уже сдѣлалъ свое распоряженіе о своемъ путешествіи по епархіи, назначилъ дни и мѣста посѣщенія и сообщилъ о семъ гражданскому начальству. Онъ жалуется, что одинъ его глазъ почти отказывается служить и закрывается, потому и самъ помышляетъ объ увольненіи отъ службы и желаетъ слышать мои рѣчи съ мѣста моего водворенія. (Постараюсь исполнить. До 31 Октября еще не исполнилъ. Исполнилъ. Писалъ дважды. 13 Января 1871 года). Услужливый и разумный экономъ дома іеромонахъ Александръ (изъ Пензы пріѣхавшій съ преосвященнымъ) окружилъ меня своими попеченіями. Я имѣлъ хорошій столъ. Мнѣ готова была всякая услуга. Я занималъ цѣлый домъ и любовался видами на Каму и черезъ нее далеко. Пароходы проходили вперёдъ и взадъ подъ окнами. Меня скоро посѣтили отцы духовные-администраторы: о. каедральный протоіерей, почти старецъ, но свѣжій, заѣзжій (Рязанскій или иной), три отца консисторскіе, ректоръ семинаріи, тоже протоіерей. Разговоры общіе. Отдохнувши послѣ обѣда, былъ въ каедральномъ соборѣ, въ домовой церкви преосвященнаго, въ семинаріи, въ церкви, въ библіотекѣ, въ залѣ. У отца ректора пилъ чай. Семинарія стоитъ лишь чрезъ улицу противъ архіерейскаго дома. Строеніе обширное, двухъэтажное, глаголемъ, на двѣ улицы, на берегу Камы. Меня интересовало малоувидаемое мною зрѣлище плаванія пароходовъ. Ихъ много. По крайней мѣрѣ, пять разъ въ сутки отходятъ и столько же разъ приходятъ. Видѣлъ рейсъ съ арестантами. Для этого устроена особая баржа, она покрыта легкою крышею, а бока обтянуты прѣволочною сѣткою. Арестантамъ все видно, и воздухъ у нихъ свѣжій, а уйти нельзя. Ихъ перевозитъ одинъ купецъ, имѣющій подрядъ съ казною. Отъ Нижняго ихъ доправятъ сюда (болѣе 1000 верстъ) въ пять-шесть дней, а потомъ помчатъ на почтовыхъ до Тюмени. Отсюда опять на пароходѣ по Иртышу, Оби и Томи, въ Томскъ. Отсюда до Иркутска тоже на почтовыхъ, а тамъ уже не знаю какъ. Отъ Александръ мнѣ сказывалъ: а, арестантовъ

нынѣшнимъ лѣтомъ переправили уже 23000 *) человекъ; б, ихъ (часть конечно) проводятъ чрезъ всю Сибирь, на океанъ, на островъ Сахалинъ, который ими хотятъ заселить. Пожелаемъ успѣха! Но я опасуюсь, не ожидая отъ подлежащихъ властей ни ума, ни усердія, ни чести, ни добродѣтели, чтобъ послужить въ этомъ дѣлѣ человеклоубія и политики добросовѣстно. Но есть промыслъ Божій!

15-е число Юля. Серда. Св. Кирика и Улиты. Св. Владимира.

Въ домѣ, который я занимаю, по восточной сторонѣ, которая смотритъ въ садъ, устроена широкая галлерей, вся въ стекольныхъ рамахъ: истинное наслажденіе! Здѣсь я ночевалъ и здѣсь проводилъ почти все время. Къ прискорбію моему меня преслѣдуетъ разстройство живота. Стыдъ и кручина! Но я не истощаюсь. Повидимому еще это меня очищаетъ. И поносъ неизнурительный. Ночью, чрезъ рѣку, я видѣлъ пылающій лѣсъ. Походить на пущенную гранату вспыхиваніе высокаго дерева, обгорающаго до макушки. Поутру густѣйшая мгла, сухая, чадъ и сырая, туманъ надъ рѣкою. Солнце чуть видно, красное, безъ лучей, какъ тарелка. Былъ у литургіи въ кафедральномъ соборѣ Преображенія Господня. Служилъ одинъ священникъ. Служба мѣрная, чинная, благоговѣйная. На молебень облачался и протоіерей. Пѣніе церковное. Есть напѣвы Малороссійскіе (я ихъ не люблю). Апостоль проревѣлъ псаломщикъ ужасно. (Тутъ я виню архіереевъ; я не позволялъ подобныхъ рѣвовъ). Послѣ обѣдни меня провели въ ризницу. Епархія молодая (съ Екатерины), древностей нѣтъ. Много архіерейскихъ облаченій, до 20-ти, прошедшаго столѣтія (архіереи не надѣваютъ, я наиболѣе такіа и надѣвалъ бы). Крестъ престольный изъ цѣльнаго камня желтовато-золотистаго цвѣта, прозрачный. Топазъ или горный хрусталь Уральскій. Есть митра изъ крупныхъ брилліантовъ, рубиновъ и изумрудовъ. Ризница у мѣста (въ смежности съ колокольнею) и очень достаточна пространствомъ, въ два этажа. Устроена преосвященнымъ Неофитомъ. Этотъ корпусокъ онъ дарилъ было ключарю; тотъ не пожелалъ принять (нѣтъ двора). Тогда преосвященный Неофитъ обратилъ это въ ризницу, сказавъ примѣчательную пословицу на счетъ ключаря:

„Дай бабѣ холстъ,
Она скажетъ: голстъ“.

Домовая церковь преосвященнаго, до 9-ти иконъ мѣстныхъ, въ серебряныхъ ризахъ. Попеченіе и жертва покойнаго Неофита. Имъ же домовая церковь расширена. У него пѣли пѣвчіе всеошныя. Отъ со-

*) Много. Безъ сомнѣнія ошибка, въ десять разъ. 31 Января 1871 года.

бора отвлекались богомольцы. Я этого не одобряю. Домовая архіерейская церковь для архіерея: она должна быть маленькая и простая. Такъ у митрополита Московскаго.

Прошелъ по архіерейскому дому: комнатъ довольно, убраны прилично, даже грандіозно. Довольно портретовъ, наиболѣе архіереевъ. Обѣдъ бранный, въ честь мою. Были опять тѣже отцы: кафедральный, консисторскіе, ректоръ, самъ о. экономъ. Свѣтскихъ не было. Вечеромъ гулялъ по саду. Рослыя деревья. Есть оранжерея, есть гряды для овощей, есть цвѣтникъ; бесѣдка, насыпь и на ней бесѣдка. Хорошій видъ. Есть дорожки, но позапущено. При преосвященномъ Неофитѣ сюда ходили горожане для прогулокъ; преосвященный Антоній запретилъ. Одобрю: а) намъ неприлично видѣть у себя дома мірскія сцены; б) нынѣ вѣкъ столь суетенъ, что и мірскому семейному человѣку иногда досадно видѣть непристойныя положенія гуляющихъ, и наипаче молодежи; в) не всякое съ нашей стороны угожденіе публикѣ намъ пристойно. (Преосвященный Неофитъ былъ въ супружествѣ, преосвященный Антоній дѣвственникъ).

Вечеромъ продалъ мою повозку здѣшнему купцу Евстаѳію Ильичу Будрину за 60 рублей. (Деньги на другой день отослалъ въ Красноярскъ, въ архіерейскій домъ). На этой повозкѣ я ѣздилъ всѣ восемь лѣтъ въ Красноярскъ; два раза былъ на ней въ полномъ объѣздѣ по епархіи, два раза въ Иркутскѣ (одинъ разъ давалъ другимъ). Ее привезли купцы съ Нижегородской ярмарки и называли Казанскою. Благодарень: я въ ней находилъ себѣ покой по крайней мѣрѣ на 2000 верстахъ!

И сегодня ночью я смотрѣлъ на крушеніе лѣса отъ огня: пламень языками выбивался выше лѣса.

16-е число Іюля. Четвергъ. Св. Авиногена. Шести соборовъ.

Я спалъ въ стеклянной галлерей и блаженствовалъ: люблю свѣтъ и просторъ и свѣжій воздухъ. Весьма тепло и тихо, только мгла въ воздухѣ. На завтра собираюсь въ путь, путь новый, на водѣ, на пароходѣ, по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ до Нижняго (болѣе тысячи верстъ). Съ о. экономомъ архіерейскаго дома, о. Александромъ, ѣздили на пароходѣ г.г. Каменскихъ (купцы братья Ѳедоръ и Григорій Кузмичи). Я взялъ для себя семейную каюту № 1-й за 30 рублей (съ Ѳедоромъ), а для протодіакона Іустина № 2-й, за 12 рублей. Отсюда мы поѣхали къ самимъ г.г. Каменскимъ. Ихъ домъ за заставою (Московскою). Это дало мнѣ случай видѣть противоположный (отъ вѣзда изъ Сибири) конецъ города. Хорошій каменный двухъэтажный домъ. Насъ принялъ Гри-

горій Кузмичъ. Онъ и самъ ѣдетъ съ нами. Я совершенно покоенъ. Выходила жена, степенная по-русски и богобоязненная. Есть и дѣти. Юноша (лѣтъ 18-ти) учится въ Москвѣ въ Коммерческой Академіи.

Послалъ телеграмму въ Нижній къ тамошнему преосвященному Филарету. Прошу дозволенія остановиться на нѣсколько въ его домѣ, чтобы имѣть время и просторъ переложиться съ парохода на желѣзную дорогу.

Вечеромъ съ о. Александромъ былъ у нѣкоего полуюродиваго мѣщанина. (Онъ у меня бывалъ и въ Казани, хоть я не помню), Теодора Алексѣевича Воронина. У него свой домикъ, противъ архіерейскаго. Жена его Александра Ивановна. Они среднихъ лѣтъ, бездѣтны. У нихъ квартируютъ ученики семинаріи и училища и гимназіи (тѣмъ они, кажется, и живутъ). Человѣкъ этотъ весь преданъ благоговѣйству и какъ бы исчезаетъ въ немъ: иконы, монастырь, монахъ, архіерей, то у него на устахъ, въ воображеніи, на умѣ. А однако все это какъ-то плачевно, плаксиво, наружно. Какъ понять это? Не умѣю. Презирать боюсь, одобрять не имѣю основаній, быть холоднымъ жаль. Но видно и самъ я немного похожу на такихъ. Вотъ что я записалъ въ тотъ же день, въ Перми: «Меня величаютъ юродивые и ханжи (какъ такихъ зовутъ), степенный же народъ улыбается, косится, гнушается, жалѣетъ, презираетъ. Даже умные изъ братіи моей вздыхаютъ, жалѣя о моемъ юродствѣ, фальши, мечтательности, которой имя ниже глупой глупости. О Боже! Я точно грязь, ничто; но и на мнѣ есть великія милости Твоя, бытіе которыхъ не отспорить у меня цѣлый свѣтъ».

Здѣсь ревизоръ, посланный отъ Сената или министра, ревизуетъ управленіе губернатора. Мнѣ сказали, что ревизоръ самъ былъ здѣсь предъ тѣмъ губернаторомъ. Я сказалъ тогда же: «Безъ сомнѣнія, онъ опозоритъ своего преемника и нпзвергнетъ его». Такъ и есть. Недавно я прочиталъ въ газетахъ, что Пермскій губернаторъ *уволень!* (1 Ноября 1870 г. ппшу). Кто губернаторъ? Беригардъ. Кто ревизоръ? Струве. Вотъ наши правители. Связываются со всего свѣта, чтобъ въ бѣдной Россіи выходить на поединки одинъ противъ другого, переспоривая одинъ у другого грабежъ и тиранію безмольнаго Русскаго!

По самой брови бѣрега посажены деревья для красоты и для укрѣпленія бѣрега. Противъ моихъ оконъ стоятъ черемухи и рябины. Уличный сбродъ мальчишекъ и барочные лаять и гнуть безщадно деревья, чтобъ достать ягоду (ни черемуха, ни рябина еще не созрѣла). Я пожаловался эконому. Тягостно глядѣть. Пославъ служителя съ хлыстомъ, разогналъ. Не то, что алченъ Русскій парень, а онъ сущій дуракъ, полускотина. Тяжело видѣть такія сцены!

17-е число Юля. Пятница. Св. Марины.

XV. Плаваніе мое на пароходъ братьевъ Каменскихъ отъ Перми до Нижняго Новгорода.

Меня преслѣдуетъ разстройство живота. Стыжусь, робѣю публичнаго пребыванія. Но удивительно: я не извуряюсь, и во рту мягко, даже вовсе нѣтъ густой мокроты, которая обыкновенно нагораетъ ночью во рту; встаю съ чистымъ и мягкимъ ртомъ, какъ обыкновенно бываетъ днемъ. Есть и аппетитъ обыкновенный. Собираюсь. Сперва перевезли багажъ, пудовъ пятнадцать (два чемодана, тюфякъ и прочіе узлы). Въ 11 часовъ я пріѣхалъ на пароходъ съ о. экономомъ. Сопровождали еще два протоіерея. Я взялъ каюту перваго номера и помѣстился съ Ѳедоромъ въ ней. Убрана отлично. По обоимъ бокамъ диваны, обшитые зеленымъ густымъ плюсомъ, столикъ, стулъ. Одно окно, круглое, въ шесть вершковъ, съ толстымъ зеркальнымъ стекломъ, открывается и запирается. Однако помѣщеніе оказалось весьма стѣсненнымъ для двоихъ: пространства кубическая сажень. Я сталъ страшно потѣть, тошно. Не всегда можно держать открытымъ окно: когда въ окно вѣтеръ, надобно затворить. Также и ночью опасно держать открытое окно: холодно, и простудиться можно. Двери отворить нельзя: она въ коридоръ, которымъ непрестанно ходять. Лишь я вошелъ на пароходъ, зазвонили въ соборъ и въ другихъ церквахъ (можетъ быть, по распоряженію преосвященнаго). Это было 12 часовъ дня. Надобно было трогаться въ путь; но пароходъ обмельтъ, сбыла вода. Болѣе часа спмались съ мели. Въ одинъ часъ и 25 минутъ пароходъ пошелъ. Я перекрестился и творилъ молитву. Передъ нами двигался городъ, потомъ пригородъ, дачи, сады, литейный пушечный заводъ. Льютъ пушки изъ стали. Недавно одну отлили, въ ней вѣсу 3000 пудовъ! Ядро 28 пудовъ. Уже пробовали, сдѣлали триста выстрѣловъ. Нашли орудіе прочнымъ, повезуть въ Петербургъ. Но я возвращусь въ Пермь не мадолго.

А. О преосвященномъ Антоніи.

Онъ изъ лучшихъ магистровъ 8-го курса Московской Академіи. Еще студентомъ былъ строгъ и важенъ. Управление его правильное, твердое, важное. Духовенство смиренно выслушиваетъ его приказанія. Сколько я ни заводилъ рѣчей о немъ съ отцами, они отдѣлывались краткимъ и довольно общимъ отвѣтомъ. Не слишкомъ ли сурово и величаво его управление? На случай невзгоды можно остаться безпомощнымъ; вотъ впрочемъ вразумленіе забывающимъ немощи чело-вѣческія.

В. *О преосвященном архіепископѣ Неодитѣ (покойномѣ).*

Онъ скончался въ Уральскихъ горахъ, въ заводахъ, недалеко отъ Верхотурья. Его поразилъ кровавый поносъ (до 60 разъ въ сутки); тамъ онъ скончался и, по желанію, погребенъ въ Верхотурскомъ монастырѣ. Онъ магистръ Московской Академіи 2-го или 3-го курса. Былъ протоіерей, овдовѣвши пошелъ въ монахи. Въ послѣдніе годы, въ Перми, онъ проводилъ высокую подвижническую жизнь, но и всегда былъ совершенно цѣломудренный и строгій монахъ. Въ должностяхъ ревностенъ, но и мелоченъ. Человѣкъ прямой совѣсти, неживый, правдолюбивый, богобоязненный, жалостенъ къ сиротамъ и бѣднымъ. О немъ мнѣ вспоминали въ Перми всегда съ уваженіемъ и любовію.

В. *О храмѣ въ Перми, построенномъ крестьянами, освобожденными отъ рабства, въ честь и память сего освобожденія.*

Храмъ по рисунку собора, что въ новомъ Іерусалимѣ: величественный. Мысль, конечно, принадлежитъ не крестьянамъ, а властямъ, которыя орудуютъ ими.

Вышло вотъ что. Построили храмъ, стоящій можетъ быть, болѣе 60,000 р. Просятъ архіерея освятить. Преосвященный спрашиваетъ: гдѣ же духовенство, которое будетъ служить въ этомъ храмѣ? Отвѣчаютъ: «Пожалуйте его намъ вы». Преосвященный: А содержаніе ему и помѣщеніе? Отвѣтъ: «Этого мы уже не знаемъ. Пусть духовные сами озаботятся о себѣ». Преосвященный отказался освятить храмъ. Больше года стоялъ храмъ не освященный. Недавно осветили. Придумали нѣкое полунищенское содержаніе духовенству. Такъ во всей Россіи духовенство будто не люди. А изъ этого видно: благочестіе ли воздвигло этотъ храмъ? Тоже можно сказать о храмахъ и часовняхъ политико-религіозныхъ, коими обставили даже и площади городскія. И всегда; капиталъ податныхъ, а честь, амбиція и слава гражданской власти, которая не вноситъ въ этотъ капиталъ и одного рубля.

Возвращаюсь къ пароходу.

Читаю Новый Завѣтъ и Псалтырь попеременно (только и книгъ со мною; еще Служебникъ и Канонникъ). Читаю досыта, до усталости. Покойно, не трясеть, и никто не мѣшаетъ. Федоръ больше на палубѣ. День тихій и теплый. Жаль, густѣйшая мгла. Плыдемъ по теченію рѣки; быстро, 20-ть верстъ въ часъ (мнѣ сказали); окрестности быстро смѣняются. Въ 5 часовъ и я вышелъ на палубу. Она пере-

полнена людьми. Едва можно найти мѣсто стать. Я прижался къ стѣнкѣ свѣтлицы, гдѣ хозяинъ и лучшіе пассажиры. Со мною вступила въ разговоръ бойкая женщена (жена исправника г. Ирбита). «Въ лаврѣ преподобнаго Сергія монахи ходятъ въ бархатныхъ рясахъ, ведутъ роскошную жизнь. Приѣхалъ митрополитъ, заставилъ святъ бархаты, одѣваться въ простыя черныя рясы, выпустилъ бочки съ медами, сказалъ: «Пейте воду». Читала мнѣ это какъ по книгѣ, прибавивъ: «Все это было при мнѣ, когда я была въ лаврѣ». Я подивился легкомыслию женщины и охотѣ безславить монаховъ завѣдомо ложно. Однако я скоро заставилъ ее стыдиться своихъ вымысловъ, сказавши, что я самъ знаю лавру и тамошній. (Она думала, что я не бывалъ въ Россіи, а выросъ въ Сибири, какъ грибъ).

Любуюсь красивыми берегами рѣки Камы. Они то холмисты, даже имѣютъ маленькіе хребты, то низменны. Иногда голы. Выглядываютъ известковыя и мѣловыя горы, но чаще красная глина, пышный лѣсъ лиственный и красный. Видимъ селенія, церкви, поля, засѣянные хлѣбомъ. Въ 5 часовъ встрѣтили рѣку, впадающую въ Каму слѣва. Зовутъ ее *Нытва* и тутъ же село *Нытва*. Въ 7 часовъ позвалъ въ свѣтлицу хозяинъ, Григорій Козьмичъ. Пили чай. Тутъ жена его и сынъ и та барыня Ирбитская. Я разговорился такъ, что надоѣлъ: меня перестали слушать: стыдъ! Я молю Бога обуздать языкъ мой. Но и досель (2-е Ноября) имѣю этотъ недугъ, глупость, безуміе: не умѣю обуздать себя.

Въ 8 часовъ мы подплыли къ городу *Оханску*. Стоитъ на правомъ берегу, низменномъ. Его окружаетъ рукавъ рѣки Камы, либо тутъ впадаетъ рѣка. Церковь надъ рѣкою. Алтарь смотритъ на насъ, хорошій храмъ. Тутъ мы стояли минутъ двадцать.

Иные сходили съ парохода, другіе входили. Набирали на парохъ дровъ.

Ко мнѣ въ каюту приходила супруга хозяина, Наталья Степановна, женщина въ высшемъ смыслѣ степенная и богобоязненная. Желала послушать моихъ рѣчей о воспитаніи дѣтей; я поговорилъ, какъ умѣлъ. У нихъ три сына: младшій (ѣдетъ съ нами) учиться въ Коммерческой Академіи, въ Москвѣ. Мужъ ея, Григорій Козьмичъ, младшій, а старшій братъ его Феодоръ, и у того тоже три сына. Они были господскіе. Откупились (давно), заплативши боярину за себя двадцать тысячъ рублей! Непостижимая вещь торговля людьми!

18-е число. Суббота. Св. Емилиана. Иоанна многострадательнаго Кіевонечерскаго.

Просыпаясь твержу: «Прославится въ тѣль моемъ Христось, аще животомъ, аще ли смертію (Филип. I, 20).

Ночью на палубѣ страшный стукъ, будто надъ самою моею головою. Безпокойно, но не я же одинъ терплю это! Видно, все это нужно. Часа два стояли въ самой серединѣ ночи, мгла въ воздухѣ увеличивала ночной мракъ.

Въ 9 часовъ пилъ чай у хозяина, по приглашенію. Опять осуждаю себя за многорѣчіе.

Проплыли, между островомъ, столь узкимъ мѣстомъ, что опасна была бы встрѣча съ другимъ судномъ. На носу стоитъ человекъ съ длиннымъ шестомъ, отмѣченнымъ на аршины и четверти. Въ опасныхъ мѣстахъ онъ безпрестанно опускаетъ шестъ ко дну и кричитъ сколько глубины: «шестъ съ четвертью, семь, пять съ половиною и проч.» Когда дойдетъ до осьми, перестаетъ кричать. Это для капитана и рулеваго, который стоитъ на подмосткѣ на самой серединѣ судна.

Въ 11 часовъ я опять выходилъ на палубу, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться на прекрасные берега рѣки. Со мною опять вступилъ въ разговоръ хозяинъ. Слава Богу на этотъ разъ я былъ повоздержнѣе въ рѣчахъ и благоразумнѣе. Погода пріятнѣйшая; тепло, тихо, мгла поменьше. Берега чистые, веселые, будто улыбаются. По крайней мѣрѣ я наслаждался семи минутами бытія моего.

Въ 12 часовъ мы остановились у города *Сирапула*. Предъ нимъ весьма высокій, отвѣсный, совершенно голый берегъ, красная глина. Городъ въ долинѣ. Три церкви. Берегъ заставленъ дровами для пароходовъ, судами, принадлежностями къ пароходамъ. Въ это время я былъ въ общей залѣ, что въ кормѣ (носу) парохода, гдѣ обѣдаютъ и отдыхаютъ каютные. Вбѣгаютъ двое, трое мелкихъ чиновниковъ: торпливо обѣгаютъ залу, кричатъ: «Здѣсь мѣсто генералу. Никого нѣтъ. Достаточно». На меня взглянули глазомъ презрѣнія, трусости, недоумѣнія. Я всталъ тихонько и потянулся въ мою каюту.

Рѣчь этихъ молодцовъ значить: «Ступай вонъ, сторонись очищай мѣсто: идетъ генераль». Кто этотъ генераль? Ревизоръ удѣльныхъ владѣній, которыхъ около этихъ мѣстъ довольно. Онъ переѣзжаетъ въ Елабугу для того же. Я не видалъ этого генерала, но онъ желалъ меня видѣть (сказалъ мой Федоръ, котораго онъ спрашивалъ обо мнѣ).

Посидѣвши немного въ каютѣ, я пошелъ на палубу: хотѣлось посмотреть на городъ и на суеты нагрузки и перегрузки товаровъ съ парохода и на пароходѣ. Я стою прислонившись къ стѣнкѣ свѣтлицы. Ко мнѣ подбѣгаетъ чиновникъ: «Ваше преосвященство, отецъ Никодимъ!» Это Николай Шиллеготскій, сынъ покойнаго Вятскаго казначейнаго протоіеря Азарія Тимоѣевича. Николай продолжаетъ: «Здѣсь моя маменька; позвольте ей представиться вамъ». Я изумился, пошелъ въ каюту и просилъ пригласить маменьку Николая ко мнѣ. Входитъ старушка, маленькая, сухая, однако живая: глаза блпстають, какъ бриліанты. Съли, поговорили. Она радуется, будучи утѣшена призоромъ и уваженіемъ своихъ дѣтей (у нея три сына и три дочери, всѣ съ хорошимъ именемъ, службою и состояніемъ). «Гощу у дѣтей, то у того, то у другаго и радуюсь счастію ихъ!» А я ей сказалъ немного о недугахъ моихъ и о томъ, что я оставилъ службу и ѣду въ Москву, въ монастырь, на покой.

Минуть пять посидѣла она у меня съ Николаемъ и простились. Это Лисавета Гавриловна, нѣкогда цвѣтущая лѣтами, здравіемъ и красотою женщина. Я зналъ ее въ 1835—1838 годы, когда я былъ въ Вяткѣ ректоромъ семинаріи. Тогда ей было около 30 лѣтъ. Да спасеть ея Господь! Но и я считаю посѣщеніе сіе разительно поучительнымъ. Есть Богъ! Благъ есть Господь Богъ нашъ и милостивъ! Душа моя знаетъ зѣло!

Прочиталъ въ № 147-мъ Московскихъ Вѣдомостей (они есть на пароходѣ) отъ 9-го Іюля, что 15 (3) Іюля Французское правительство объявило войну Пруссіи за невѣжливый отвѣтъ Прусскаго короля Франціи о принцѣ Прусскаго дома Леопольдѣ, котораго Испанцы приглашаютъ на престолъ Испаніи. Война дѣйствительно открылась и длится доселѣ (3 Ноября), война ужасная. Пруссаки на десяти и болѣе сраженіяхъ побѣдоносны. Разбили и уничтожили двѣ Французскія арміи: а) въ 120,000 человекъ въ Седанѣ и б) 150,000 человекъ въ Мецѣ. Французы остались съ новобранцами. Съ 7 (17) Сентября Пруссаки обложили Парижъ и доселѣ держатъ его въ осадѣ. Взять въ плѣнъ Французскій императоръ Наполеонъ III; взяты крѣпости Седанъ, Страсбургъ, Туль, Мецъ, Вердунъ и много городовъ. Но конца брани нѣтъ. Французы не просятъ мира; а Нѣмцы начинаютъ сами терпѣть отъ погоды и будучи растянуты на 300 верстъ въ непріятельской землѣ.

Въ этомъ же номерѣ газеты прочиталъ: «Государь утвердилъ представленіе Св. Синода о бытіи епископомъ Енисейскимъ и Красноярскимъ епископу Павлу Американскому 10 Іюня». Чудныя, дивныя,

разительныя для меня, вѣсти, видѣнія, сближенія! (Я выѣхалъ изъ Красноярска 11 Юня, на другой день по утвержденіи на мое мѣсто приемника).

Въ 8-мъ часу вечера видимъ устье рѣки *Бѣлой* слѣва отъ насъ.

19-е. Воскресеніе. Св. Макрины, сестры Василия Великаго.

Въ 11 часовъ подплыли къ городу *Чистополю*.

Онъ на лѣвомъ берегу Камы. Центръ хлѣбной торговли. Три церкви посреди города, поперекъ его глубокой оврагъ. Средняя церковь (вѣроятно соборъ) пятиглавая, лучше и больше другихъ, надъ самымъ обрывомъ берега (не очень благоразумно). (Въ прошедшую ночь, въ полночь, мы были у города *Елабуги*, послѣдній Вятскій. Около него справа вливается въ Каму огромная рѣка *Вятка*, почти равная Камѣ. Оттого Кама стала уже огромною рѣкою. Въ нынѣшнемъ году здѣсь отличный урожай хлѣба (сказали).

Палуба набита людьми, но я захотѣлъ посмотрѣть, какъ посятъ съ берега и передаютъ къ машинѣ парохода дрова. Работаютъ и женщины. Я одобряю. Честный, хотя не легкій трудъ. Копѣйка эта золотая.

Въ 4 часу мы были у города Лаишева. Я вышелъ было на палубу посмотрѣть на городъ, но мы уже проплыли его. Берега мѣловые, изрѣзанные, грядями, голые, съ полуглиною. Видъ печальный. Города не видно. Сильный вѣтеръ и намъ встрѣчу, волненіе. Палуба застроева корпусочками, покровами, навѣсами, такъ что ни съ одного пункта (кромѣ подмостка для капитана) нельзя смотрѣть, лишь по одному направленію. Для любопытнаго (каковъ и я) это грустно. Сверхъ того, на палубѣ столько народу, что едва можно найти мѣсто прижаться и стать. Люди больше движутся, переходя съ мѣста на мѣсто. Въ проходной свѣтилицѣ я засталъ барынь за картами. Имъ было стыдно; перестали играть. Ирбитская барыня читаетъ Англичанина Диксона объ Американскихъ религіозныхъ сектахъ, и восхищается: Диксонъ одобряетъ всѣ эти секты въ ущербъ признаннаго исповѣданія вѣры.

При мнѣ заговорили о митрополитѣ Иннокентіи, о преобладавшіи въ Сягодѣ оберъ-прокурора, заставляли и меня приговаривать. Я старался быть сдержаннымъ и осторожнымъ, однакоже не лживымъ п хвалителемъ ложнаго. Слава Богу, кажется, не сказалъ опаснаго, вреднаго или ложнаго.

Я видѣлъ Татарское селеніе, гдѣ я ночевалъ, ѣхавши въ Красную Слободу изъ Казани, на освященіе церкви во имя Казанскія Божія Матери, въ Октябрѣ 1861 года, и гдѣ я переплывалъ Каму въ то время. Даже, кажется, я видѣлъ и этотъ храмъ Казанскія Божія Матери (или совершенно похожій на него, мною тогда освященный, въ имѣніи графа Комаровскаго и супруги его Аделаиды). Сладкое воспоминаніе!

Я спустился въ каюту (въ 5 часу), прилежь. Со мною дѣлается дурно: лѣвая рука и вся лѣвая сторона и ноги стали нѣмѣть. Я сталъ усиливаться приводить въ движеніе лѣвую руку и ногу, но нѣмѣніе увеличивается, и со мною стало дѣлаться родъ *кориснія*; я свалился на полъ и уже не могу приподняться. Въ каютѣ, на другой сторонѣ, спитъ Ѳедоръ; я бужу его словами и дергая за рубаху правою рукою, спитъ, какъ мертвый. Отъ усилія встать сдѣлался приливъ *sementis* и туча. Я боялся сдѣлаться уродомъ, или мгновенно умереть. Но, слава Богу, всталъ, приподнялся, и минутъ чрезъ десять здравіе ко мнѣ возвратилось.

Надобно мнѣ помнить это явленіе. Мои соображенія: 1., въ этотъ день я буду у Казани, гдѣ я былъ семь лѣтъ и восьмой викаріемъ; 2., въ 1853 году, въ этотъ день, который былъ тоже Воскресеніе, я видѣлъ пророчесвенный сонъ, что меня будто посвятили викаріемъ въ Казань; 3. Въ Красноярскѣ, въ этотъ самый день и въ эти часы, влѣзь въ алтарь домовою архіерейской церкви воръ, сорвалъ антиминь, ободралъ Евангеліе и другія совершилъ святотатства и поруганія: тать-Еврей солдатъ. (Это мнѣ все написалъ изъ Красноярска тамошній о. кафедральный протоіерей Василій Дмитріевичъ Касьяновъ) 4. Въ этотъ же день, какъ мнѣ дано знать, отправлены изъ Красноярска ко мнѣ сюда, въ Перервинскій монастырь, мои рукописи (три ящика), въ которыхъ весь я, вся моя жизнь и всѣ тайны души моей. Спѣхъ ящиковъ я доселѣ (4 Ноября 1870 г.) не получилъ, и тяжело опасаясь, не попали бы они въ чужія руки, злые умы и злыя сердца! (Ящики получены сохранны 14 Января 1871 года). Но ты блажь еси, Господи, и милостивъ!

Въ 6-мъ часу пополудни мы подплыли къ устью Камы. Ея впаденіе въ Волгу почти подъ прямымъ угломъ. Правый берегъ Камы, составляющій уголъ съ лѣвымъ берегомъ Волги, совершенно низменный и голый—песчаная коса. Лѣвый же берегъ Камы обрѣзаетъ черная, мягкая земля, сажени три выше воды. Тамъ лѣсъ, поля и луга. Правый же берегъ Волги отвѣсная угрюмая каменная стѣна, валь,

хребеть, гряда камень зернистый, полугранить, потреснутый рядами желтовато бурога цвѣта. Такимъ тянется этотъ берегъ вверхъ и внизъ на всезримое пространство. Здѣсь цѣлые хребты великолѣпнаго алебастра. Хотя и Кама уже великая рѣка въ этомъ мѣстѣ, на сутки плаванія нашего, но предъ Волгою она становится въ разрядъ притока, дочери: величественная Волга здѣсь съ версту ширины и, можетъ быть, болѣе. (Но я здѣсь вспомнилъ свой Сибирскій Енисей, на примѣръ, въ Усть-Тунгузкѣ въ Енисейскѣ: о, далеко шире и величественнѣе Волги Сибирскій Енисей. Даже Обь тамъ, гдѣ я ее переплывалъ, много шире Волги).

Немного повыше Камы, на правомъ берегу Волги, хорошее село съ каменною церковію на скатѣ берега. Тутъ мы стояли минутъ двадцать. Сходили, входили пассажиры, складывали, накладывали кладъ, дрова для машины. (Не городъ-ли это Тетюши?) Лѣвый берегъ Волги низменный и открытый. Поднялся вѣтеръ довольно сильный, намъ противный, а и мы плывемъ теперъ уже противъ теченія: плаваніе очень медленное. Видѣли на правомъ берегу и еще село, тоже съ каменною церковію. (Не это ли Богородское?).

Я все вытягивался смотрѣть вдаль, впередъ, чрезъ лѣвый берегъ, желая увидѣть Казань. Тщетно: уже десятый часъ вечера, стало темнѣть. Что-то блѣдется впереди, но уже весьма не ясно. Я спросилъ у капитана, далеко ли Казань. 25 верстъ, сказали. Я перекрестился и ушелъ въ каюту. Легъ и заснулъ крѣпко.

Въ 11 часовъ ночи подплыли на *Казанскую пристань*. Поднялся страшный гвалтъ на пароходѣ: сходятъ, входятъ, сгружаютъ, нагружаютъ. Я слышу, безпокоенъ, но не просыпаюсь. Въ 12 часовъ меня разбудилъ Федоръ. Подаетъ письмо изъ Казани. Жандармъ, подавшій письмо, проситъ теперь же отвѣта. Письмо отъ Гавріила Ивановича Горталова, дворянина и чиновника по земству; проситъ усерднѣйше пожаловать къ нему въ домъ отдохнуть.

Такъ какъ я еще въ Перми рѣшилъ не быть въ Казани, то я написалъ карандашемъ: «не могу быть за слабостію здоровья и по другимъ обстоятельствамъ, сложившимся около меня такъ, что я вынужденъ лишить себя сего утѣшенія». Запечаталъ и отдалъ жандарму, а самъ молился и плакалъ. Въ два часа по полуночи пароходъ тронулся въ дальнѣйшій путь. И—я Казани не видалъ!

На пристани были два студента Университета. Какъ рожны, они совались вездѣ и всѣмъ мѣшали, со всякимъ зачинали заносчивыя

рѣчи, насмѣхались, важничали, какъ-бы какіе независимые ни отъ кого, ни отъ чего. Они были очень пьяны. Полицейскіе вѣжливо напоминали имъ долгъ и предостерегали отъ бѣды (наприм., они нагибались на рѣшетку надъ водою, могли перевѣситься и упасть въ воду). Студенты вступали въ юридическіе споры, важничая, что они знаютъ законы лучше полицейскаго. Вотъ скаредная молодежь, которая готовить Россіи тиравовъ, гордецовъ, мечтателей и возмутителей. Кажется, высокое правительство не достаточно близко и ясно понимаетъ положеніе нашихъ университетовъ и вообще всего круга гражданскаго образованія. (Сцену о студентахъ мнѣ разсказалъ мой Фодоръ, очевидецъ, своимъ языкомъ. Потомъ и прочиталъ о томъ же въ газетахъ. Слава Богу, что я не видалъ этого).

Предъ Казанью Волга верстахъ на десяти почти уходитъ въ пески и оставляетъ на поверхности столько воды, что едва можно съ осторожностію пройти судну, и столько суживается по широтѣ, что не безопасно встрѣчному судну разойтись.

20-е число Юля. Понедѣльникъ. Съ пророка Иаи.

Вчера, подплывая къ Казани и вспоминая мое тамъ житіе, и молился и плакалъ, плакалъ горько и глубоко. Прочиталъ четыре канѣнны и заснулъ.

Въ десятомъ часу подплыли къ селу *Сундырь*. Большое торговое село. Двѣ каменные церкви. Есть каменные дома. Звонять къ литургіи; я помолился въ душѣ моей и порадовался. Тутъ была нагрузка дровъ и смѣщеніе и входъ сѣдоковъ.

Я чувствовалъ себя дурно. Давила какая-то грусть и тоска. Боялся заболѣть и просилъ крѣпко пощады себѣ у Бога. Выходилъ на палубу, чтобъ освѣжиться; но здѣсь такъ людно и такія передвиженія, что невольно надобно уйти. По сану моему я тотчасъ обращаю на себя вниманіе и дѣлаюсь зрѣлищемъ любопытныхъ.

Въ четвертомъ часу пополудни мы были у города *Козмодемьянска*. Двѣ каменныхъ церкви, въ городѣ, третья впереди его, вѣроятно, кладбищенская, въ роищѣ. Городъ маленькій, но стоитъ на красивомъ скатѣ втораго берега (а первый идетъ высокою стѣною надъ нимъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи), городъ, однакоже, стоитъ высоко надъ рѣкою (примѣрно сажень двѣнадцать). Я назвалъ бы его *зеленымъ*, оттого, что онъ весь въ зеленыхъ садахъ и садикахъ, и высокой берегъ, что надъ нимъ, тоже въ густой, свѣжей, дѣвственной зелени.

Рѣка Волга въ этомъ мѣстѣ съ версту. Она здѣсь не имѣеть острововъ. Правый берегъ ея стѣна, въ 50—70 сажень, покрытая зеленымъ лѣсомъ: есть дубы, липы, орѣшникъ. Лѣвый низменный: это уже Вятская губернія. Видно хорошее село съ каменною церковію и дремучій лѣсъ (выгорѣвшій однако года за три предъ симъ).

Козмодемьянскъ давалъ мнѣ два воспоминаія. *Первое*, въ проѣздѣ мой чрезъ него въ Вятку, въ первыхъ числахъ Марта 1835 года; *второе*, въ проѣздѣ мой въ Казань, въ Мартъ же 1854 года. Въ оба раза я тогда былъ счастливъ и радостенъ и здоровъ, наслаждался жизнію и готовился къ высшей службѣ. Нынѣ я хилъ и увылъ и безъ общественной службы.

Прѣйтская барыня съ двумя дочками накормили меня отличною садовою малиною, здѣсь купленною, со сливками и сахаромъ. И покушалъ, ничтоже сумляясь, яко даръ Божій.

Со мною вступалъ въ разговоры купецъ города Охотска Яковъ Спиридоновичъ. Да благословитъ его Богъ! Честный и искренній Русскій христіанинъ.

Въ 7 часовъ пилъ чай съ хозяиномъ, Григоріемъ Козмичемъ, въ свѣтлицѣ.

21-е число Юля. Вторникъ. Сглаголи Христа ради юродиваго и Иоанна. Пророка Іезекіила.

Помолившись и начптавшись досыта въ каютѣ, я въ восемь часовъ вышелъ на палубу. Меня пригласилъ пить чай съ собою Григорій Козмичъ.

Въ эту ночь у насъ на пароходѣ *приключеніе*:

Вчера, въ 10 часовъ вечера, крестьянинъ изъ Елабуги Дмитрій, 22 лѣтъ, холостой, намѣренно ли бросился въ воду, или по неосторожности вздремалъ и перевѣсился, и упалъ въ воду, никто не знаетъ. Однако тотчасъ пароходъ былъ остановленъ, спущены лодки, искали долго и не нашли утопленника. Осталась его сумочка, въ ней нашли только кусокъ хлѣба. Товарищей и знакомыхъ на пароходѣ не было: дѣло покрылось мракомъ. Вѣдаетъ Господь! Не отчаяніе ли? Не бѣда ли? Не злодѣяніе ли томило душу этого Дмитрія?

Въ 11 часовъ дня мы увидѣли Нижній-Новгородъ и окрестности его. Пріятная, красивая и великолѣпная мѣстность. Подъ самымъ го-

родомъ вливается въ Волгу Ока, которая сама не менѣе Волги, въ этомъ мѣстѣ сверху къ ней подошедшей.

Волга шла съ Востока на Западъ и въ Нижнемъ, упершись въ каменную гору, круто повернула налѣво, на Югъ, а Ока въ этомъ мѣстѣ и до того шла на Югъ, такъ что какъ бы Волга въ нея впала.

Лѣвый берегъ Волги на далекое пространство виденъ съ горы Нижняго. Видно сліяніе Оки съ Волгою, луга, озера, села, четыре каменные церкви въ одной слободѣ, и на правомъ берегу хорошее село съ каменною церковію. Передъ самымъ городомъ значительная возвышенность второго берега и на немъ расположенъ обширный и богатый Печерскій монастырь, имѣющій рощи и сады. Надъ монастыремъ виситъ стѣною, первый берегъ. За монастыремъ круглая каменная гора (примѣрно сажень сто вышиною), полу-овальная, версть въ пять. На ней расположенъ Нижній-Новгородъ, обширный, богатый, очень красивый.

Здѣсь я распростился съ парохомъ, сѣлъ на хорошій экипажъ пзвощика съ Ѳедоромъ и поѣхали въ городъ.

Иеродіакона Іустина я оставилъ на пароходѣ, чтобы онъ оберегалъ нашу кладь и багажъ, и дождался пріѣзда за всеѣмъ этимъ пзъ города по моему распоряженію.

Больше версты мы втягивались на гору, по дорогѣ, высланной чисто будыжнымъ камнемъ (какъ это въ Россіи, въ городахъ). Дорога шла лентою, огибая овальную гору и постепенно поднимаясь. Гора усажена деревьями, а открытыя мѣста, какъ бы ковромъ, покрыты пзяцною зеленою травою: видно, что тутъ есть заботливая рука человѣческая и бдительное наблюденіе. Такого прекраснаго пути вѣтъ во всей Сибири ни на десять сажень. Сибирь не знаетъ этого наслажденія изяществомъ природы.

Чѣмъ болѣе мы поднимались на гору, тѣмъ шире становился нашъ горизонтъ, и мы восхищались (по крайней мѣрѣ я) торжествомъ благословенной природы.

Видно была и ярмарка, но я не успѣлъ окпнуть ее взоромъ и даже подливно не зналъ ее ли я вижу.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА *).

XVI. Нижній-Новгородъ.

Пріѣхали въ архіерейскій домъ. Преосвященный Филаретъ принялъ меня дружелюбно. Онъ поразилъ меня собою: едва движется, такъ что моя ходьба, съ моими больными ногами, можетъ почитаться сравнительно молодецкою. Лицо его имѣетъ свѣжій жизненный румянецъ, но опять на рукахъ, по крайней мѣрѣ на правой, пальцы омертвѣли, недвижимы и сохнутъ. Словомъ, преосвященный Филаретъ совершенно болязненный и уже давно вовсе и не можетъ служить. Онъ изъ Уніатовъ, тонкій и деликатный. Впрочемъ, нужда заставила говорить и его, и меня. Я тотчасъ попросилъ у преосвященнаго дозволенія съѣздить въ Печерскій монастырь, чтобъ тамъ видѣть и отдать уваженіе преосвященному Іереміи, живущему здѣсь на покоѣ.

Путь версты три, и опасный: спускъ подъ гору сажень на сорокъ и довольно крутой; тормозили. Меня проводили до преосвященнаго Іереміи. Онъ живетъ въ восточной части монастыря, которая отъ въѣзда есть задняя, въ смиренномъ флигелѣ, однакоже двухъ-этажномъ. Онъ меня встрѣтилъ съ восторгомъ и любовію. Мы наговорились до сыта. Онъ показалъ мнѣ свою домовую церковь. Она въ слѣдующей залѣ, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Иконостасъ на золотѣ, настоящій церковный. Кажется, онъ самъ служитъ по священнически. У него келейникъ, кажется, іеродіаконъ Никонъ, лѣтъ 30. Келія весьма уединенная. На Западъ храмъ Божій и кладбище съ садомъ, на Востокъ, чрезъ стѣну, вся вселенная, Волга, ея окрестности; на Югъ, конецъ корпуса и видъ на первый берегъ Волги, стоящій стѣною, покрытой густымъ лѣсомъ и висящею надъ монастыремъ. Къ Сѣверу, продолженіе корпуса и неизвѣстное (мнѣ) назначеніе его.

Преосвященный опасается провалиться со всѣмъ зданіемъ, въ которомъ живетъ. Сѣверо-восточная сторона монастыря (а именно гдѣ живетъ Іеремія) угрожается проваломъ, который подходитъ къ монастырю ближе и ближе. Подземные ключи подмываютъ основаніе грунта на глубинѣ 10—20 сажень.

---

*) См. выше стр. 118.

Преосвященный пожалѣлъ, что я не знаю никакого рукодѣлія, ни искусства, чѣмъ бы наполнять праздное время (котораго нельзя не имѣть). Самъ онъ видно занимается чѣмъ-либо.

Преосвященный жалѣлъ объ Астраханскомъ преосвященномъ Аѳанасіѣ, тоже уволенномъ на покой (въ одинъ день со мною): «ищетъ монастыря, гдѣ бы помѣститься». Я послѣ узналъ: преосвященный Аѳанасій изъявилъ Синоду желаніе помѣститься въ *одномъ* изъ Астраханскихъ монастырей. Синодъ же ему указалъ *другой* монастырь, тутъ же въ Астрахани. Этотъ монастырь бѣдный, а тотъ богатый.

Здѣсь проживалъ въ останкѣ дней своихъ, недавно скончался и здѣсь же погребенъ архимандритъ Иннокентій, изъ Московскихъ (мѣщанскій или купеческій сынъ). Онъ былъ игуменомъ въ Новгородскихъ Саввы-Вишерскаго и Отенскомъ монастыряхъ, гдѣ я у него бывалъ. Въ молодости онъ былъ въ Іерусалимѣ. Здѣсь духовный отецъ его, имѣвшій бороду до земли, сказалъ ему: «Оставайся здѣсь, если хочешь спасти душу свою, а въ Россіи очень трудно, отъ *безстыдства* *жизнь*». Иннокентій не послушался и едва ли не потерпѣлъ бѣду отъ послѣдняго пророчества. Я подошелъ къ могилѣ его и прочиталъ заупокойную молитву. Катились слезы.

Монастырь Печерскій отданъ въ управление викарію здѣшнему Поликарпу. Надлежало зайти къ нему, хоть я ужасно утомленъ, его не знаю, время утекало, меня ждали преосвященный Филаретъ къ обѣду. Былъ. Поговорилъ. Онъ Московской Академіи, 1838 года (11-го курса), Тамбовскій родомъ, былъ викаріемъ Петербургскимъ. Видно, есть либо ошибки, либо несчастія по службѣ; благообразный, важный, огромная черная борода, пересыпанная слегка сѣдинами. Онъ лишь возвратился изъ путешествія по епархіи. Комнаты приличныя, на Сѣверо-западѣ. Садъ. Волга. Печерскій монастырь весь въ садахъ и рощахъ, пышныхъ, зеленѣющихъ, благоуханныхъ. Двѣ особы старинныя церкви. Монастырь продолговатый, думаю, сто сажень и болѣе, а въ ширину 60—70. Въ 1854 году, въ Мартъ, проѣзжая въ Казань, я простился съ преосвященнымъ Іеремією (онъ тогда былъ епархіальный) на Волгѣ, *противъ этого монастыря* (преосвященный провожалъ меня). Почитаю для себя это случайное обстоятельство примѣчательнымъ. Черезъ 16-тъ лѣтъ и я, тоже уволенный, какъ онъ, и видимся *на той же линіи* земли.

Я возвратился уже въ 4-мъ часу. Меня преосвященный Филаретъ ждалъ. Стыдно, а обстоятельства не дозволили сократить время. Обѣдъ деликатный, Шампанское, разговоры добрые. Завтра тезоименитство Императрицы. Преосвященный приглашалъ служить въ соборѣ; я отказался (и по слабости здравія, и по разстройству живота). Служилъ преосвященный викаріи.

Во всеобщее я былъ въ домовой архіерейской церкви; обширная и богатая церковь. Пѣніе общее церковное. Служилъ ставленникъ.

Потомъ я ходилъ гулять по саду; большой садъ и огромнѣйшія дерева, вязы и липы. Онѣ, конечно, видѣли Минина и Пожарскаго. Есть хозяйственныя посадки, овощи; есть плоды кустарные и древесные. Садъ содержится въ чистотѣ, дорожки выметены. Преосвященный жаловался и на стѣсненія духовенства отъ гражданства и на стѣсненія духовенствомъ архіерейской администраціи. Жалоба тонкая, разумная, осторожная, а однако все же жалоба; и я радъ, что и не наши мыслить по нашему.

Преосвященный Филаретъ, въ Апрѣль мѣсяцъ сего года, прислалъ на имя мое въ Красноярскъ *сто рублей* и просилъ передать ихъ *Василію Евграфовичу Вердеревскому*, бывшему вице-губернаторомъ въ Нижнемъ, осужденному и сосланному въ Сибирь по дѣлу о расхищеніи казенной соли въ Нижнемъ на милліоны. Я передалъ этому господину Вердеревскому сія деньги чрезъ о. протоіерея, показавъ ему и письмо Филарета. Вердеревскій былъ у меня и просилъ благодарить преосвященнаго, сказывая, что онѣ его *почти не знаетъ* и едва видѣлъ разъ или два. Между тѣмъ о. протоіерей мнѣ сказалъ, что этотъ господинъ живетъ въ Красноярскѣ деликатно и широко, имѣетъ богатую квартиру. Его Государь скоро почти простилъ, дозволивъ ему возвратиться изъ Сибири и проживать въ Рязанской губерніи у родныхъ. Онѣ выбылъ изъ Красноярска немного раньше меня, но я нагналъ и обогналъ (кажется) его, хотя вовсе не видалъ. На одной станціи мнѣ сказали о немъ, что онѣ движется *нищенски* и просить покормить его. Дивно и загадочно! Удивительно и то, за что, отъ чего, почему, у Филарета милость и сердоболіе къ такому человѣку, который его почти не знаетъ?! Оставляю совѣстямъ ихъ предъ Богомъ.

Филаретъ епископомъ съ 1851-го года. Былъ викаріемъ въ Вильнѣ, епископомъ въ Уфѣ (съ 1860 года) и недавно въ Нижнемъ. Въ нынѣшнемъ году онѣ получилъ орденъ Александра Невскаго. За что же?— «За то, что *есть*, живетъ въ домѣ, и не служить», сказалъ съ горечью мнѣ на пароходѣ Нижегородскій гражданинъ.

Въ комнатѣ, отведенной для меня, на стѣнѣ большой портретъ (поясной) Василія архіепископа Полоцкаго (изъ Уніатовъ), нынѣ просто члена Святѣйшаго Синода). Какая тяжко отталкивающая фигура! И злость, и коварство, и брюзга. Ей, я не могъ примириться съ этою несчастною физиономіею.

Преосвященный Филаретъ былъ ректоромъ въ Полоцкѣ (у этого Василія). Конечно орденъ Св. Александра полученъ по протекціи этого преосвященнаго Василія; но и самому кліенту видно въ тягость это

видѣніе своего патрона (онъ повѣсилъ его въ нежилую полу-лакейскую). Либо это сдѣлано во искушеніе, или для науки—*мнѣ!*

Экономъ архіерейскаго дома бѣлый священникъ. Домъ сущая пустыня и *таинственность*: никого не видно. Ѳедоръ мой остался безъ обѣда; не у кого попросить. А домъ сущій дворець. Подъѣздъ вельможескій, а также крыльцо и лѣстница. Залы убраны портретами и зеркалами въ золотыхъ рамахъ. Домъ въ два крупныхъ этажа. Противъ дома (за подъѣздомъ) сажень во сто и болѣе длиною и шириною садъ. Словомъ, это домъ, какихъ немного въ Россіи у архіереевъ.

Предшественникъ Фларета въ Нижнемъ былъ епископъ, а потомъ архіепископъ Нектарій, нынѣ Харьковскій. Онъ украсилъ и обновилъ Нижегородскій архіерейскій домъ. На сіе дѣло требовалась немалая сумма, а ея при домѣ не было. Нектарій испросилъ въ Св. Синодѣ (онъ тамъ засѣдалъ въ тѣ годы) дозволенія закрыть Макаріевскій монастырь, (при которомъ была знаменитая Макаріевская, чтò нынѣ Нижегородская ярмарка), а вмѣстѣ *перевести капиталы монастыря* и, вѣжется, ризницу и цѣнности, *въ архіерейскій домъ*, для поправки его. Все это Нектарію дозволено, и онъ на сіи-то капиталы вельможественно обновилъ домъ свой. Это весьма озлобило Нижегородское гражданство. Нектарія, при возвратѣ его изъ Синода въ Нижній, хотѣли встрѣтить *каменіемъ!* (Это мнѣ тоже рассказали на пароходѣ). Ему дали Харьковскую епархію. Купечество Нижегородской ярмарки думаетъ просить Государя о возстановленіи Макаріевскаго монастыря, почитая преподобнаго Макарія покровителемъ ярмарки. Во мнѣніяхъ и дѣяніяхъ преосвященнаго Нектарія много сходства съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, современникомъ Петра Великаго. Новѣйшее преобразование духовнаго обученія двигалось и завершилось, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ, трудами преосвященнаго Нектарія.

22-е число Юля. Середа. Св. Маріи Магдалины.

Спалъ тихо. Не вставалъ ночью для нужды. Даже, чтò приписываю великому милосердію Божію, вчера, съ парохода во весь день, я ни разу не имѣлъ нужды: это меня освобождало для дѣйствій и явокъ и радовало. Во свѣ: «Послѣ долгаго путешествія подъѣзжаю къ родинѣ. Радуюсь. Читаю надъ чѣмъ-то, или надъ кѣмъ-то надпись: *memento mori!* (помни умереть). Видно, близка моя кончина: буди воля Господня! Царскій день. Былъ у литургіи въ домовоі церкви (въ соборѣ служилъ преосвященный викарій). Я написалъ и послалъ телеграмму митрополиту Московскому Пиннокентію: «Дозвольте, владыко, мнѣ, проѣзжающему изъ Красноярска, остановиться въ домѣ вашемъ на нѣсколько. Епископъ Никодимъ».

Вчера на желѣзной дорогѣ, куда отвезли мою поклажу; только сложили, а не приняли, для моей же пользы и спокойствія. На желѣзной дорогѣ мнѣ растолковали, что столь малую кладь (14 или 15 пудъ) мы примемъ въ тѣ вагоны, съ коими вы поѣдете: у насъ есть багажные. А если бы вы захотѣли отдать вашу кладь въ товарные поѣзды, то тамъ, при сотняхъ тысячъ пудовъ разныхъ кладей, движущихся ежедневно въ Москву и изъ Москвы (началась ярмарка) вы приняли бы много безпокойства и въ сдѣлчѣ, и въ полученіи вашей клади. Какъ капля въ морѣ, ее не скоро бы и отыскалп. Спасибо имъ!

Обѣдъ у преосвященнаго праздничный. Въ два часа пріѣхалъ викарій. Обѣдали втроемъ. По неуваженію къ суетнымъ обрядамъ при столахъ, я не сдѣлалъ *тоста* преосвященному Филарету за рюмкою Шампанскаго. Почему-то я обратился къ викарію. Это смутило преосвященнаго Филарета. Я сталъ извиняться, но извиненіе хуже молчанія. И я послѣ того смутился и, кажется, это такъ повліяло на обоихъ насъ, что мы встали и раскланялись *истуканами*. Вотъ какъ иногда ничто дѣлаетъ вѣчто! Хотя я тяготился пребываніемъ у преосвященнаго, видя его болѣзнь и скуку и догадываясь, что онъ безмѣрно тяготится мною и опасается, какъ бы я чего нибудь неблаговиднаго у него не подсмотрѣлъ и не подслушалъ, но однѣ сутки надобно же было провести мнѣ въ Нижнемъ, чтобъ перегрузиться съ парохода на желѣзную дорогу, и потому я невольно оставался въ архіерейскомъ домѣ этотъ день.

Спасибо, владыка далъ мнѣ карету и особую лошадь для поклажи, и мы въ пять часовъ отправились на желѣзную дорогу.

Мы проѣхали другую половину города, западную, по длинѣ его. Богатый городъ, даже изящный. По улицамъ опрятность и чистота, дома большіе каменные, и одинъ другаго лучше. Ыжавши отъ архіерейскаго дома (онъ, кажется, въ срединѣ города) съ версту, мы начали спускаться внизъ по оврагу, но отлично выровненному. Спускъ довольно отлогій (больше версты). Дно оврага выстлано булыжнымъ камнемъ, съ канавками и откосами по бокамъ, тоже выложенными камнемъ, бока оврага выложены дерномъ, который покрытъ прекраснѣйшею зеленью, какъ ковромъ (траву, видно, подбашиваютъ); чѣмъ дальше спускаешься, тѣмъ бока оврага становятся выше и выростають до большой высоты, а межъ тѣмъ по краямъ ихъ видѣются хорошія городскія постройки и сады. По выѣздѣ изъ оврага открылась окрестность: Волга, изгибающаяся дугою у города прямо противъ насъ; поперекъ намъ слѣва вливается Ока въ Волгу. По Окѣ построенъ широкій, покойный деревянный мостъ, настланный досками и раздѣленный на двѣ шпрокія половинны. Направо и впереди пароходы и баржи,

коимъ конца невидно; налѣво въ Окѣ тоже судна въ большомъ количествѣ. (Есть ли между ними пароходы, не помню).

Тотчасъ по переѣздѣ черезъ Оку начинается знаменитая Всероссийская Нижегородская ярмарка. Мѣстность ровная, но низменная. Ярмарка прислонена къ лѣвому берегу Оки и правому Волги и составляетъ тупой уголъ устья на большое пространство (я его опредѣлить не могу). Въѣхавши въ ярмарку, мы поворотили налѣво и ѣхали краемъ ея у берега Оки; ѣхали версты двѣ. Направо намъ встрѣчались ряды корпусовъ, смотрящіе другъ на друга, составляющіе изъ себя улицы, не видно конца имъ. Проѣхали зданія два, безъ сомнѣнія храмы, но чьи, не знаю: ибо есть и кирпичи, и костелы, и мечети, и даже синагоги. И въ глубинѣ направо тоже видны церковныя возвышенія. Зданія каменныя, недавнія; но идетъ и еще обширная постройка новыхъ безконечныхъ каменныхъ зданій тамъ и здѣсь. Народу много, какъ въ городѣ; но еще не открыта торговля.

Подѣхали къ вокзалу. Онъ на концѣ ярмарки. Я пріѣхалъ рано. Часъ и болѣе сидѣлъ въ вокзалѣ. Однакоже въ это время мои ребята, Ѳедоръ и іеродіаконъ, сдавали багажъ, брали билеты. Мы съ Ѳедоромъ взяли первый номеръ, іеродіакону дали второй. По сану моему я былъ въ рясѣ, камилавкѣ, клобукѣ съ панагіею. Это дѣлало изъ меня предметъ любопытства для большой публики, здѣсь собравшейся. Многіе, вѣроятно, впервые видятъ монаха и архіерея (я былъ въ простой шерстяной черной рясѣ). Тутъ были, конечно, иновѣрцы и даже иностранцы; но и я смотрѣлъ съ разнородными чувствами на эту смѣшанную публику. Господствуетъ совершенно не Русская народность. И *вопервыхъ*, всѣ въ шапкахъ (что не по-русски). За боярами, чинами и Французами и глупый мѣщанинъ тоже въ шапкѣ и тоже вытягивается, дабы показать, что и онъ не отстаеетъ отъ вѣка. *Второе*, нѣтъ мужчины безъ сигары во рту. Съ сигарою гуляетъ, сидитъ (и какъ сидитъ, гнусно взглянуть), даже говоритъ половину, держа въ зубахъ сигару. *Третье*, мужской костюмъ обыкновенно короткій, но иногда до того, что мерзко взглянуть. *Четвертое*, видъ смѣлый, т. е. наглый и нахальный. «Не тронь меня! Я тебя!» *Пятое*, и женщины наиболѣе имѣютъ недостатокъ скромности, кротости, цѣломудрія, тихости и стыда: открытымъ челомъ идетъ прямо на тебя: посторонись; иначе она опрокинется на тебя. Парижскіе рисунки для костюма склоняютъ къ продажѣ цѣломудрія, торговлѣ стыдомъ, хвалятся безстыдствомъ. И какія выдумки! Сущее шутовство, полное отсутствіе степенности, уваженія къ обществу. Не имѣя случаевъ бывать при подобныхъ сборищахъ, я этотъ часъ въ вокзалѣ сидѣлъ какъ на раскаленныхъ угольяхъ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА *).

ХVІІ. Отъ Нижняго въ Москву.

Въ шесть или семь часовъ вечера мы сѣли въ вагонъ. Услужливые комиссары (въ полу-военномъ костюмѣ) сдѣлали для меня все наилучшимъ образомъ: а, цѣлое отдѣльное сидѣніе, карету 1-го номера, отдали одному мнѣ съ Ѳедоромъ; б, карета имѣла надпись «для некурящихъ сигары» (спасибо; я слѣдовательно и запаха не слыхалъ сигаръ); в, въ нашемъ сидѣніи другъ противъ друга на двухъ противуположныхъ диванахъ можно бы свободно помѣститься восьми чело-вѣкамъ: мы сидѣли двое. Карета изящно обшита драдедамомъ нагаго цвѣта. Стекла въ окнахъ зеркальныя, большія, поднимаются удобно и спускаются, какъ въ каретѣ. Когда мы сѣли, былъ дождь и громъ. Помчались быстро. Окрестности быстро измѣнялись. Мѣсто ровное, низменное: мы не переѣхали ни одной горы, сколько-нибудь стоющей этого названія. Мосты желѣзные, или готовятся въ замѣну деревянныхъ (вѣроятно послѣ сожженія моста на Мстѣ, на Петербургской желѣзной дорогѣ).

23 число Іюля. Четвергъ. Св. Трофима и Θεофила.

Въ полночь, или немного позднѣе, мы были во Владимирѣ. Я уже дремалъ, однако около этого времени проснулся. Городъ стоитъ на берегу рѣки Клязьмы, гористомъ и волнистомъ. Желѣзная дорога идетъ у рѣки, по скату берега, огибаетъ городъ, а въ него не входитъ. Тутъ долгая остановка. Большой вокзалъ. Сходятъ съ вагоновъ, входятъ, сгружаютъ, нагружаютъ. Межъ тѣмъ въ вокзалѣ готовы кушанья. Вошелъ и я, чтобъ что нибудь видѣть. Выпилъ чашку чая (10 коп.) и пошелъ.

Городъ Владимиръ губернской. Напрасно его проѣзжаютъ въ полночь. Городъ древнѣйшій въ Россіи, примѣчательный великими отечественными событіями и исполненъ святостей. Я думаю (пусть простятъ мнѣ), все это и было причиною закрыть отъ проѣзжающихъ этотъ

*) См. выше, стр. 281.

патріотическій городъ. Въмѣсто созерцанія святостей здѣсь поставили корчму для пьянства и объяденія въ полночь! *Упивающіеся въ нощи утѣваются.* Такъ какъ желѣзныя дороги у насъ строятъ иностранцы, которые вмѣстѣ суть иновѣрцы, то діаволь и подущаетъ ихъ какъ можно дальше становиться отъ святости и заслонять себя отъ нея, и къ тому же обучать Русскихъ! Мнѣ особенно это было тяжело потому еще, что я изъ Красноярска писалъ здѣшнему викарію, Іакову, епископу Муромскому, прося у него дозволенія побыть во Владимірѣ и погостить въ его жилищѣ. Онъ, конечно, ждалъ меня. Я его обманулъ, оскорбилъ. Онъ жаловался мнѣ. Но, о Боже! Мнѣ слѣдовало бы сойти съ желѣзной дороги въ полночь; слѣдовало разыскивать жилище викарія, стучать и толковать, допрашивая и объясняясь, либо-ждать дня въ какой нибудь гостиницѣ съ пѣвицами. Я не рѣшился на это, особенно при слабомъ здравіи.

Версть за семьдесятъ и, можетъ быть болѣе, уже разсвѣло, все видно: виды прекрасныя. Селенія и церкви направо и налево.

Мы подѣхали къ Москвѣ въ восьмомъ часу утра. Я вошелъ въ вокзалъ и перекрестился. Присѣлъ отдохнуть. Ко мнѣ подходит почтенный іеромонахъ, экономъ митрополичьяго дома о. Арсеній и предлагаетъ мнѣ карету. Я возблагодарилъ Бога и вспомнулъ молитвенно митрополита Иннокентія.

Въ вокзалѣ сущая ярмарка. Суета, бѣганіе, клики, поиски, озабоченность; несутъ охапками свои пожитки. Комиссары прислуживаютъ. И я долженъ былъ распорядиться о пріемѣ съ вагоновъ нашего багажа и доставкѣ его на митрополичье подворье. Мы оставили здѣсь іеродіакона Іустина и моего Ѳедора. Я попросилъ, и о. Арсеній обѣщался, прислать сюда лошадь съ телѣгою для пріятія клади.

Мы поѣхали съ о. Арсеніемъ.

Станція Нижегородской желѣзной дороги не въ Москвѣ, а внѣ ея, на вольномъ мѣстѣ, и занимаетъ по крайней мѣрѣ квадратную версту. Корпуса и навѣсы, сараи и лабораторіи, кузницы и столярни, линіи разнородныхъ вагоновъ, товарныхъ, пассажирскихъ, рельсовъ груды, рельсовыхъ экономическихъ путей для вытяжки, выходовъ вагоновъ нагруженныхъ и для нагрузки: не можетъ объять скоро и око зрѣніемъ. Это цѣлый механический и товаро-складочный и накладной городъ. Удалившись отъ желѣзнодорожнаго городка, мы вѣхали въ хорошую городскую улицу, обстроенную хорошими деревянными и каменными домами. На версту и болѣе эта улица еще передъ заставою (кажется, Рогожскою или Роговскою). Все это привлекла желѣзная дорога, потому что до нея здѣсь было чистое поле. Я дивился.

Въѣхали въ Москву и ею ѣхали до Троицкаго митрополичьяго подворья версты три. Приѣхали, и я возблагодарилъ Бога за благополучное окончаніе пути моего столь длиннаго и тяжкаго.

ХVIII. Москва.

Къ 10 часамъ дня привезена съ желѣзной дороги моя кладь, и мы, всѣ трое (я, Ѳедоръ и іеродіаконъ Іустинъ) нашли себѣ тихое пристанище въ домѣ митрополита. Владыка въ это время былъ въ Черкизовѣ, въ своемъ загородномъ домѣ. Меня принялъ въ свои комнаты, внизу, о. экономя и уступилъ мнѣ свою залу.

Къ митрополиту (версть шесть) ѣхать было бы поздно; я приѣхалъ бы незванный къ обѣду; а мнѣ, послѣ толикаго пути, при моемъ хиломъ здоровьи, хотѣлось отдохнуть. Кромѣ сего мнѣ хотѣлось начать представленія мои въ Москвѣ молитвою и поклоненіями предъ святостію Москвы. По всему этому я, достигши уже своего пристанища, не хотѣлъ торопиться и положилъ этотъ день остаться дома для отдыха. И столько, сколько я уже проѣхалъ Москвою, мнѣ показало удивительное ея улучшеніе. Грязная площадь, улицы и переулки у Рогожской заставы нынѣ уже суть городъ чистый, даже богатый, иногда великолѣпный и изящный. Мнѣ дали хорошій обѣдъ и ужинъ. Я въ полномъ покоѣ. Вокругъ меня тихо. Окна въ садъ и на огороды, принадлежащія митрополичьему дому (на арендѣ, кажется, за пятьсотъ рублей). Въ 6 часу былъ крупный дождь-ливень. Гремѣлъ громъ. Воздухъ свѣжій, влажный, живительный. Я радовался. Въ Сибири это рѣдкость. Тамъ сухой воздухъ мгла, изгарь, вѣтры.

24 число Іюля, Пятница. Св. Христинь. Бориса и Гльба. Поликарпа Печерскаго.

Спалъ тихо, всталъ умиленно-радостно. Въ 7 часовъ литургія въ домовою церкви. Я пошелъ. Стоялъ въ алтарѣ, въ моленной, гдѣ 50 лѣтъ молился великій Филаретъ. Я исчезалъ въ умиленіи и обливался слезами. Но я столь немощенъ, что едва могу стоять, и мнѣ душно безъ вѣшняго воздуха. Спасибо, въ алтарѣ полурастворено одно окно. Служилъ старецъ, іеромонахъ, весьма благоговѣнно, діаконъ степенно, поющіе складно и неспѣшно. Они пѣли не на клиросѣ, а у западной стѣны церкви. Преумно: на клиросѣ они засловили бы собою полѣиконоштаса, и неприятное зрѣлище молящимся. Церковь меньше нашей Красноярской, изящная, но самая простая. Есть молящіеся.

Въ 9 часовъ мы поѣхали въ городъ (я не пилъ чаю). Приѣхали. 1. Къ часовнѣ Иверской Божіей Матери. Поклонились, приложились. Часовня сія принадлежитъ Перервинскому монастырю. Я просилъ себѣ

благословенія и милости у Матери Божіей подъ Ея покровомъ въ Перервенскомъ монастырѣ, гдѣ ямвю водвориться. Поѣхали въ Кремль чрезъ Никольскіе ворота.

2. Вошли въ Успенскій соборъ. Здѣсь кончаютъ литургію, предъ *Отче нашъ*... Я остановился съ правой стороны, у прохода, между колоннами. Обождаль конца литургіи. Вошелъ въ алтарь. Поклонился святости. Обошелъ и поклонился св. мощамъ Петра, Іоны и Филиппа, Московскихъ святителей, а также множеству частицъ св. мощей великихъ угодниковъ Божіихъ, собранныхъ въ сѣверномъ придѣлѣ собора. У мощей св. Іоны меня обласкалъ и утѣшилъ старецъ іеромонахъ. У сѣверныхъ дверей я встрѣтилъ профессора, сына іеромонаха Антонія, Павлова, чдѣ въ Красноярской домовоі церкви. Профессоръ въ бородѣ. Онъ меня узналъ, а не я. Ёдетъ въ Одессу, въ тамошній Университетъ, профессоромъ. (Въ Казани, къ мое время, онъ былъ бакалавромъ тамошней Духовной Академіи). Обходя молитвенно вокругъ собора, я остановился противъ гробницы блаженнаго патріарха Гермогена. Онъ Казанскій, былъ архимандритомъ въ тамошнемъ Преображенскомъ монастырѣ (гдѣ и я былъ въ 1854—1861 годы викаріемъ). Онъ построилъ въ этомъ монастырѣ соборъ Преображенія Господня, существующій и доселѣ. При немъ открылись мощи святыхъ Гурія и Варсонофія Казанскихъ. Онъ былъ и митрополитомъ Казанскимъ, откуда воззванъ въ патріарха Всероссійскаго въ Москву. Онъ патріаршествовалъ въ Москвѣ въ годину самозванцевъ, междуцарствія, мятежей и нашествія Поляковъ, которые и уморили его голодомъ, за несогласіе его признать царемъ Россійскимъ Польскаго царева сына Владислава, *безъ крещенія въ православную вѣру*. Я прочелъ предъ гробницею заупойную молитву и поклонился ему. Въ алтарѣ, водившій меня указалъ мнѣ на ковчегъ на престолѣ, сказавъ: «Здѣсь хранится завѣщаніе императора Александра Николаевича на случай его кончины». Если правда (руководившій меня, кажется, простецъ), дѣло доброе, успокоительное для Россіи.

3. Пришли въ Благовѣщенскій соборъ. Помогались, поклонились. Въ паперти на стѣнныя изображенія Матери Божіей и Христа Спасителя положены кованныя серебряныя ризы. Чудодѣйствуютъ сіи иконы. И при насъ служили молебень. Здѣсь почиваетъ подлинная икона *Донскія Божія Матери* въ иконостасѣ. Соборъ сей при царяхъ былъ придворный и соединялся съ дворцомъ. Нынѣ онъ тоже числится придворнымъ, но номинально. Онъ отдѣленъ нынѣ отъ дворца совершенно.

4. Пришли въ Архангельскій соборъ. И здѣсь литургія уже кончилась. Почтенный и ученый протоіерей этого собора (не главный).

Меодій Смирновъ, обвелъ меня вокругъ и показалъ чего я желалъ, и объяснилъ. Соборъ этотъ заставленъ кругомъ гробницами царей (я полагалъ бы возвышенія надъ гробницами святъ, а для опредѣленія мѣста, гдѣ какой царь почиваетъ, вставить въ стѣнѣ металлическія дощечки съ обозначеніемъ вкратцѣ, кромѣ имени, и самой біографіи. Соборъ распространился бы, и праху царей чтó за обида, когда могилы ихъ сравниваются съ помостомъ церковнымъ? Съ южной стороны, внутри алтаря, по крайней мѣрѣ за чертою иконостаса (главнаго) гробницы царя Ивана Грознаго и двухъ сыновъ его Іоанна (убитаго отцемъ) и Θεодора. По крайней мѣрѣ здѣсь возвышенныя тумбы надъ могилами царей весьма неприличны. Но все дышитъ святынею въ этихъ несравненныхъ храмахъ благочестивой Москвы.

Здѣсь у мѣста вспомнить о 1858 годѣ. Въ этомъ году, въ Августѣ, скончался архіепископъ Θεодотій Симбирскій. По желанію покойнаго я приглашенъ былъ изъ Казани (гдѣ я былъ викаріемъ) въ Симбирскъ. Я ѣздилъ и совершилъ погребеніе. Тамъ и духовенство и граждане полутономъ поздравляли меня преемникомъ Θεодотія и своимъ будущимъ архипастыремъ. Осмѣливался и я мечтать объ этомъ же потому, наипаче, что преосвященный Θεодотій, отъ Семинаріи мой покровитель и благодѣтель, любившій меня какъ сына и цѣнившій меня (онъ лучше многихъ зналъ меня), предъ кончиною своею, убѣдительно просилъ митрополита Московскаго Филарета (можетъ быть, и еще кого-либо) по кончинѣ его въ Симбирскъ назначить викаріа Казанскаго Никодима. Я былъ уже епископомъ четыре года, смѣлъ считать себя стоящимъ этого повышенія. Однако вышло не такъ. Въ Симбирскъ назначенъ епископъ Евгеній, викарій Московскій (онъ тамъ и доннынъ), а я остался въ сторонѣ. Возвратясь изъ Симбирска чрезъ мѣсяць или побольше, я въ Казани вижу вотъ какой сонъ. Я иду изъ собора Благовѣщенія (въ Московскомъ Кремлѣ), вхожу въ Архангельскій соборъ, съ западныхъ вратъ. Посреди церкви стоитъ митрополитъ Филаретъ и при немъ другой высокій монахъ. Я прошелъ мимо ихъ. А они пошли отъ меня въ лѣвую (отъ меня) сторону, т. е. на Сѣверъ». Я думаю: это Евгеній, котораго митрополитъ Филаретъ поставилъ въ Симбирскъ, а я остался въ сторонѣ. Нынѣ, выходя изъ Благовѣщенскаго собора, я хотѣлъ войти въ Архангельскій сквозь западныя врата (припоминая сонъ). Но нельзя было: производилась работа и надъ вратами и во вратахъ; они заставлены лѣсами. Во власти Божіей всѣ шаги наши!

5. Изъ Архангельскаго собора я повернулъ немного вправо, чтобъ съ обрѣза Кремлевской горы взглянуть на Замоскворѣчье, Москву-рѣку и окрестность: великолѣпный видъ! Есть ли другой такой въ Рос-

сіи, не знаю; но Москва-рѣка въ сравненіи съ Енисеемъ, на которомъ Красноярскъ, показалась малымъ протокомъ. (Енисей въ Красноярскѣ верста шириною). Отсюда я потянулся въ Чудовъ монастырь. Едва дотащился, усталъ смертельно и весьма взапрѣлъ (на мнѣ теплый подрысникъ). Вошелъ въ храмъ Божій, еще длится литургія... «И всѣхъ и вся»... Постоявши до причастія, я пошелъ къ мощамъ святителя Алексія. Благоговѣйный іеромонахъ, стоящій у мощей, благолюбезно обласкалъ меня. Я порадовался, что и нынѣ есть благіе отцы, истинно образцовые. Я просилъ молитвъ и благословенія у святителя Алексія. И здѣсь есть въ церкви народъ; стоятъ благоговѣйно. Вышедши отсюда, я сѣлъ въ карету для объѣзда (по дорогѣ) съ поклонами.

1. Приѣхали въ Крестовоздвиженскій упраздненный монастырь, гдѣ пребываютъ соборяне Успенскаго собора, къ протоіерею сего собора, Дмитрію Петровичу Новскому. (Онъ мой наставникъ въ Академіи, въ логикѣ и психологіи). Непринять; очень нездоровъ.

2. Въ Егорьевскій, тоже упраздненный монастырь, гдѣ пребываютъ соборяне другихъ соборовъ, къ протоіерею кафедральному (Архангельскому) Петру Евдокимовичу Покровскому. Принять предружелюбно, обласканъ, ободренъ, мнѣ предложены съ его стороны всѣ возможныя услуги. Истинно-ангельская душа. Онъ уже вдовъ. Дѣтей немного, кажется, женскаго пола и уже въ замужествѣ. Онъ одинъ. Старше меня однимъ курсомъ по той же Московской Академіи 6-го курса. Кончилъ въ 1828 году. Когда я былъ младшій студентъ, Петръ Евдокимовичъ былъ старшимъ въ моей комнатѣ. Отсюда слѣдовало бы заѣхать къ первому викарію Леониду, живущему на Саввинскомъ подворьѣ, на Тверской, и мнѣ по дорогѣ; но я узналъ, что онъ живетъ гдѣ-то за Москвою, въ загородномъ домѣ; я радъ былъ, что и самъ избавляюсь и его освобождаю отъ тягостнаго свиданія, потому что мы не питаемъ другъ къ другу сердечнаго уваженія и довѣрія. Кто изъ насъ виноватъ болѣе, разсудить Господь.

3. Приѣхалъ ко второму викарію, Игнатію Можайскому. Я его вовсе не зналъ лично. Онъ живетъ въ Высокопетровскомъ монастырѣ и имъ управляетъ. Я принятъ уважительно, благосклонно, сердечно. Я радъ былъ. Поговорили. И сей владыка предлагалъ мнѣ въ нуждѣ потребную и возможную помощь. Отсюда я поѣхалъ домой на подворье. Приѣхалъ въ часъ, отчаянно изнуренный, усталый, весь мокрый отъ пота. Мнѣ дали хорошій обѣдъ. Уснулъ сладко. Вечеромъ былъ въ банѣ, хорошая, легкая, предусмотрительно устроенная, деревянная, въ саду, у самага дома. Прошелъ и по саду. Простенькій, рослый, многодревесный. Есть *лиственница*, но она здѣсь чужая, истощена, искривлена, тонка, чуть жива. У насъ въ Красноярскѣ *лиственница*

царипа деревъ и лѣсовъ, на три сажени выше сосенъ, иногда сажени двѣ въ охватѣ. Тутъ же увидѣлъ о. игумена Перервинскаго Николаевскаго монастыря, въ обители коего назначено мое пребываніе. Онъ мнѣ соимяненъ, Никодимъ. Лицо честное, покойное. Ему побольше сорока лѣтъ.

25 число Іюля. Успеніе Св. Анны Матери Божіей. Св. отцовъ пятого вселенскаго собора. Макарія Желтоводскаго.

Ночь спалъ тревожно. Болѣзненные грезы, послѣдствіе вчерашняго великаго утомленія и, можетъ быть, бани. Такъ какъ владыка обѣщался сегодня быть къ вечеру, то я и хотѣлъ было дожидаться его здѣсь, чтобъ, не трудясь въ поѣздкѣ къ нему, представиться ему здѣсь. Но бывшіе у меня два архимандрита Филаретъ и Веніаминъ, отецъ и сынъ (первый, бывшій Енисейскій, второй Чудовскій намѣстникъ) дали мнѣ понять, что я обязанъ явиться къ митрополиту. Я призналъ ихъ наставленіе вѣрнымъ. Попросилъ экипажъ. Мнѣ дали карету, и я съ Федоромъ, часовъ въ десять, отправился въ Черкизово, за Москву, версты на пять. Поѣхали; версты три до заставы-Рогожской и за тѣмъ версты двѣ до Черкизова. И тутъ сплошное населеніе. Пріѣхали въ Черкизово. Какая то рѣчка-ручеекъ. Налѣво изъ нея огромный прудъ. Переѣхавши мостъ, миниатюрная приходская церковь стариннаго Московскаго вкуса, съ оградю. Это Черкизово. Мы тотчасъ поворотили налѣво же, мимо церкви, въ огромный липовый садъ, обнесенный каменною стѣною. Это дача митрополита. Въ саду хорошій деревянный домъ на берегу пруда. Меня встрѣтилъ Гавріиль Ивановичъ Веніаминъ, протоіерей, сынъ митрополита.

Владыка принялъ вѣжливо, хотя немного холодно и сухо. Подана чашка чаю. Рѣчи простыя, отдаленныя. Я говорилъ о пожалованіи митры Тобольскому кафедральному протоіерею, восьмидесятилѣтнему старцу, Петру Андреичу Фелицыну: полный, холодный, съ негодованіемъ отказъ. Говорилъ о рукописи преосвященнаго Варлаама Тобольскаго, лежащей въ Сѣнодѣ безъ движенія: еще холоднѣе отвѣтъ. Рукопись признана недѣлюю. Ее окритиковалъ Нилъ, епископъ Ярославскій, а и на самага Варлаама Сѣнодъ смотритъ со скорбію и досадами: много жалобъ, и дѣйствія его Сѣнодъ многія признаетъ неправильными и утѣснительными.

О себѣ я не сказалъ ничего. Попросилъ благословенія завтра выѣхать въ Перерву, мѣсто моего пребыванія: дано холодное дозволеніе. Я всталъ, поклонился и вышелъ. Повидимому, грустно; но я радъ былъ, что скоро уволенъ. Я боялся быть задержаннымъ до обѣда, особенно по причинѣ разстройства моего живота. Холодность къ себѣ

митрополита я изъясняю изъ того, что я не тотчасъ по прїѣздѣ явился къ нему, а уже на третій день. Но я разсудилъ: а) по прїѣздѣ въ Москву прежде всего надлежитъ поклониться святости Божіей здѣсь и просить себѣ благословенія отъ сей святости; б) ждалъ, что владыка самъ прїѣдетъ въ Москву (мнѣ еще въ первый день прїѣзда моего сказали, что онъ вечеромъ будетъ); в) съѣздить въ Черкизово, хоть въ каретѣ, нелегкая вещь: десять верстъ по каменной мостовой! Ну, слава Богу, я все кончилъ. Прїѣхалъ на подворье въ первомъ часу. Мнѣ дали обѣдъ, и за тѣмъ я легъ уснуть.

Въ пятомъ часу ѣздилъ въ городъ единственно, чтобъ самому видѣть книжный магазинъ г. Оерапонтова и познакомиться съ хозяиномъ лично для будущихъ моихъ сношеній. Былъ хозяинъ Андрей Николаичъ Оерапонтовъ, среднихъ лѣтъ, простой, добрый, честный Москвичъ. Онъ радъ меня видѣть, и я радъ же его видѣть. Наговорились. Познакомились. На него можно положиться. Магазинъ его маленькій; кажется, онъ средней руки книжный торговецъ. Но у нихъ есть лига: чтò есть у одного, то можетъ получить другой. Потому всякую книгу можно получить у всякаго, если она есть хоть въ одномъ магазинѣ.

Во всю ночь я не пошелъ въ церковь. Не надѣялся (а утреннюю литургію слушалъ, былъ). Моя комната подъ окнами церковными: отчасти можно слышать службу. Подошла къ растворенному окну женщина еще цвѣтущихъ лѣтъ, вдова коллежскаго ассесора, съ тремя дѣтьми: умираетъ съ голоду. Я далъ ей рубль; она изумилась. Значить, такихъ подаяній она не получаетъ. Но какое убійственное положеніе молодой женщины безъ способовъ содержанія, безъ возможности трудиться съ тремя малыми дѣтьми. У митрополита одинъ глазъ закрылся: готовится принять операцію.

26-е число Юля. Воскресеніе 8-е по Св. Троицѣ. Св. Ермолая. Пр. Параскевы. Пр. Моисея Урина Печерскаго.

Память матери моей Параскевы Борисовны: она именинница была въ этотъ день. Покой ее, Господи, во царствіи Твоемъ!

Всталъ въ 6-мъ часу. День пасмурный. Поетъ канарейка. Помоглился. Въ 7 часовъ пошелъ къ литургіи въ домовую церковь. Служилъ самъ эконоомъ о. Арсеній, тонкоголосый. Служба благоговѣйная. Я молился, слезы катились. Въ сугубой литургіи прикладывается особое прошеніе о избавленіи отъ бѣдъ, по распоряженію митрополита Филарета. Въ церкви сей есть поминовеніе усопшихъ каждый день. Поминаютъ немногò. Филаретъ поминается. Было довольно богомольцевъ: чистый, городской народъ. Больше женщины-старушки.

Въ Перервинскій монастырь дано было знать еще вчера, что я сегодня желаю выѣхать изъ Москвы. Къ 10 часамъ дня я уже собрался. Мнѣ присланы отличныя крытыя дрожки на парѣ прекрасныхъ лошадей. Я въ нихъ и поѣхалъ.

Для поклажи оставилъ Ѳедора, который на особой телѣгѣ, экономической, поклажалъ наше имущество и поѣхалъ послѣ насъ. Мы поѣхали къ Иверской, чрезъ площадь, спустились къ набережной, мимо Воспитательнаго дома, за Москву чрезъ какую-то заставу, по Стромынской дорогѣ, черезъ село, потомъ направо узкою дорогою, вонючими полями, переѣхали Киевскую желѣзную дорогу, кажется, дважды, и въ первомъ часу приѣхали въ Николаевскій Перервинскій монастырь.

Меня встрѣтилъ о. игумень Никодимъ съ старшими отцами на крыльцѣ церковномъ. Я вошелъ въ храмъ Николая Чудотворца, верхній, поклонился ко храму святому Божію, а отсюда о. игумень привелъ меня въ мои келіи: пять комнатъ, со сводами, во второмъ этажѣ, въ югозападномъ углѣ монастыря. Я сотворилъ молитву и возблагодарилъ Бога за достиженіе мѣста покоя моего. Комнаты еще слывятся патриаршими. Ихъ точно выстроилъ для себя, какъ загородное, молитвенное успокоеніе, патриархъ Адрианъ десятый, послѣдній, при Петрѣ Великомъ. Блаженный Адрианъ до патриаршества былъ митрополитомъ Казанскимъ. Меня все это назидало и утѣшало.

Въ Москвѣ гостить это время новопосвященный епископъ *Іоаннъ*, всего тридцати четырехъ лѣтъ, профессоръ Московской Духовной Академіи. Посвященъ въ Америку на мѣсто моего преемника, преосвященнаго Павла, назначеннаго въ Красноярскъ. Впрочемъ преосвященному Іоанну дана совѣтъ особая инструкція, которою онъ уполномочивался основать свою кафедру даже въ Калифорніи, и съ другими либеральными порученіями. Преосвященный Павелъ былъ изъ бѣлыхъ духовныхъ семинарскаго ученія. Теперь послали академиста и молодого, знакомаго съ современнымъ просвѣщеніемъ и знающаго Европейскіе живые языки: отъ него надѣются выгоды православію въ Америку и уже, по крайней мѣрѣ, просвѣщенной защиты. Сегодня онъ служитъ въ Параскевievской церкви, что въ Охотномъ ряду: храмовой праздникъ. Я проѣхалъ у самаго этого храма и въ самое служеніе: было чувствительно! Я не чуждъ по служебной связи Іоанну: онъ есть на мѣстѣ моего преемника, и мнѣ какъ бы внукъ. Завтра у митрополита готовится для преосвященнаго Іоанна бранный обѣдъ: я былъ лишній! Послѣ завтра торжественный ходъ въ Дѣвичій монастырь, и митрополичье служеніе: я опять лишній! Можетъ быть, и это есть причина холодности ко мнѣ митрополита. А я самъ очень радъ уклонить-

ся отъ отягощеній собою высокихъ лицъ, коимъ не до уволенныхъ отъ службы.

Я поклонился Иверской иконѣ Матери Божіей и, ѣдучи Кремлемъ и Москвою, воспоминалъ молитвенно святости ея и обливался слезами.

Буди благословенъ Промышляющій о насъ Господь Богъ нашъ!

Епископъ Никодимъ, бывший Енисейскій и Красноярскій.

15 Ноября 1870 года.

Перервинскій-Николаевскій монастырь.

П о с л ѣ с л о в і е .

Изъ Казани въ Красноярскъ я выѣхалъ 7 Декабря 1861 года, а въ Красноярскъ пріѣхалъ 5 Января 1862 года. (29 дней).

Изъ Красноярска въ Москву и Перерву я ѣхалъ 45 дней.

Моей службы и житія въ Красноярскѣ было восемь лѣтъ, пять мѣсяцевъ и 6 дней): пріѣхалъ 5 Января 1862 г. выѣхалъ 11 Юня 1870 г.

Я первый епископъ въ Енисейской епархіи, которая открыта 25 Мая 1861 г., а я утвержденъ Государемъ 18 Сентября. Енисейская епархіа до сего составляла часть Томской, которая и сама открыта, кажется, въ 1832 г.

Въ Енисейской губерніи считалось около 200,000 душъ. Пространство же ея: а) отъ Юга къ Сѣверу до 2,500 верстъ (отъ 53 градусовъ долготы до 78); б) отъ Запада къ Востоку отъ 500 верстъ до 1000. Впрочемъ, населенныя мѣста только въ южной половинѣ губерніи, а именно отъ Саянскихъ горъ до города Енисейска, около 700 верстъ. Отъ Енисейска же на Сѣверъ обитаютъ Тунгузы и Остяки, святающіеся и исчезающіе, кажется, отъ опеки Русскихъ. На пространствѣ, по крайней мѣрѣ 1500 верстъ отъ Юга къ Сѣверу и 1000 верстъ отъ Востока къ Западу, въ настоящее время считается не болѣе 10—12 тысячъ этихъ людей

Хотя въ Енисейскую губернію поселенцевъ присылаютъ изъ Россіи ежегодно не одну сотню, и расселяютъ ихъ по губерніи, но они не живучи: гаснутъ какъ догорающіе огоньки. Преобладающій народъ доселѣ коренные Сибиряки. Кто они происхожденіемъ, не могу сказать смѣло, хотя нѣкоторыя мѣста своими названіями даютъ понять, откуда нынѣшніе жители его. Енисейскъ, древнѣйшій городъ, безъ сомнѣнія заселенъ Устюжанами. Сибиряки однакоже, сколько я ихъ видалъ: а) довольно сходны лицемъ, разговоромъ постройками, домашнимъ хозяйствомъ; б) всѣ они говорятъ чистымъ Московскимъ языкомъ, что весьма удивительно. У насъ, въ Енисейской губерніи, нѣтъ раскольниковъ, ниже какихъ другихъ сектъ. Въ Саянскихъ горахъ недавно поселились свирѣпые раскольники, на рѣчкѣ Усь; но они бѣглецы изъ Россіи или откуда нибудь. Около Саянскихъ же горъ есть большая деревня Іудействующихъ. Но это Пермскіе бѣглецы раскольники, завѣсившіе себя Іудействомъ, котораго и аза не понимаютъ, для сокрытія своихъ безпутствъ и развратовъ. Есть единоличности раскола, случайно появившіяся кое-гдѣ; но это ссыльные, насланные, коренной же Сибирякъ гнушается раскольниками и твердъ въ вѣрѣ.

Мѣстность Енисейской губерніи великолѣпная. Рѣка Енисей, взявшись въ Китаѣ по ту сторону Саянскихъ горъ, разсѣкаетъ ихъ поперекъ, входитъ въ Россію противъ Енисейской губерніи, протекаетъ всю сію губернію отъ Юга къ Сѣверу, по самой срединѣ ея, и вливается въ сѣверное Ледовитое море. Теченіе ея въ Енисейской губерніи около трехъ тысячъ верстъ, да въ Китаѣ съ тысячу верстъ. При выходѣ изъ Саянскихъ горъ, у деревни *Означенной*, Енисей имѣетъ 200—300 саж. (на мой взглядъ); въ Красноярскѣ уже съ версту шириною; въ Енисейскѣ двѣ версты; за Щеками три версты; у села Инбатскаго четыре версты; противъ Туруханска пять верстъ. 600 верстъ ниже Енисей дѣлается уже губою въ 60—100 верстъ шириною, со множествомъ острововъ и затѣмъ вливается въ море, до котораго однакоже самыя смѣлые едвали доплывали, ибо это уже 78-й градусъ долготы.

Южная сторона Енисейской губерніи, какъ стѣною отграждена отъ Китая Саянскими горами, коихъ вершины покрыты снѣгомъ. Горы сіи суть собраніе хребтовъ горъ въ 100—200 и даже 300 верстъ шириною. Только смѣлые казаки, частію и по нуждѣ (для осмотра знаковъ границы Россіи съ Китаемъ) переваливаютъ сей хребетъ.

Но и внутри губерніи есть огромныя горы. Енисей течетъ на пространство, можетъ быть, пятисотъ верстъ, отъ Минусинска до Красноярска въ огромныхъ каменныхъ горахъ. Съ горы села Рыбинска, чтѣ на трактѣ, цѣлая треть горизонта къ Югу опоясана горами, покрытыми снѣгомъ. Отъ села Абаканска налѣво (смотря на Югъ) огромныя горы.

Рѣка Абаканъ вытекаетъ изпромежъ Саянскихъ и Алтайскихъ горъ и впадаетъ въ Енисей немного ниже Минусинска. Оттуда же вытекаетъ рѣка Чулымъ; вѣяя почти до города Енисейска у лѣвой стороны рѣки Енисея, но уходя въ Обь, а не въ Енисей.

Съ правой стороны впадаютъ въ Енисей (кромѣ рѣкъ: а) Туба, б) Мана в) Канъ, кои имѣютъ 100—150 сажень ширины три огромныя, рѣки, кои всѣ зовутъ *Тунузками*: а) *Верхняя*, это Иркутская Ангара, двѣ версты ширины, *Средняя*, она же *Под-Каменная* (т. е. у каменнаго хребта горъ разсѣкаемаго Енисеемъ, стороны котораго направо и налѣво стоячіи каменныя стѣны во сто сажень вышины, называются *Щеки*), верста ширины в. *Нижняя* противъ Туруханска, верста ширины. На устьѣ ея, направо стоитъ Туруханскій Троицкій монастырь.

Въ Минусинскомъ округѣ и отчасти въ Ачинскомъ есть голыя каменныя степени. Сюда Русскіе загнали первобытныхъ засельщиковъ, которыхъ здѣсь зовутъ инородцами. Они не знаютъ хлѣбопашества, живутъ скотоводствомъ и наипаче разведеніемъ лошадей. Они живутъ въ неподвижныхъ избахъ, которыя впрочемъ суть юрты, т. е. зданія безъ печи: огонь глится посредиѣ юрты, и тѣмъ грѣются жители. Они страшно бѣдны, въ лоскутьяхъ, полунагіе. Тому содѣйствуетъ главно опека Русскихъ. У нихъ свой языкъ (говорятъ, Татарскій). Женщины совсѣмъ не знаютъ Русскаго языка. Такихъ инородцевъ считаютъ до двадцати тысячъ. Вообще же Енисейская губернія вся покрыта лѣсомъ и наиболе *краснымъ*, т. е. сосною, листвен-

ницею, иногда елью, и полосою кедрами. Но, о Боже, здѣсь жалко взглянуть на лѣса. Ихъ жгутъ ежегодно, нещадно, повсюду, съ ранней весны до поздней осени. Здѣсь нѣтъ Русскаго лѣса, пушистаго, благоухающаго, густаго, свѣжаго. Здѣсь лѣсъ рѣдкій, больной, полуобогрѣтый, унылый, заваленый каргами (падающей лѣсъ); здѣсь для лѣсовъ есть свое слово *тайга*. Въ самомъ дѣлѣ: это не лѣсъ, не роща, не боръ, а такъ себѣ, нѣчто въ родѣ лѣса. Сквозь него увидишь человѣка въ верстѣ разстоянія. Сперва это принято Русскими по нуждѣ, чтобъ добыть себѣ площадь земли для хлѣбопашества; потомъ оно уже обратилось въ забаву, прихоть.

Земля здѣсь плодородна. Здѣсь нѣтъ обычная навозить землю. Здѣсь нѣтъ общихъ полей, а каждый самъ себѣ имѣетъ дачу, которую зовутъ *займка*. (Онъ ее *занимаетъ*, никого не спрося, увѣрившись напередъ, что она *незанята еще* никѣмъ другимъ). Скотина здѣсь пасется сама себѣ. Для нея огораживаютъ мѣстность вокругъ селенія отъ трехъ до пяти верстъ въ радиусѣ, центръ котораго есть само селеніе (займка уже за изгородью). Жительство въ Енисейской губерніи расположено или по берегамъ рѣкъ, или по тракту. За тѣмъ все прочее пространство остается пустымъ, незанятымъ и неизвѣстнымъ, большею частію.

Климатъ въ Енисейской губерніи вообще почитается здоровымъ и приятнымъ, по крайней мѣрѣ для туземцевъ. Губернскій городъ Красноярскъ, гдѣ и архіерей, стоитъ въ срединѣ населенной части губерніи. Мѣсто красивое: при Енисеѣ, полуокружено хребтомъ горъ отъ Запада-Юга къ Востоку. Но здѣсь напаче господствуетъ западный вѣтеръ, нерѣдко обращающийся въ бурю. Лѣтомъ онъ тотчасъ изсушаетъ влагу дождя, а зимою сметаетъ снѣгъ до того, что здѣсь почти нѣтъ снѣговой дороги: въ лютые морозы ѣдутъ на колесахъ. Но здѣсь, по всей губерніи и по всей Восточной Сибири, въ воздухѣ стоитъ во все лѣто сухая, синяя, ѣдкая изгарь. Это отъ пожара лѣсовъ. Тяжело дышать. Природа унылая. Зелень колючая, полублеклая, свернувшаяся въ трубку. Дождей такъ мало, что ихъ не можно положить болѣе десяти-пятнадцати во все лѣто, если изъ числа ихъ исключить накрапыванія, которыя не смачиваютъ и пыли. Я почитаю все это послѣдствіемъ пожара лѣсовъ: изсушается атмосфера. Даже и вѣтры, вѣтры постоянные, жестокіе, почитаю послѣдствіемъ тоже паловъ: разрѣжается воздухъ, теряется равновѣсіе, вѣтеръ. Истребленію лѣсовъ пожарами приписываю и оскуднѣніе вольной птицы, вольныхъ животныхъ и звѣрей. Пѣвчихъ птицъ нѣтъ, водяныхъ тоже, въ лѣсахъ пустота. Сорока, воронъ, ястребъ иногда орелъ и стадо галокъ: вотъ жители пустынныхъ лѣсовъ Сибири. Волковъ совсѣмъ нѣтъ. О медвѣдяхъ изрѣдка слышимъ. Лисицы есть, но очень немного. Дикія козы есть.

Однакоже здѣсь здравіе въ людяхъ доброе. Въ мое восьмилѣтнее пребываніе я только однажды слышалъ о повальной болѣзни въ одномъ углу епархіи. Холеры здѣсь не бывало. Ягоды здѣсь: смородина черная и красная вездѣ есть. Маляна, земляника, брусника, черника. Но палы надолго истребляютъ и ягодныя мѣста. Грибовъ здѣсь нѣтъ бѣлыхъ и сѣрыхъ: ихъ при-

возять изъ Россіи! Вотъ что значать палы. Собирають здѣсь бѣянки и, кажется, грузди; ихъ солятъ. Хлѣбъ въ Красноярскѣ ѣдятъ лъвой, озимаго почему-то не сѣютъ. Хлѣбъ однакоже отлпчный. Колодезей почти нѣтъ. Употребляють рѣчную воду. Но тутъ вотъ въ чемъ несчастье: берега рѣки усыпають навозомъ и всякою дворовою и уличною нечистотою (для полей навозъ ненуженъ). Такимъ образомъ чистая вода рѣки портится, дѣлается гнилою, вонючею. Такъ даже въ Красноярскѣ. Городскія власти отзываются привычкою населенія дѣлать это гнусное дѣло, себѣ же на посмраженіе и пагубу. Дороги здѣсь полупшоссейныя, самодѣльныя. Расхода казны никакого: все сдѣлають крестьяне по наряду. Мосты отличныя.

Церкви въ Енисейской епархіи около двухсотъ. Изъ нихъ больше половины деревянныхъ, и болѣе пятидесяти самыхъ новыхъ. Послѣднія самыя жалкія: маленькія, холодныя, темныя. Въ пятидесятихъ годахъ вышло дозволеніе отъ Синода строить въ Сибири церкви, не представляя предварительно Синоду, а только съ благословенія архіерея. Въ то же время Синодъ дозволилъ самимъ Сибирскимъ архіереямъ открывать новые приходы. Въ обѣихъ сихъ статьяхъ отличился наипаче преосвященный Паросній, бывшій сперва Томскимъ и Енисейскимъ. Сперва и я плѣнился было этою мыслію. Затѣмъ, посмѣтрѣвши на дѣло ближе, я остановился на томъ, что есть. Я увидѣлъ, что приходы измельчали до того, что индѣ не состояло и 400 душъ прихожанъ, что есть послѣдняя мѣра для прихода. Миѣ доводилось даже закрывать нѣкоторые приходы по сущей невозможности существовать даже двумъ лицамъ клира, священнику и причетнику. Такимъ образомъ, церкви каменные и самыя хорошія изъ деревянныхъ построены до размноженія приходовъ, а самыя малыя и жалкія построены въ новѣйшее время.

Старинныя каменные церкви болѣею частію прочны, красивы, просторны и украшены златомъ и серебромъ, и на иконахъ и въ утвари изобильно. Новыя каменные церкви уродливы и хилы (укажу на Чернорѣчинскую и Шилинскую), мрачны и бѣдны убранствомъ. Каѳедральный соборъ Красноярской есть копія Благовѣщенской церкви въ Петербургѣ, что противъ тамошняго каменнаго моста чрезъ Неву. Красноярской соборъ стоилъ храмоздателью, Исидору Григорьевичу Шеголеву, какъ онъ объявилъ (и, конечно, не солгалъ) шестьсотъ тысячъ рублей. О, Боже! Петербургскій соборъ, его товарищъ и предшественникъ, ей, стоилъ не болѣе шестидесяти тысячъ рублей! Остальные же поглотили архитекторы, комиссіи, ревизоры и все, что есть власть-администрація. Эти враны ненасытныя въ Сибири приводятъ въ ужасъ населеніе насиліемъ, грабежами, утѣсненіемъ. Размѣръ каѳедрального собора: 25 сажень въ длину, 12 сажень въ ширину, высота пропорціональная. Внутри восемь огромныхъ устоевъ, въ два ряда, поддерживаютъ сводъ собора; сверху главный куполъ окружають, по четыремъ угламъ, четыре камшанеллы (церквицы), совершенно безполезныя, ибо стоятъ пустыя, и во внутрь церкви и отъ нихъ просвѣта нѣтъ. Съ западной стороны съ соборомъ слита колокольня, въ видѣ бутылицы (какихъ много въ Москвѣ), въ треть ширины собора. Ужели такое зданіе должно стоять шестьсотъ тысячъ

рублей, въ Сибири, въ Красноярскѣ, гдѣ лѣсъ стоитъ ничего болѣе, какъ срубить его на берегу рѣки, сбросить его въ рѣку и доплавить до Красноярска (20—50 верстѣ) и гдѣ храмоздатель, отличный хозяинъ и купецъ, имѣлъ свои кирпичные заводы тутъ же, въ верстѣ отъ собора?

Каменные церкви часто двухъэтажныя, внизу теплая, вверху холодная. Особенно зимнія весьма низки и тѣсны, а алтари боковые, только для одиной службы священника. Въ нѣкоторыхъ церквахъ, даже въ Красноярскѣ, я потому и не служилъ, что негдѣ размѣститься самому ограниченному собору, и задохнешься. Непредусмотрительность храмоздателей и простота духовенства.

Рѣдкая церковь каменная (изъ новыхъ) цѣла, почти всѣ онѣ имѣютъ трещины. Одна церковь (Уринская) при мнѣ разобрана, вся въ щеляхъ, другую (въ Кемчугѣ) подрѣпили, подводя новый фундаментъ. Есть страшная ошибка: въ канаву фундамента насыпаютъ сухой гальки (мелкій камень-голышъ) и думаютъ, что это фундаментъ. Когда возведется на такомъ фундаментѣ каменное зданіе, оно раздавитъ гальку, и она поползетъ во всѣ стороны: зданіе даетъ трещины и грозитъ развалиться. Такъ строятъ и дома. И въ Красноярскѣ нѣтъ каменнаго дома безъ трещинъ.

Духовенство Енисейской епархіи на половину туземное, другая же половина изъ наѣхавшихъ изъ Россіи, особенно изъ Рязани, Калуги, Владимира. Къ чести туземнаго духовенства справедливо должно отдать имъ преимущество предъ заѣзжими: благоразумны, осторожны, терпѣливы, послушны. Вся знать нашего духовенства Сибиряки. Въ Консисторіи изъ четырехъ членовъ трое Сибиряки. Но и изъ Русскихъ есть очень хорошіе, особенно получившіе полное образованіе въ Семинаріи. Самые плохіе священники не ученые, и Русскіе, и Сибирскіе.

Пьянство въ духовенствѣ рѣдко, но есть самые жалкіе и отчаянные. Изъ нихъ нѣсколько и при мнѣ отъ сей слабости преждевременно кончили жизнь. И наше Енисейское духовенство, подобно собратіи своей въ Россіи, имѣетъ содержаніе самое умѣренное; но при честномъ и осторожномъ житіи, они и при малыхъ доходахъ живутъ прилично. Обѣзжая епархію, я наиболѣе останавливался ночевать у священниковъ; не помню, гдѣ я поскучалъ бы неудобствомъ помѣщенія, бѣдностію стола, или чѣмъ инымъ: все чисто, опрятно, благородно. Самъ священникъ, его жена и дѣти одѣты прилично. На лицахъ ихъ честность, покой духа, разумность.

Скажу о себѣ. Я первый епископъ Енисейскій. Пріѣхалъ изъ Казани гдѣ былъ викаріемъ, 5 Января 1862 года. 8 числа открылъ Консисторію. Отселъ и началось бытіе Енисейской епархіи. Отцы духовные наняли для меня хорошій каменный двухъ-этажный домъ купчихи Мавры Герасимовны Бѣловой (она скончалась года черезъ три). Домъ въ лучшемъ мѣстѣ города и лучшій. Однако мнѣ уступленъ только верхній этажъ, а въ нижнемъ торговые магазины (что мнѣ было безпокойно). Здѣсь я прожилъ 14 мѣсяцевъ. Сталъ скучать безпокойствами дома, не имѣя власти надъ нимъ. Нашли другой домъ, купца Ребинова, близъ каедральнаго собора, на углу (юго-запад-

номъ) площади,—домъ весь въ моемъ распоряженіи. Здѣсь я прожилъ три года, пока выстроилъ собственный архіерейскій домъ, въ который перешелъ въ концѣ Мая 1866 года. Домъ поставленъ противъ Запада кафедральнаго собора и занимаетъ цѣлый кварталъ $60 \times 50 = 3000$ сажень. Домъ деревянный, строенъ по моей мысли и желанію. Есть церковь, во имя Іоанна Крестителя. (Въ память нареченія епархіи 25-го Мая, въ день обрѣтенія главы Предтечевой). Длина дома четырнадцать сажень, ширина 6 сажень, длина на Востокъ 11 сажень. Домъ имѣетъ видъ глаголя. Въ 1869 году весь домъ внутри оцекатуренъ, а снаружи обшитъ тесомъ и покрашенъ желтымъ, а кровля зеленая. Особый корпусъ для братіи. Три большихъ холодныя зданія. Я несчастливъ: въ постройкѣ дома мнѣ граждане не давали и мѣста. Я поторгъ его у нихъ, исходатайствовавъ высочайшее соизволеніе безъ вѣдома ихъ. Святѣйшій Синодъ не дозволялъ мнѣ строить деревянный домъ и не соглашался дозволить строить домъ по плану, не утвержденному Синодомъ. Я выстроилъ деревянный домъ и по плану, который показалъ только губернатору. Потомство пусть судить, много-ли я виноватъ ослушаніемъ и виновать ли? Дома не было бы доселѣ, если бъ я не построилъ его *на свой страхъ!*

Я дважды объѣхалъ всю мою неизмѣримую епархію и ее знаю лучше всякаго другаго мѣста, лучше Московской епархіи, гдѣ я родился. Изъ 175 приходоу не осталось и двадцати, гдѣ бы я не служилъ, а быть, кажется, былъ во всѣхъ. Граждане были ко мнѣ холодны, особенно власти и чины, хотя я не хотѣлъ имъ зла и намѣренно не дѣлалъ. Насъ разсудить Господь. Духовенству же я совершенно благодаренъ: я ими не оскорбленъ. Сердца наши Богъ вѣсть, но я не потерпѣлъ значительно ни отъ одного лица оскорбленія, которое помнилъ бы и доселѣ. Послушаніе полное, уваженіе подобающее, исправность. Мнѣ не доводилось нудить кого либо къ долгу: всякій зналъ самъ. Погрѣшности были со стороны ихъ, но я ихъ почти не помню, и они видно не были слишкомъ разрушительны въ послѣдствіяхъ ихъ. Я напротивъ себя окаляю въ холодности и лѣности къ дѣламъ долга, а иногда и въ своенравіи. Простите меня, братія!

На мое мѣсто назначенъ преосвященный Павелъ, изъ Америкки. Назначеніе его 10 Іюня. Онъ былъ у меня въ Перервѣ 10 Декабри, а теперь, конечно, уже въ Красноярскѣ.

Стоить примѣтить: 1. Я, ѣдучи на покой, сдѣлалъ 4116 верстъ (осьмью или даже седьмую часть земного шара). 2. Преосвященный Павелъ, изъ Америки до Красноярска, объѣхалъ почти цѣлый свѣтъ. 3. Преосвященный Іоаннъ, отсюда до Америки, объѣхалъ болѣе полсвѣта.

Стезю мою и ѳже мое Ты еси изслѣдовалъ и вся пути моя провидѣлъ еси, Господи. Псаломъ 138.

9 Января 1871 г.

Перерва.